

Кафедра языков стран Ближнего и Среднего Востока

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРАБСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Сборник научных статей
II Всероссийской научно-практической конференции
имени Х.К. Баранова
(15 октября 2020 г.)

Под общей редакцией
кандидата филологических наук, доцента А.В. Штанова

УДК 811.411
ББК 81.2Араб
А43

Ответственный редактор —
кандидат филологических наук, доцент *Э.В. Яковенко*

«Актуальные проблемы арабской филологии» : сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции имени Х.К. Баранова (15 октября 2020 г.) / под общей редакцией А.В. Штанова ; ответственный редактор Э.В. Яковенко ; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра языков стран Ближнего и Среднего Востока. — Москва : МГИМО-Университет, 2021. — 329, [1] с.

ISBN 978-5-9228-2465-1

Сборник научных статей подготовлен по материалам II Всероссийской научно-практической конференции имени Х.К. Баранова, проходившей 15 октября 2020 года в МГИМО МИД России. В сборник включены статьи, посвященные широкому спектру актуальных вопросов арабской филологии («Грамматика арабского языка. Методика преподавания»; «Лексикология арабского языка. Литература. Перевод. Социолингвистика. Лингвокультурология»; «Арабский язык и языки мира»). Материалы сборника могут быть использованы для систематизации научных знаний по различным отраслям изучения арабского языка.

Для специалистов, преподающих арабский язык и занимающихся современными проблемами арабской филологии.

УДК 811.411
ББК 81.2Араб

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Штанов А.В. Особенности и проблемы удалённого обучения онлайн: опыт кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока.....	8
Лебедев В.В. Арабская языковая система, арабская языковедческая традиция и обучение арабскому языку как иностранному.....	29
Фомина З.Е. Арабский Восток в мировосприятии европейских мыслителей XIX в.: И. Г. Гердера, Й. фон Хаммера-Пургштала, Й. В. фон Гёте и др.....	61
Мамедов Н.Н. Новизна коранических конструкций.....	81
РАЗДЕЛ 1. ГРАММАТИКА АРАБСКОГО ЯЗЫКА. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ	
Пантюхин Н.Я. Арабский юридический дискурс.....	97
Попенков О.Н. Методика подготовки переводчиков-арабистов в Военном университете МО РФ.....	108
Кононок Э.В. Абстрактная каллиграфия в арабском языке как реализация современного статуса экфрасиса.....	116
Онищук М.Н. Формирование мотивационной составляющей изучения арабского языка на начальном этапе.....	129
РАЗДЕЛ 2. ЛЕКСИКОЛОГИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА. ЛИТЕРАТУРА. ПЕРЕВОД. СОЦИОЛИНГВИСТИКА. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ	
Билык И.Е. О социально-политическом концепте мифологизма в арабских литературах XX в.	138
Крылов А.А. Коммуникативные роли арабской и русской языковых личностей.....	160

Крылов А.Ю.	
Переводческие трансформации в переводах арабско-русских текстовых структур.....	178
Кухарева Е.В.	
Арабская фразеология и паремиология — важный элемент литературной и социальной жизни арабского общества.....	196
Меликян А.А.	
Дифференциация арабских синонимов как метод расширения словарного запаса и их генезис (для русскоязычных обучающихся).....	211
Мокрушина А.А.	
Роман-антиутопия палестинского писателя Ибрагима Насраллы глазами критиков.....	226
Успенская Н.А.	
Отражение исламской культуры в русской литературе.....	234
Шуйская Н.М.	
«Гонимый рока самовластьем ...» (К проблеме эмиграции в современной арабской прозе).....	249
РАЗДЕЛ 3. АРАБСКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКИ МИРА	
Гаджиева А.А.	
Лексические особенности «Русско-киргизского (казахского) и киргизско (казахско)-русского словаря» Ишь-Мухаммеда Букина (Ташкент, 1883).....	260
Костенко Ю.И.	
Лексико-семантические особенности функционирования арабских заимствований в современном языке иврит.....	268
Хана Я.	
Англоязычные заимствования в иракском диалекте.....	284
Штанов А.В.	
Особенности функционирования арабизмов в юридическом дискурсе турецкого языка.....	292
Антонова Н.Г.	
Арабское влияние на испанский язык: история и примеры заимствований.....	312
<i>Информация об авторах</i>	329

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2017 г. по случаю 125-летия со дня рождения выдающихся учёных–арабистов Х.К. Баранова и К.В. Оде-Васильевой, отдавших многие годы своей жизни работе на кафедре языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России, кафедра провела Всероссийскую научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы арабской филологии», по итогам которой был издан сборник научных статей. В конференции приняли участие учёные из различных научных и образовательных учреждений, таких как: Институт востоковедения РАН, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт практического востоковедения Московской международной академии, Военный университет МО РФ, НИУ ВШЭ, Высшая школа перевода МГУ им. М.В. Ломоносова, Курсы иностранных языков при Профсоюзном комитете Дипломатической академии МИД России, Московский государственный лингвистический университет.

Итоги работы конференции, а также сборник научных статей получили высокую оценку и положительные отзывы в научном арабистическом сообществе.

В связи с этим на кафедре языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России было принято решение о том, чтобы продолжить проведение данной конференции с периодичностью раз в два-три года, а также о присвоении данной конференции имени Харлампия Карповича Баранова — патриарха московской арабистической школы, который с 1954 по 1975 гг. возглавлял кафедру языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД СССР.

В итоге 15 октября 2020 г. в МГИМО в формате онлайн на платформе ZOOM состоялась 2-я Всероссийская научно-практическая кон-

ференция имени Х.К. Баранова «Актуальные проблемы арабской филологии».

Значительно расширился список участников и учреждений, которые они представляют. К организациям, заявленным на участие в 1-й конференции, добавились: Санкт-Петербургский государственный университет, Российский государственный гуманитарный университет, Институт стран Востока, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), Торговое представительство Российской Федерации в ОАЭ, Бакинский государственный университет, Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева.

Среди основных целей конференции можно выделить следующие:

1. Синхронизация научных знаний, накопленных в ведущих научно-исследовательских и учебно-образовательных центрах России по широкому спектру актуальных вопросов арабской филологии, таких как:

- типология грамматического строя арабского языка;
- проблемы арабской этимологии и структуры семитского корня;
- проблемы лингвостилистики арабского языка, функционально-стилевой стратификации арабского языка;
- особенности отражения языковой системы арабского литературного языка в региональных разговорных вариантах;
- современное состояние арабского лингвострановедения, отражение арабских реалий в литературном языке и региональных вариантах, лингводидактический потенциал арабского паремиологического минимума;
- вопросы частного переводоведения;
- классическое и современное арабское литературоведение, отражение социальных проблем в современной арабской литературе, роль мужчины и женщины в арабском обществе.

2. Обмен научным опытом и формирование регулярного научного общения на межвузовском уровне.

3. Развитие арабской научной и методической школы МГИМО, поддержание и развитие научных традиций МГИМО и кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока.

4. Развитие научного интереса к изучению вопросов арабской филологии, совместный поиск наиболее актуальных научных и методических вопросов, требующих своего изучения.

5. Разработка путей и возможностей реализации передового научного опыта в целях развития и совершенствования методики преподавания арабского языка с учётом потребностей МГИМО и особенностей профилированных выпускников МГИМО.

Конференция была проведена в формате пленарного заседания и заседания трёх секций:

Секция 1. «Грамматика арабского языка. Методика преподавания».

Секция 2. «Лексикология арабского языка. Литература. Перевод. Социолингвистика. Лингвокультурология».

Секция 3 «Арабский язык и языки мира».

Настоящий сборник материалов конференции включает в себя доклады участников конференции и может быть использован для систематизации научных знаний по различным отраслям изучения арабского языка.

А.В. Штанов

**Особенности и проблемы удалённого обучения онлайн:
опыт кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока**

С появлением нового вызова в лице коронавируса COVID-19 и возникшей затем, как в масштабах всего мира, так и в России в частности, пандемии (первый случай заболевания коронавирусом COVID-19 в России был зафиксирован 2 марта 2020 г., а первые ограничительные меры в Москве были предприняты 10 марта 2020 г.) академическое сообщество столкнулось с новыми реалиями и новыми вызовами, во главе которых идёт переход на удалённое обучение: 15 марта 2020 г. Минобрнауки рекомендовало российским вузам перейти на дистанционное обучение с 16 марта на фоне распространения нового коронавируса [6].

В контексте решений Минобрнауки о дистанционном обучении в академической среде возникла дискуссия, вызванная необходимостью формирования категориально-понятийного аппарата, позволяющего внести ясность и чёткость в терминологическую сумятицу, связанную с использованием таких терминов, как: «удалённое обучение», «дистанционное обучение», «обучение онлайн», «электронное обучение» и т.д. Отсутствие однозначного толкования данных терминов привело к серьёзным разночтениям в анализе и оценке происходивших в условиях пандемии образовательных процессов.

В МГИМО по итогам кропотливого изучения итогов организации и реализации учебного процесса в условиях пандемии, когда отсутствовал очный контент, а также с учётом решения задачи создания актуальных моделей реагирования на подобного рода вызовы и использования полученного опыта для дальнейшего развития различных форм обуче-

ния, было принято «Положение о реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в МГИМО МИД России», в котором терминологически описаны два принципиальных явления — электронное обучение и дистанционное обучение.

– Электронное обучение — организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих её обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников.

– Дистанционное обучение — совокупность образовательных технологий, реализуемых в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников. Дистанционное обучение подразумевает использование такого режима обучения, при котором обучающийся осваивает образовательную программу (или отдельную дисциплину/её часть, модуль) полностью удалённо с использованием специализированной дистанционной оболочки (платформы), функциональность которой обеспечивается Университетом [4].

Тем не менее в период пандемии имел место абсолютно особый формат учебной работы вузов в форс-мажорных условиях, когда весь учебный процесс (не только непосредственно занятия, но и администрирование данного процесса) в экстренном порядке были переведены на интернет-платформу. Это осуществлялось без предварительной подготовки, связанной с созданием каких-либо баз данных, образовательных технологий, оболочек, форм дистанционного академического и техниче-

ского (в т.ч. визуального) контроля и т.д.

Т.е. в принципе речь идёт об особой форме обучения с использованием интернет-платформы, предполагающей перенос очно-аудиторного контента в электронно-удалённый.

При всей внешней спонтанности и чрезвычайности ситуации, связанной с массовым удалённым обучением, она в целом логичным образом вписывается в общую глобальную тенденцию цифровизации жизни общества. Данные процессы не обошли стороной и нашу страну, а внутри страны распространились также и на систему образования, создав основу для внедрения технологий подлинно дистанционного обучения, целью которого было не просто оживить и наполнить новым содержанием заочный формат учёбы, который ранее вёлся от сессии к сессии, но и создать новый вид образовательной платформы «живого обучения» без привязки к аудитории. По мнению сторонников дистанционного обучения, это должно было позволить университетам расширить свои физические рамки, выйдя за пределы непосредственно здания учебного заведения, увеличить студенческую аудиторию как количественно, так и качественно, при этом сократить свои физические затраты на организацию учебного процесса и увеличить внебюджетные финансовые поступления.

И в этом направлении к 2020 г. в масштабах страны уже было немало сделано. Практически половина всех вузов в той или иной форме использовала различные формы дистанционного обучения [1, с. 31].

Были проанализированы глобальные образовательные тенденции (мегатенденции), послужившие отправной точкой для развития дистанционных образовательных технологий, среди которых чаще всего упоминаются такие, как массовый характер образования и потребность в его непрерывности; человекоцентричность образования, которое учиты-

вает запросы индивида и общества, адаптация образовательного процесса к запросам и потребностям личности; гибкость системы образования, возможность быстро реагировать на меняющиеся запросы; практикоориентированность образования; академическая мобильность участников образовательного процесса при минимальных финансовых затратах и т.д. [2, с. 9–10].

Концепция дистанционного обучения получила поддержку, а в значительной степени была инициирована на государственном уровне — Минобрнауки России Приказом № 4452 от 18 декабря 2002 г. утвердило «Методику применения образовательных технологий (дистанционного обучения) в образовательных учреждениях высшего, среднего и дополнительного профессионального образования Российской Федерации», что стало первым официальным документом, содержащим определение понятия дистанционного образования, основные технологии, формы получения образования, средства дистанционного образования, порядок тестирования, учёта процесса обучения, требования к организациям, осуществляющим дистанционное обучение [2, с. 17].

Без сомнения, грамотное и разумное внедрение в образование достижений научно-технического прогресса является залогом развития и повышения качества образования, его эффективности и продуктивности. Тем более что вне нашей воли за последние несколько десятилетий под влиянием так называемой «гаджетизации» менталитет детей, которые пополняют ряды студентов, кардинальным образом изменился. Вряд ли стоит вдаваться в глубокие рассуждения, изменился ли менталитет в лучшую или худшую сторону, главное, что он в принципе стал кардинально иной под влиянием глобальной цифровизации. Поэтому не учитывать данный факт и не вносить разумные коррективы в образовательный процесс было бы в корне неправильным и недалёковидным.

Тем не менее процессы массовой, а иногда и огульной цифровизации, нередко продвигаемые исключительно во имя самой цифровизации, вызывают немало вопросов, особенно в контексте базовых речемыслительных процессов, лежащих в основе социализации личности и развития её когнитивных способностей.

Так, например, 9 октября 2020 г. Правительство РФ приняло Постановление № 1643, согласно которому в 2 раза, до 10%, снижается ставка налога на электронную книжную продукцию, связанную с образованием, наукой и культурой, для повышения доступности данной продукции [5]. Сама по себе инициатива по поддержке книжной, в том числе и образовательной, продукции, несомненно, заслуживает всяческого одобрения, если бы не ложка дёгтя — к числу данной книжной продукции также причислены и аудиокниги.

Внешние наблюдения позволяют сделать вывод о том, что книги вообще и электронные книги в частности — это удел, как правило, не той молодёжи, которая сидит у нас в аудитории, а людей возрастом постарше. Что же касается возрастной группы нынешних школьников и студентов, то здесь востребованы (если востребованы вообще) именно аудиокниги, которые используются большей частью как телевизор, видео и интернет в качестве фонового звукового сопровождения какой-либо деятельности или бездеятельности. Что это даёт на выходе? С того момента, когда нашу жизнь захватил компьютер, мы в учебно-образовательном плане, да и в целом в нашей повседневной жизни практически полностью потеряли такой важнейший вид речевой деятельности, как письмо. В лучшем случае письмо ещё сколь-нибудь системно сохраняется в начальной школе, а далее ручка уступает место клавиатуре компьютера, гаджета.

Теперь же на очереди ещё одна жертва цифровизации — это ещё

один вид речевой деятельности, такой как чтение. Речь здесь идёт, в первую очередь, не о просмотром или поисковом чтении, а об осмысленном, изучающем, аналитическом чтении. Дело в том, что чтение, как самостоятельный вид речевой деятельности, в практическом плане носит синтезирующий характер, так как вбирает в себя элементы других видов речевой деятельности — говорения (через естественное внутреннее проговаривание при осмысленном чтении). Особое место занимает чтение вслух — оно включает в себя не только элементы теперь уже полноценного говорения, но также и слушания (пусть и самого себя). Т.е. при чтении вслух активизированы элементы трёх видов речевой деятельности из четырёх [3].

Таким образом, к вопросам цифровизации необходимо подходить максимально осторожно и взвешенно, не теряя здравого смысла и руководствуясь принципом разумной достаточности, а не формальной массовости. Между тем серьёзно настораживает присущая нам в историческом контексте огульность данного процесса в сфере образования. Не хотелось бы в итоге получить цифровизацию под лозунгом «Даёшь всё в цифре!».

Наиболее очевидным и наглядным результатом цифровизации в образовательной сфере является требование к вузам по созданию так называемой ЭОС (электронной образовательной среды). Опять-таки при большом общем позитиве с точки зрения формирования базы данных, хранилища актуальной информации, с точки зрения создания для студента своего рода системы «одного окна», когда ему не надо бегать по деканатам, библиотекам, для того чтобы решить свои насущные вопросы, с точки зрения облегчения взаимодействия между студентом и преподавателем, студентом и деканатом и т.д., ЭОС также рассматривается как платформа для регулярного дистанционного обучения, на которую

планируется осуществлять постепенный перевод определённой части учебного очного контента.

Таким образом, вопрос дистанционного обучения уже достаточно давно стоял на повестке дня и развивался в разных формах и с разной скоростью в зависимости от региона, а в рамках региона по-разному от вуза к вузу до тех пор, пока не случилась пандемия, которая вытеснила всё образовательное сообщество в дистант, длившийся практически два семестра и охвативший два сессионных периода (летний 2020 г. и зимний 2021 г.), а также приёмную кампанию в вузы лета 2020 г.

И если на первых порах стояла важная и серьёзная проблема и задача, как в этот дистант, в эту удалёнку войти, чтобы не допустить срыва учебного процесса, то теперь одна из насущных задач — как из этого процесса и состояния выйти с минимальными системными потерями для учебного и образовательного процесса.

Одно понятно, что простого выхода и возврата к прежнему формату уже не будет.

Это видно и в нашей повседневной жизни — по статистике в Москве резко сократился спрос на аренду офисных помещений. Работодатель понял, что в ряде случаев нет надобности тратить средства на аренду помещений, а проще организовать удалённую работу сотрудников.

Перед вузами же сейчас поставлена задача создания дистанционных учебных продуктов для использования на различных платформах — Moodle, Google classroom, Stepik и т.д.

В этой связи дальнейшее движение и развитие в образовательной среде, в том числе с использованием новых дистанционных технологий, должно осуществляться на основе оценки того опыта, который был получен в достаточно жёстких условиях удалённого обучения в период пандемии.

Некоторые выводы, заключения и рекомендации, связанные с анализом и оценкой данного опыта, были сделаны на основе опросов и анкетирования преподавателей и студентов кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО по итогам удалённой учёбы в весеннем семестре 2020 г., которые удалось систематизировать в рамках следующих разделов:

1. Системность и непрерывность дистанционного обучения

Преподавание иностранных языков в МГИМО по базовым программам бакалавриата, магистратуры и довузовского отделения в дистанционном формате, а также проводимая с связи с этим цифровизация образования в части, касающейся иностранных языков, должны рассматриваться как временное явление, связанное с ограничительными мерами государства в условиях пандемии (или иных аналогичных ситуаций). Они не должны переходить в огульную цифровизацию и перевод образования в дистанционный формат как некую самоцель и неотъемлемую часть «современного» образования. Дистанционный формат не обеспечивает синергию в процессе преподавания иностранных языков, предполагающем максимально контактную учебную деятельность. При этом частичное развитие дистанционного компонента в рамках дополнительных и факультативных программ может считаться уместным при наличии сформированных базовых языковых и речевых компетенций.

2. Специфика языковой подготовки в МГИМО МИД России

При составлении и реализации концепции цифровизации образования и дистанционного образования в МГИМО должна быть учтена специфика языковой подготовки, которая отличает МГИМО от других университетов, где ведётся преподавание иностранных языков. Использование типичных и стандартных подходов (лекал), под которые периформируется образовательный процесс языковой подготовки в МГИМО,

здесь неуместен. Наоборот, новый продукт должен создаваться под уникальную систему преподавания иностранных языков, должен носить оправданно-мотивированный форс-мажорными условиями или отдельными конкретными задачами характер, быть максимально гибким в соответствии с потребностями языковых кафедр и спецификой иностранных языков.

3. Ожидания студентов МГИМО в контексте дистанционного обучения

Крайне важным при разработке конкретных шагов по развитию дистанционного образования по иностранным языкам является учёт экспектаций студентов МГИМО. Так, в ходе проведённых опросов студенты бакалавриата и магистратуры факультета МО, изучающие языки кафедры, высказались крайне негативно по вопросу дистанционного обучения по иностранному языку на постоянной основе. Подавляющее большинство из них, выделяя отдельные плюсы в дистант-образовании и рассматривая его как временный формат при таких ситуациях, какая была в период COVID-19, тем не менее полностью поддерживают формат контактной аудиторной работы на языковых занятиях.

Опросы студентов, проводившиеся в МГИМО в период пандемии, результаты которых теперь используются при оценке итогов удалённого обучения, и, что самое главное, при выстраивании последующих планов по развитию дистанционного образовательного контента, нередко содержали вопросы, направленные на оценку степени удовлетворённости студентов качеством учебного процесса в удалённом формате. В данных вопросах имела место определённая подмена понятий, так как студенты в абсолютном своём большинстве давали оценку тому, удалось ли университету, кафедрам и конкретным преподавателям адекватно отреагировать на вызов, связанный с пандемией, и провести занятия в удалённом формате, но по степени эффективности в максимально приближён-

ной форме к аудиторному занятию. Между тем вопрос «желают ли студенты, чтобы дистанционное обучение перешло на постоянную основу», не задавался. В ходе опроса студентов с подобной конкретной постановкой вопроса в отношении занятий по иностранным языкам практически 100% студентов дали отрицательный ответ, отмечая, что данный формат возможен лишь в чрезвычайных условиях, когда стоит выбор между дистанционным обучением и отсутствием обучения как такового.

4. Техническое обеспечение преподавателей и студентов

В контексте возникшей ситуации с COVID-19, когда практически целый учебный год преподаватели и студенты вынуждены были работать дистанционно, используя свои собственные технические средства и возможности, возникает вопрос о необходимости обеспечения преподавателей и студентов ноутбуками для организации и ведения дистанционного учебного процесса с параллельным их техническим обслуживанием. В период удалённого обучения имела место колоссальная нагрузка на личные компьютеры, ноутбуки и иные гаджеты преподавателей и студентов. Многие преподаватели языковых кафедр были вынуждены приобрести принтеры для регулярной проверки письменных работ, особенно на младших курсах, когда работы должны выполняться рукописно. Также преподаватели в этих целях приобретали расходные материалы — картриджи, бумагу и т.д., своими силами проводили техническое обслуживание и ремонт техники.

5. Видеозапись курсов и создание сценариев занятий

Вопрос записи языковых курсов на видео с последующим использованием студентами в дистанционном формате в рамках самостоятельного прохождения курса абсолютно не применим к языковым занятиям, равно как и создание сценариев занятий.

Опыт так называемых сценариев занятий по иностранным языкам, где речь, как правило, на самом деле идёт о составлении развёрнутых поурочных планов занятий с учебно-методическим обеспечением, уже был апробирован ранее (до возникновения ситуации с пандемией) в ряде университетов, но данная практика в большей степени проявила себя как определённое средство формального контроля занятий и с концептуально-содержательной точки зрения никак себя не зарекомендовала. Это в первую очередь связано с тем, что динамическое и контактное по своей сути практическое занятие (не лекция и не семинар) по иностранному языку представляет собой условно на 50% сценарий преподавателя и на 50% ситуативную работу, обусловленную различными факторами, составляющими специфику языковых занятий.

6. Дистанционный формат и педагогика сотрудничества

Дистанционный формат обучения сделал особенно актуальным необходимость выстраивания атмосферы сотрудничества и уважения между преподавателем и студентом, необходимость наряду с принятием дополнительных нормативных документов, направленных на повышение этической ответственности студентов, использование со стороны преподавателей различных методов и приёмов педагогики сотрудничества, направленных на повышение доверия друг к другу и ответственности друг перед другом. Несомненно, в период дистанционного обучения объективно возникло много возможностей для нечестного и нечистоплотного поведения со стороны студентов (и надо отметить, что некоторые из них этим активно пользовались), связанного со списыванием, использованием неразрешённых ресурсов и т.д. Между тем формат общения «кто кого перехитрит или переиграет», а также использование исключительно административных и устрашающих методов воздействия на студентов не дадут в полной мере желаемых результатов, так

как в любом случае активная и рьяная борьба за честность без создания основ сотрудничества, взаимного уважения, работа во имя оценки, а не во имя знаний приводят в совокупности к большим потерям в образовательном процессе. Необходимо как на кафедральном уровне, так и на уровне университетского повышения квалификации работать над этим вопросом.

Отдельное направление в тесной связи с вышеизложенным направлением составляет развитие воспитательной и индивидуальной работы со студентами, проводимой преподавателями, а также внеаудиторной деятельности с вовлечением в неё студентов и языковых преподавателей.

На кафедрах желательно иметь базы данных по студентам (номера телефонов, адреса электронной почты студентов, контакты родителей и т.д.), в формировании данных баз содействие должны оказывать деканаты, если кафедры (преподаватели) сами не в состоянии собрать необходимую информацию.

Непосещение студентом занятий не может рассматриваться как его личное дело, это также дело преподавателя, кафедры, деканата. Особенно это актуально для языкового преподавателя, который регулярно встречается и работает со студентами.

Выяснение причин отсутствия студента на занятии должно стать нормальной практикой, ровно настолько, насколько для студента должно стать нормальной практикой информирование преподавателя о причинах своего отсутствия на занятии.

Внимание со стороны преподавателя — это не только система контроля, но и забота о каждом студенте, таким образом формируется с обеих сторон психология ответственности и уходит психология равнодушия и безнаказанности, отсутствия внимания со стороны преподавателя и товарищей.

7. Технические вопросы организации дистанционного обучения, связанные с работой в сети и на платформе, — проблема организации системы бесперебойной в техническом плане работы преподавателя.

Как показала практика, какой бы совершенной ни была та или иная платформа, периодически могут возникать технические проблемы, связанные с её функционированием, — обновление, чрезмерная нагрузка, нововведения, регламентные работы и т.д. Поэтому для адекватного реагирования на данные ситуации преподавателем в опережающем порядке должны быть созданы резервные группы на иной платформе, что позволяет даже во время занятия (пусть и с небольшими временными потерями), но при возникновении технических проблем на используемой платформе адекватно отреагировать на данную проблему и всё-таки провести занятие на другой платформе.

Крайне важным является планирование преподавателем различных сценариев занятия в зависимости от технической составляющей: у всех участников процесса дистанционного обучения разные технические возможности, связанные с использованием персональных компьютеров, ноутбуков, планшетов, телефонов разного технического уровня, а также связанные с возможностями интернета — его скоростью, стабильностью и т.д. Поэтому могут возникать ситуации, когда заранее подготовленный конкретный план занятия с технической стороны не может быть реализован по причинам, не зависящим от преподавателя и возникшим уже в ходе занятия. В этих условиях нередко, и особенно это актуально для молодых преподавателей, может иметь место срыв занятия. Для того чтобы избежать подобных случаев, во-первых, у преподавателя должно быть чёткое понимание технических возможностей и последствий того или иного вида работы, выходящего за рамки простых форм дистант-общения на иностранном языке, и, во-вторых, должны иметься резервные сценарии на случай невозможности технической реализации намеченного плана.

Здесь очень важным является работа методических групп и объединений внутри кафедры по организации методической подготовки преподавателей (особенно молодых) по гибкому планированию занятий в рамках дистанционного обучения с учётом возникающих технических проблем в ходе занятия или в условиях, когда принципиальных технических проблем нет, но разные технические возможности участников учебного процесса не позволяют преподавателю действовать в соответствии с заранее подготовленным планом занятия. Преподаватель не должен оставаться один на один с данной проблемой, так как она является одной из типичных и часто возникающих с учётом динамики языкового занятия.

Также разумно здесь продумать вопрос создания в университете службы технической поддержки и консультирования преподавателей по вопросам технических возможностей используемых платформ и различных технических приёмов на данных платформах по формату «горячей линии».

На случай внезапно возникших технических проблем у преподавателя (отключение электричества, отключение интернета, поломка оборудования и т.д.) на кафедре должна быть налажена система подстраховки преподавателя с участием других преподавателей курсового или языкового коллектива и при координации данного процесса со стороны специалиста по учебно-методической работе (далее УМР). В этих целях и особенно по тем аспектам и занятиям, где нет чёткой привязки к базовому учебнику или учебному пособию, на кафедре должны быть созданы актуальные «банки» учебно-методических материалов.

8. Организационно-административные вопросы

В организации дистанционного обучения особую нагрузку несут специалисты по УМР. Между тем на кафедрах, где всего по одному специалисту по УМР, имели место сложности по организации поддержки занятий, технической подстраховки, а также сбора и пересылке отчётности по занятиям в часы, выходящие за рамки рабочего времени специалиста по УМР (вечерние часы занятий в магистратурах), а также в субботу. Данная проблема решалась, как правило, путём неоплачиваемой сверхурочной работы специалистов по УМР, что требует своего системного решения.

В период дистанционного обучения в ходе общения кафедр со службами организации учебного процесса и деканатами университета возникла проблема нелимитированности рабочего времени и рабочей недели, когда рассылка деловой административной документации осуществлялась за рамками рабочего времени, а также в официальные выходные и праздничные дни. Необходимо установить чёткое лимитирование деловой активности по часам и дням за исключением случаев крайней надобности:

- должна быть создана система планового внутрикафедрального контроля занятий (разные варианты, предложенные кафедрами);

- управления и службы организации учебного процесса не должны навязывать факультетам и кафедрам форматы работы по дистанционному обучению (например, платформы, на которых идут занятия, формы повседневного контроля занятий, формы и порядок проведения промежуточной и итоговой аттестации и т.д.), а также не должны перегружать различными формами отчётности, которые ранее не применялись к аудиторным занятиям. Работа здесь должна выстраиваться не от управления к факультетам и кафедрам, а наоборот, от кафедр и факультетов к управлению. Не факультеты и кафедры должны обслуживать

запросы управлений, а наоборот, управления организации учебного процесса должны обслуживать запросы факультетов и кафедр по организации учебного процесса, так как основным звеном в реализации учебного процесса является именно звено «кафедра – факультет».

9. Организационные вопросы работы в языковых группах:

– необходимость установления контактов в связке «языковая группа — студенты языковой группы — преподаватель»;

– на дистанционный период обучения ввести институт старост на уровне языковых групп с поощрением студентов, координирующих связь между преподавателем и языковой группой, что даёт возможность преподавателю координировать рабочие и организационные вопросы не со всеми студентами сразу (не имея зачастую точного понимания, дошла ли его информация до всех студентов или нет), а через старосту группы.

10. Методические и повседневно-обиходные вопросы организации дистанционного обучения

Мотивационный момент: в дистанционном формате от преподавателя требуется больше усилий по поддержанию внимания обучающихся, чем это нужно на контактном аудиторном занятии, где само физическое присутствие преподавателя и товарищей уже является мотивирующим фактором. Для дистанционного занятия необходима разработка и активное внедрение приёмов переключения и поддержания внимания обучающихся.

В условиях отсутствия реальной контактной среды дистанционные занятия должны быть более динамичными и более интерактивными, чем аудиторные занятия.

При продолжительном формате дистанционного обучения в языковой группе может нарушиться командная работа, поэтому необходимо ис-

пользование различных поводов для организации работы в команде (в том числе и неформальной работы) — подготовка на иностранном языке короткого сценария для поздравления студента с днём рождения, а также использование различных командных форм проведения занятий по уровням подготовки (курсам): деловые игры, кейсы, мозговые штурмы и т.д.

Создание атмосферы аудиторного присутствия при максимальном использовании комфорта домашней атмосферы в учебных целях (возможность использования чая, кофе и т.д.), но при строгом соблюдении делового внешнего вида.

11. Особенности организации дистанционной работы на младших курсах (1–2 курсы) в начинающих группах

В силу объективных причин на начальном этапе изучения иностранного языка не может быть такого разнообразия видов и форм учебных занятий, особенно интерактивных, как на более старших курсах. Работа преимущественно идёт по учебнику с постепенно возрастающими лингфонными вкраплениями.

В условиях дистанционного обучения основным учебно-методическим материалом, по которому ведутся занятия, продолжает оставаться базовый учебник. Переход на тестовый формат обучения не представляется возможным в виду его низкой эффективности с точки зрения формирования речевых компетенций.

Наиважнейшим вопросом для младших курсов является формирование навыка письменной речи — не компьютерного набора письменных упражнений на русском или иностранном языке, а именно рукописного письма. Опыт дистанционного обучения показал, что на данном этапе технически возможным оказался единственный способ работы с письмом — выполненные от руки письменные работы студенты в формате фото или скана отправляли на проверку преподавателю. Преподаватель распеча-

тывал на принтере работы студентов (или помещал в приложение Paint), проверял (фиксировал ошибки, вносил исправления, записывал необходимые дополнения и комментарии) и в формате ответного фото или скана делал рассылку студентам. Данная работа в несколько раз увеличила трудоёмкость такого вида деятельности преподавателя, как проверка домашних работ.

В этой связи актуальным является вопрос изменения норм учебной работы в части, касающейся проверки контрольных и домашних работ. Во-первых, ныне существующие нормы (1 час на студента в семестр) составлены исключительно под специальные кафедры, где на самом деле нет такого объёма письменных работ, как на языковых кафедрах. Да и на самих языковых кафедрах данный объём работ не является одинаковым и равномерно распределённым между курсами, но представляет очень ощутимую нагрузку для преподавателя, ведущего занятия на младших курсах. Более того, в языковой группе (или на аспекте) может работать несколько преподавателей, между которыми, согласно утверждённому календарно-тематическому плану, идёт распределение количества проверок домашних письменных работ. Согласно существующим нормам, каждый преподаватель записывает себе 1 час на студента в семестр. Но в языковой группе (на аспекте) может работать один преподаватель, который единолично проверяет абсолютно все письменные домашние работы во всей языковой группе (по всему аспекту) и тем не менее записывает себе тот же 1 час на студента в семестр.

В этой связи предлагается внести следующие изменения в нормы учебной нагрузки преподавателей языковых кафедр:

- разделить такие виды работ, как проверка контрольных письменных работ и проверка домашних письменных работ;
- норму по проверке контрольных письменных работ привязать

к письменным рейтинговым срезам (3 среза в семестр) и установить в следующей редакции: «0,3 часа на одну письменную контрольную (рейтинговую) работу с учётом не более трёх письменных контрольных (рейтинговых) работ в семестр по каждому аспекту»;

– норму по проверке домашних письменных работ установить в следующей редакции: «всего 10 часов на студента 1–2 курсов в семестр с распределением на кафедре между преподавателями, осуществлявшими проверку, и всего 5 часов на студента 3–4 курсов и магистратуры на аспект с распределением на кафедре между преподавателями, осуществлявшими проверку»;

– в условиях дистанционного обучения ввести повышающий коэффициент на норму по проверке контрольных письменных работ — 1,5 и на норму по проверке домашних письменных работ — 2.

Под контрольной письменной работой и домашней письменной работой не понимается тестирование, которое может быть проверено автоматически на компьютере.

Отдельную проблему в плане формирования навыков письма представляет собой на младших курсах само дистанционное занятие. Очень важным здесь является опыт дистанционного обучения письму с нуля. Особенно это актуально для языков со специфической графикой.

В этой связи существуют технические проблемы, решение которых имеет большое значение с точки зрения учебного процесса. Прежде всего речь идёт о создании программного обеспечения для графической поддержки языковых занятий по разным языкам, включая восточные языки с особенной графикой. Например:

– «дистанционная доска» преподавателя с возможностью рукописно писать на ней во время занятия;

– «дистанционная доска» студента с возможностью рукописно писать на ней во время занятия;

– «дистанционные рабочие тетради» студента — каждый студент рукописно работает онлайн в своей дистанционной тетради, а преподаватель имеет возможность контроля данной работы и внесения также рукописных исправлений и т.д.

12. Психологические аспекты дистанционного обучения

Как показала практика, дистанционное обучение в нынешней форме и продолжительности стала причиной психологической усталости преподавателей и студентов, а иногда и стрессовых ситуаций.

В масштабах университета должна быть разработана программа психологической поддержки преподавателей и студентов.

В качестве заключения можно не столько подвести какие-либо конкретные итоги, сколько поставить достаточно большое количество вопросов, связанных с таким явлением, как дистанционное обучение в различных его формах проявления. Это вопросы, в первую очередь концептуального порядка, связанные с определением разумной целесообразности дистанта, а также широкий спектр вопросов методического, организационного, финансового, технического, психологического порядка, которые требуют своего решения при организации дистанционного учебного контента и по которым пока нет чёткого и однозначного ответа, а, следовательно, должна проводиться серьёзная и кропотливая работа, не дожидаясь очередной пандемии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслакова Е.С. История развития дистанционного обучения в России (с. 29-31) // Теория и практика образования в современном мире: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.) — СПб.: Свое издательство, 2015.
2. Насибуллов Р.Р. Развитие дистанционной формы обучения будущих учителей (конец XX – начало XXI вв.). Казань: Татарское Республи-

канское издательство «Хэтер», 2013.

3. Штанов А.В. Роль различных форм учебного чтения вслух в формировании и развитии навыков аудирования иноязычной речи. // Филологические науки в МГИМО. Сборник научных трудов № 18 (33). 2004. — с. 133–152.
4. Положение о реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в МГИМО МИД России (20.01.2021) / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://mgimo.ru/sveden/document/polozhenie-o-realizacii-obrazovatelnyh-programm-s-primeneniem-ehlektronnogo-obucheniya-i-distancionnyh-obrazovatelnyh-tekhnologij-v-mgimo.pdf>
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 октября 2020 г. № 1643 «О внесении изменений в перечень видов периодических печатных изданий и книжной продукции, связанной с образованием, наукой и культурой, облагаемых при их реализации налогом на добавленную стоимость по ставке 10 процентов» / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/WAPB7gBam Uq-zanOM59l3kT4qsjwA4t.pdf>
6. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://rg.ru/2020/03/03/korona-virus-hronika-rasprostraneniia.html>

Арабская языковая система, арабская языковедческая традиция и обучение арабскому языку как иностранному

О традиции

Понятие «традиция» — базовое для любой отрасли гуманитарного знания. Оно соотносится с тем в нашем мире, что «постоянно и не подлежит изменению» [9, с. 41]. Пренебрежение традицией таит в себе опасность деформации и извращения в понимании другой части неотъемлемой части нашего бытия, связанной с переменами. Поскольку именно к ним, к тому, что изменяется, «наше внимание приковано в гораздо большей степени, чем к тому, что остается прежним» [9, с. 41]. «Там, где царит традиция, старое и новое всегда вновь срастаются в живое единство, причём ни то, ни другое вообще не отделяется друг от друга с полной определённой» [9, с. 362].

Традиция есть форма преемственности. Прошлое в ней соприкасается с настоящим, удерживается и закрепляется в нём.

В традиции, как и в научном познании вообще, мы имеем дело с истинами. Но это такие истины, которые «решительно возвышаются над сферой методического познания», истины, «к которым следует обратиться» [9, с. 40].

Традиция, в значительно большей степени, чем «чистые построения из принципов», работает с «естественным порядком жизни», с природной данностью нашего существования и нашего мира [9, с. 41-42]. Природу же, как известно, «побеждают, подчиняясь» [9, с. 48]. Есте-

ственный порядок жизни вместе с историческим преданием «образует единство мира, в котором живём мы, люди» [9, с. 41].

Традиция авторитетна и поэтому нередко используется в процессе воспроизводства социальных норм и институтов. Она в себе самой содержит систему образцов и норм, которые облегчает индивиду принятие «поведенческих» и иных решений, позволяя ему воспользоваться уже готовыми и апробированными решениями, либо прибегнуть к эффективному и мало затратному интеллектуальному механизму аналогии.

Традиция — это всегда элемент культурного наследия и, чаще всего, основание, фундаментальный слой культурной жизни.

Понятие «традиция» не может и не должно быть обойдено в учебных программах по гуманитарным дисциплинам. Конечно, там, где студенты получают нечто большее, чем «образовательные услуги», а именно полноценное образование в его понимании, в частности, европейской традицией гуманизма.

В европейской культурной традиции образование относят к «ведущим гуманистическим понятиям» [9, с. 50-51]. Оно не самоцель [9, с. 53]. «То, на чём и благодаря чему некто получает образование, должно быть усвоено целиком и полностью» [9, с. 53]. «В образование входит всё, к чему оно прикасается, но всё это входит не как средство, утрачивающее свои функции». «В получаемом образовании ничто не исчезает, но всё сохраняется» [9, с. 53]. «Для гуманитарных наук в целом условия их существования кроются в образовании, ибо бытие духа в существенной степени связано с идеей образования» [9, с. 53].

Человек отличается тем, что он может отрываться от непосредственного и природного. На этом поле работает образование, стремясь поднять человека ко всеобщему. Требование всеобщего — «это дистан-

ция от непосредственности влечений, личных потребностей и частных интересов» [9, с. 54]. «Это умеренность, которая ограничивает безмерность в удовлетворении потребностей и приложение сил к **всеобщему**, которые обеспечиваются практическим образованием» [9, с. 54]. «Это выход за пределы того, что человек непосредственно знает и постигает», это умение «придавать значение и другому». Все это обеспечивается теоретическим образованием [9, с. 54]. Интересно, что «особо пригодными для развития теоретических интересов Гегель считал изучение мира и языка древних» [9, с. 54].

Подъём ко всеобщности не противопоставляет теоретическое образование практическому. «Его общая сущность состоит в том, что человек делает себя во всех отношениях духовным существом» [9, с. 54]. «Тот, кто предается частностям, необразован, например, тот, кто не обуздывает свой слепой и несоразмерный гнев». По Гегелю, у такого человека «изначально отсутствует способность к абстрагированию: он не может отвлечься от самого себя и взглянуть на то общее, которым соразмерно и относительно определяется его особенное» [9, с. 54].

Очевидно, что общее понимание феномена «традиция» должен иметь как исследователь, так и преподаватель, который работает с «языковедческой традицией» или «арабской языковедческой традицией» (или какой-либо иной).

Понятие «традиция» представляет большой образовательный интерес для всех, кто получает высшее образование, а наибольший — для тех, кто связывает себя с изучением гуманитарных наук. При этом для филологов, историков, экономистов и политологов востоковедного профиля удельный вес традиции в учебном процессе по известным причинам оказывается значительно выше, чем для их коллег невостоковедов.

1.2 О языковедческой традиции (ЯТ)

У «языковедческой традиции» (ЯТ) круг пользователей уже, чем у «традиции». Мировых ЯТ мало. Это древнейшие: индийская, европейская (античная) и китайская [3, с. 9], и «четвёртая из наиболее важных лингвистических традиций» — арабская [3, с. 13].

Каждая из них основывается на «наблюдениях над каким-то одним языком». Это всегда «язык соответствующей культурной традиции» [3, с. 42]. Каждая из них стремится «упорядочить свой материал в соответствии с традиционной иерархической картиной мира» [15, с. 178].

Языковедческая традиция, как правило, зарождается тогда, когда актуальной становится «задача обучения соответствующему языку носителей иных языков». Отсюда и её стремление «не только описывать языковые явления, но и объяснять их». Другими задачами, стимулирующими изучение языка, могут стать «толкование текстов на не до конца понятном языке», а также практики стихосложения [3, с. 16].

Языковедческим традициям свойственна последовательная ориентация на синтез — их грамматики имеют порождающий характер. Язык представляется в них закрытой системой, строго исчерпывающейся правилами [3, с. 25]. Правила стремятся к простоте и краткости. Языковая система может быть предъявлена в них «закрытыми списками элементарных единиц языка» [3, с. 25] и правилами выведения производных единиц.

ЯТ различают единицы главные и второстепенные, как в фонетике, так и в грамматике. Так, части речи в большинстве ЯТ — знаменательные (имя и глагол) и служебные. В ЯТ, описывающих языки, письменность которых не обозначает единицы меньше слога (китайский) и моры (арабский, японский), первичные единицы графики, фонетики и морфологии являются парными: слог (*цзы*) и мора (*харф*) соответствен-

но. При этом, моры типа *ма*, *му*, *ми* + m^0 рассматриваются как единое целое, представленное своими вариантами и занимающее одну позицию в алфавитном списке графических элементов. Понятие моры используется и в античной традиции: там оно применяется, в первую очередь, к описанию древнегреческого языка в целях стихосложения в связи с «долгими» и «краткими» гласными (слог *ма* = 1 море, слог *мā* = 2 морам: = 2 ма: = ма ма) [3, с. 31].

Описываемые в ЯТ явления сопровождаются, как правило, текстуальными подтверждениями.

Одним из общих для нескольких ЯТ приёмов исследования языка «является аналогия, или установление пропорции. В Греции этот метод был заимствован из математики, существовал он и у арабов», отмечает В.М. Алпатов в «Истории лингвистических учений» [3, с. 23]. Однако арабские грамматисты видели в аналогии и активно использовали её не только как приём исследования и описания арабского языка, доведя его до уровня метода моделирования (т.н. породы) языковой действительности, но и как на принцип организации самой арабской языковой системы.

1.3 Об арабской языковедческой традиции (АЯТ)

В ней, естественно, обнаруживают себя как основные элементы, типичные для всех традиционных систем, так и элементы, характерные для языковедческих традиций. Наряду с этим в ней, конечно же, имеются и свои особенные черты, и свои отличительные признаки.

Выделяя отличительные признаки АЯТ, вслед за В.Г. Ахвледиани, следует прежде всего указать на её «основное достоинство». Это её «полное соответствие структуре арабского языка, чего невозможно было достичь простым подражанием какой-либо языковедческой теории»

[4, с. 63]. При этом необходимо учитывать, что речь идет о «специфической структуре арабского языка» [5, с. 17].

Исследователями отмечается также «совершенство и методологическая направленность, которых достигла арабская лингвистика» [4, с. 63]. Указывается и на то, что основоположники и разработчики АЯТ были причастны к достижениям мировых цивилизаций своего времени в таких областях, как языковедение, математика, философия, право, медицина, музыковедение. Это именно те области, которые оказались востребованными для познания арабского языка с максимально возможной глубиной и его описания, максимально соответствующего целям его познания и обучения этому языку.

1.4. О цели познания в АЯТ

Цивилизации, соками которых питалась и подпитывалась АЯТ, — это формирующаяся исламская, древняя индийская, влиятельная античная. Но они могли занимать и занимали «разные позиции» по ряду основополагающих вопросов бытия и целей его познания.

К примеру, в европейской науке вопрос «зачем это изучать» традиционно не ставился и возник только в XX в. Напротив, «индийцы никогда не изучали чего бы то ни было из чистого любопытства. Если уже создаётся или уже имеется комплекс специального знания, то всегда известна цель — социальная или индивидуально-психологическая — его создания, известен и адресат, который должен воспринять это знание, и всё это знание с самого начала строится с ориентацией только на эту цель и только для этого адресата. Вопрос «как это на самом деле?» не имеет для традиционного индийца смысла в отрыве от вопросов «для кого?» и «зачем?» ... Грамматисты занимаются языком не просто так, а обеспечивают чистоту сакрального языка и понимание вед» [14, с. 160].

Исламская наука, включая традиционное арабское языковедение, занимала по вопросу о цели познания позицию скорее «индийскую», чем «европейскую». Так, специалист по АЯТ прежде всего отмечает в этой связи её «практическую направленность», которая заключается в решении задач «установления норм общего для всех племён Аравийского полуострова языка и его функционирования во всех отраслях общественной жизни Арабского халифата» и «обучения языку Корана и сохранения его чистоты» [7, с. 39-40].

От понимания цели АЯТ в немалой степени зависит и её современное понимание или непонимание, её принятие или непринятие, включая её использование или неиспользование в обучении арабскому языку как иностранному. Ибо она во многом предопределяет и структуру, и методологию, и терминологический аппарат, и метаязык, и оформление этой традиции, а также возможные способы её усвоения в процессе обучения этому языку.

1.5. О подходе АЯТ к языку

Другим вопросом «высокого уровня», который ставят исследователи мировых лингвистических традиций и ответ на который может служить ключом к пониманию многих конкретных и частных фактов каждой такой традиции, является вопрос о том, «что представляет собою язык», изучением которого она занимается.

Арабская языковедческая традиция, как и индийская, смотрит на язык глазами человека, для которого язык «есть «прежде всего вид деятельности» [14, с. 157], «есть всегда деятельность» [14, с. 176]. А «атом языковой деятельности есть мельчайшее высказывание» [14, с. 176].

И в АЯТ, на ранней стадии её развития, как и в индийской, «вся подлежащая познанию область явлений порождается-описывается сочетаниями конечного набора первичных ... единиц» [14, с. 161]. Это зна-

чит, «что любое явление в принципе “исчислимо”. “Исчислимость” же явлений имеет одно важное следствие: можно обходиться без понятий, используя вместо них имена классов» [14, с. 161]. Эти имена, в отличие от понятий, «не обязаны как слова обладать внутренней формой» [14, с. 161].

Отсутствие понятия, «тождественного понятию предложения в европейской традиции», у Сибавейхи подробно рассматривается в статье проф. Д.В. Фролова «К вопросу о понятии предложения в арабской грамматике» [17, с. 17-33]. Автор указывает в ней на «неслучайный» характер такого отсутствия, а его обусловленность «существенными характеристиками этой системы». В этой связи дважды отмечается отсутствие «абстрагирующего движения мысли» [17, с. 76, 80], которое «оказывается существенным, родовым признаком, объединяющим... довольно различные по своей структуре виды дефиниций» [17, с. 76] в АЯТ.

Мы также не находим у Сибавейхи и других понятий, которые были бы аналогичны таким понятиям, как, например, «род», «число», «склонение», «спряжение» в европейской языковедческой традиции. Мы не находим у него и самого процесса оперирования лингвистическими понятиями, который может считаться необходимым признаком лингвистического мышления.

Но это не означает, что языковые факты, подпадающие в европейской языковедческой традиции под соответствующие понятия и категории, в арабской языковедческой традиции на ранней стадии её развития не являлись объектом изучения.

Эти факты чётко выделялись в каждый данный момент исследования, имеющий свои конкретные задачи, ограничивались, определялись своими чёткими *пределами*, объединялись в определённые совокупности и идентифицировались, получая свои наименования в момент

их предъявления. Эти наименования были типа «мужское и женское»; «единственное, двойственное и множественное»; «насб и -а, *джарр* и -и, раф' и -у, джазм и -*лауза*»; «опираемое и опирающееся» — наименование как именного, так и глагольного типа предикации; «опирание глагола на личное местоимение» — в европейских языках и лингвистиках это спряжение глагола, т.е. чисто морфологическая проблема, а в арабской языковой системе и её отражении в АЯТ — это синтактико-морфологическая проблема, в которой европейская лингвистика способна видеть только её морфологический аспект.

2. Какие специфические элементы арабской языковой системы не вписываются в понятийную систему европейской лингвистической традиции и практики обучения языку и могут быть истолкованы только в понятиях АЯТ?

2.1. Специфика звукового состава и его графического отражения

В литературном арабском языке 28 согласных звуков. Они образуются в 16 местах фонетического аппарата в широком диапазоне от гортани до губ. Способы образований характеризуются в АЯТ 18 категориями [1, с. 113]. (В русском, для сравнения, выделяется 6 мест образования и 5 способов артикуляции.) [16, с. 19] Около трети арабских согласных не имеют аналогов в европейских языках, используемых для межнационального общения, либо не воспринимаются языковым сознанием своих носителей и не получают своего графического выражения.

Гласных в арабской звуковой системе три. (В русском — шесть.) Все они практически имеют свои оттенки, определяемые согласным окружением. В других языках такие «оттенки» нередко имеют статус самостоятельных фонем.

С учётом всей специфики арабской фонетики формирование устойчивых навыков адекватного произношения должно находиться

под пристальным вниманием преподавателя на протяжении как минимум трёх-четырёх учебных семестров.

Графического выражения отдельно взятый согласный или гласный звук в арабской языковой системе **не имеет**. Его имеет минимальный сегмент арабского слова, больший по объёму, чем отдельный согласный и отдельный гласный и равный краткому слогу. В этом уникальная особенность арабской языковой системы в её устной и письменной форме. Она должна быть прочно усвоена обучаемым и теоретически, и практически уже на самой ранней стадии начального этапа обучения. Её теоретическое освоение невозможно вне адекватного ей понятийного аппарата, разработанного в рамках арабской языковедческой традиции.

2.2. Специфика минимального сегмента просодической и морфологической структуры арабского слова

Она заключается в том, что минимальной (*конечной, предельной, термальной* ħarf) единицей членения арабского слова выступает не отдельный звук, а сочетание двух звуков. Так, уже на звуковом уровне арабской языковой системы полностью вступает в свои права принцип, который последовательно определяет её структуру и функционирование и на всех других уровнях. Этот же принцип заложен и в основание реального бытийного мира. Это принцип метрики.

Минимальная единица арабского слова бинарна. И она всегда сохраняет свою бинарность. Минимальная единица арабской речи — предложение, также бинарна. «Односоставные предложения» так же не вписываются в арабскую языковую систему, как не впишутся в неё звуковые сегменты, которые состояли бы только из одного элемента. Качественные и количественные параметры минимальной части арабского слова отражает именно мора, равная краткому слогу по европейской

метрике. Арабская же мора, *ḥarf*, состоящая из согласного и гласного (CV)¹, имеет два варианта. Эти варианты противопоставляются друг другу по отношению к паузе. Один из них — без паузы (CV), другой — с паузой: во второй или первой своей позиции (C0 или 0V). *ḥarf*, таким образом, как бы «учитывает» и измеряет в речи как само «звучание», так и его противоположность: отсутствие звучания, своего рода «незвучание», поскольку и то, и другое могут суммироваться друг с другом во временном пространстве точно так же, как и два «звучания».

Звучащее арабское слово и есть последовательность таких *ḥarf*⁰⁶, равнозвучащих, равновеликих по времени, но разных по своему отношению к паузе. Последнее предопределяет и их дистрибутивные возможности. Так, перед паузой может быть только *ḥarf* с паузой, после паузы может быть только *ḥarf* без паузы.

Разные, просодически и структурно, арабские слова, по сути, ничто иное, как разные сочетания двух вариантов *ḥarf*^a: без паузы *tu-taḥarrik* и с паузой *sākin*. Число таких сочетаний конечно. Все они исчислены, зафиксированы, промоделированы и всесторонне исследованы в АЯТ. Сами же модели ограничено (в рамках только словообразовательной проблематики) используются и в практиках обучения арабскому языку тех, кто привык изучать языки в рамках иных лингвистических традиций.

Графическое выражение в арабской языковой системе имеет только мора-харф по принципу: каждой мере своя графема, и у каждой графемы своя мора. Графемы, как и все другие субстанции арабской языковой системы, жёстко «привержены» принципу экономии: моры-харфы, различающиеся только гласным компонентом (*-a, -u, -i, -0*), обо-

---

¹ «Гласные – это жёны, согласные – это мужья», — читаем мы в «Грамматике церковно-славянского языка» [2, с. 10]. См. также наш комментарий к этому высказыванию применительно к арабскому в [13, с. 35-37].

значаются одной графемой харфом; количество используемых системой исходных графических фигур значительно меньше количества морхарфов, которые подлежат графическому отражению. Для их противопоставления для означивания харфов с разными согласными компонентами используются такие «мелкие» графические элементы, как точки (ب ت ث، ج ح خ، د ذ، ر ز، س ش، ص ض، ظ) т.п.). Преподавателю арабского на начальной стадии обучения, стремящемуся к тому, чтобы обеспечить профилактику ошибок в чтении и письме на различение именно таких харфов-графем, должно изрядно потрудиться, чтобы ощутимо повысить статус точки в «графическом» сознании обучаемого. Преподаватель западных языков от таких «забот» свободен.

Ключевыми понятиями АЯТ, связанными с просодической и морфологической организацией арабского слова, а также со словообразовательными процессами и орфографией, являются: мора-харф, харф без паузы, с движением — *ḥarf mutaḥarrrik*; харф с паузой, с молчанием — *ḥarf sākin*; графема *ḥarf*; огласовка *ḥaraka*; отсутствие огласовки *sukūn*; размер *wazn*. Их присутствие (наряду с некоторыми другими терминами арабской грамматики) необходимо в процессе обучения арабскому языку уже на начальной стадии обучения, при первичном предъявлении нового языкового материала. Оно обеспечивает: 1) высокое качество арабского произношения для всех обучаемых, независимо от природных способностей к звуковой имитации; 2) безошибочную орфографию; 3) осознанное понимание обучаемыми основных принципов, обуславливающих уникальное своеобразие арабской языковой системы на всех её уровнях; 4) осознание обучаемыми того, что «другой» может быть «действительно другим» и в самых неожиданных местах и своих проявлениях; 5) развитие навыков системного подхода к изучаемым явлениям и приобретение опыта системного видения окружающего мира.

2.3. Специфика арабского слова

Она также обусловлена морфными, квантовыми характеристиками минимального элемента структуры арабского слова — харфа. Дело в том, что «право» на самостоятельное функционирование в устной и письменной арабской речи имеет только лексическая единица, способная дать паузальную форму (C0/0V). Лексическая единица, состоящая из одного харфа, такой способностью не обладает. «Бесправными» на самостоятельное функционирование в арабской речи оказываются, таким образом, некоторые довольно частотные предлоги и частицы. Несамостоятельны по тем же причинам и отдельные словоформы единиц именного класса слов, в частности, личных местоимений. Такие слова и словоформы «вынужденно» сливаются в устной и письменной речи в одно «фонетическое»² и одно «графическое» слово с другой, а то и другими лексическими единицами.

Таким образом, отдельное фонетическое (оно же графическое) слово в арабском языке может включать в себя несколько «лексических слов», между которыми существуют определённые синтаксические отношения, и они вместе составляют тогда одно «синтаксическое слово». Таковыми являются в арабском языке эквиваленты русским словосочетаниям типа «твой рисунок» — *rasmu-ka*; «ты рисовал» — *rasam-ta* (букв: рисовал-ты); «ты рисовал её» — *rasam-ta-hā* (букв: рисовал-ты-её). Сквозь призму европейской лингвистической традиции такие присоединённые слова воспринимаются как аффиксы — участники процесса морфологической деривации корня, а их синтаксические отношения с присоединяющимися словами полностью игнорируются. Реальный синтаксис арабских

---

² О необходимости оперирования понятиями «фонетическое слово», «графическое слово», «лексическое слово», «синтаксическое слово» при анализе языковых фактов арабского см. [6, с. 46].

словосочетаний, арабского предложения предстаёт, таким образом, в своем искажённом виде.

2.4. Специфика арабского личного местоимения

В своей первичной, дейктической функции арабское личное местоимение выражает значения:

I. 1) говорящего лица (*'anā*); 2) говорящего лица вместе со слушающим / отсутствующим лицом (*naḥnu*);

II. 3) слушающего лица мужского пола (*'anta = 'an+ta*); 4) многих слушающих лиц мужского пола (*'antum = 'an+tu+m*); 5) слушающего лица женского пола (*'anti = 'an+ti*); 6) многих слушающих лиц женского пола (*'antunna = 'an+t+um+na*); 7) двоих слушающих лиц мужского или женского пола (*'antumā = 'an+tu+m+ā*);

III. 8) отсутствующего лица мужского пола (*huwa*); 9) многих отсутствующих лиц мужского пола (*hum = hu+m*); 9) отсутствующего лица женского пола (*hiya*); 10) многих отсутствующих лиц женского пола (*hunna = hu+m+na*); 11) двух отсутствующих лиц мужского или женского пола (*humā = hu+m+ā*).

Своими морфемами располагают здесь следующие значения: «говорящий / слушающий → участник акта коммуникации» — морфема *'an-*; слушающий *-t / -k*; отсутствующий *-h*; множественное число людей *-m-*; множественное число женщин *-na*; двойственное число *-ā*.

Местоимения с морфемой *-h* могут также выступать и во вторичной, анафорической функции. В этой функции арабское местоимение указывает: 1) на упомянутое ранее лицо мужского пола либо на упомянутое ранее имя предмета мужского рода (*huwa*); 2) на упомянутое ранее **лицо** женского пола, или название предмета женского рода, или название многих предметов (*hiya*); 3) на упомянутых ранее лиц мужско-

го пола (*hum*); 4) на упомянутых ранее лиц женского пола или небольшое количество предметов (т.н. «малое множество» *jam'u l-qilla (hunna)*); 5) на упомянутых ранее лиц мужского или женского пола или предметов в количестве «два» (*humā*).

Каждое личное местоимение имеет в арабском пять словоформ, обусловленных морфологическими характеристиками занимаемых ими синтаксических позиций: две формы для им. п. — отдельную *ḍamīr munfaṣil*: *'anta*_{ты} *rassām^{um}*_{художник} «Ты художник» и слитную *ḍamīr muttaṣil*: *rasam-ta*_{рисовал-ты} «Ты рисовал». Они различают между собой подлежащее-тему именного предложения *mubtada'* и подлежащее-субъект глагольного предложения *fā'il*; две формы для вин. п. — слитную: *rasama-ka*_{рисовал-он-тебя} «Он рисовал тебя» и отдельную *'iyūāka*_{тебя} *rasama*_{рисовал-он} «Тебя он рисовал»; одну, слитную форму для род. п.: *rasmu-ka*_{рисунок-тебя} «ТВОЙ рисунок», *fi-ka*_{в-тебе} «в тебе» — поскольку фактор, обуславливающий род. п., может располагаться только контактно со следующим за ним словом.

Обучение арабскому личному местоимению должно включать в себя уже на начальном этапе освоение каждого местоимения во всех его пяти словоизменительных формах, а также синтаксис личного местоимения³.

Относясь к именному классу слов, арабское личное местоимение выполняет также все без исключения синтаксические функции, выражаемые существительным, прилагательным и другими разновидностями именного класса слов. Местоимение личное с морфемой *h-*, кроме того, может выполнять функцию разделения подлежащего и сказуемого в именном предложении тождества, обе части которого выражены именным

---

³ Мы постарались осуществить это в [11, с. 271-315].

словом со значением определённости: *hāzā*^это *huwa*^{он} *ar-rassām*^{художник}
«Это и есть художник», — и некоторые другие конструктивные функции.

Личное местоимение также выражает все присущие единицам именного класса слов грамматические значения: определённость, число, род, падеж и др., которые проявляют себя в построении синтаксических конструкций.

Синтаксическими «партнёрами» арабского личного местоимения выступают как слова именного класса, так и глагол. Европейская же лингвистическая традиция не обладает опытом описания такого типа «партнёрства», предполагающего, к тому же, слияние «партнёров» по синтаксису в единое фонетическое и графическое целое.

2.5. Специфика арабского глагола⁴

Арабский глагол выражает значения действия + времени, залога, а также рода. Других значений он не выражает.

Временных значений у него три: одновременность / настоящее; предшествование / прошедшее; следование / будущее.

Глагол имеет две основные формы: «прошедшую» и «подобную»: *rasama* «рисовал» и *yarsum*^u «рисует». Вторая основа имеет, подобно имени, три словоизменительных формы: *yarsum*^u, *yarsum*^a, *yarsum*^o. Первая основа выражает в своих пределах временное значение одновременности, вторая и третья, также в своих собственных пределах, выражают временную неопределённость. Две последние формы принимают частицы, которые либо конкретизируют временное значение: прошедшее или будущее, либо подтверждают значение временной неопределённости (инфинитив). При этом глагол вместе с частицей приобретают дополнительное значение модального плана (в частности, отрицание для прошедшего времени и отрицание для будущего).

---

⁴ См. также [12, с. 67-83].

Особую нагрузку в передаче как лексической, так и грамматической информации несут гласные — вторые компоненты 2-го и 3-го корневого сегмента-харфа (предпоследнего и последнего) обеих глагольных основ, а также «префиксальный» харф глагольной основы «подобной». Для 2-го корневого это может быть информация о характере семы «действие», выражаемой глаголом (в диапазоне от активного воздействия на объект до состояния), о временном значении действия, о залоге глагольной формы, о количестве харфов у исходной основы и т.д. Для 3-го корневого (последнего) у основы «прошедшей» — это информация о типе – паузальном или без-паузальном — того сегмента, который следует за корневым финальным сегментом (харфом). Речь идёт, в первую очередь, о личном местоимении-подлежащем, имеющем слитную форму. Для 3-го корневого (последнего) у основы «подобной» — это информация о словоизменительном значении; а оно, вместе с предшествующей ей частицей, обеспечивает выражение значения глагольного времени.

Специфической особенностью арабского глагола является то, что он функционирует исключительно в рамках предикативной конструкции глагольного типа. Такая конструкция состоит из глагола-сказуемого *fi'il* и имени (включая личное местоимение)-подлежащего *fā'il*. Порядок слов в ней неизменяем: сказуемое-глагол + подлежащее-субъект. Глагол-сказуемое всегда предшествует субъекту-подлежащему. Такая структура называется глагольным предложением *jumla fi'liyya*: *rasama*_{рисовал} *l-walad*^м_{мальчик} «Мальчик рисовал», *rasama*_{рисовал} *l-'awlād*^м_{мальчики} «Мальчики рисовали», *rasama*_{рисовал-он} «Он рисовал», *rasam-ū*_{рисовал-они} «Они рисовали»; *rasamat*_{рисовал-а} *l-bināt*^м_{девочка} «Девочка рисовала», *rasamat*_{рисовал-а} *l-banāt*^м_{девочки} «Девочки рисовали», *rasamat*_{рисовал-она} «Она рисовала»,

*rasam*_{рисовал}-*na*_{они(жен.)} «Они (жен). рисовали». Компоненты предикативного ядра глагольного предложения (глагол + имя) имеют только одно общее значение — род (мужской или женский), по которому может осуществляться их согласование (координация). Других общих значений, которые могли бы учитываться в процессе синтаксического согласования, у них нет. Значением числа в арабской языковой системе обладают только единицы именного класса слов. Поэтому согласование по числу при построении синтаксических конструкций возможно только для единиц именного класса слов (местоимения, имена указательные, существительные, прилагательные, причастия, и др.).

Арабское глагольное предложение, как и противостоящее ему именное, способно функционировать не только в качестве самостоятельного высказывания (у Сибавейхи *kalām^{um}*). Оно может функционировать и в качестве члена предложения или словосочетания, замещая в нём отдельное слово *mufrad^{um}* в той или иной синтаксической позиции *fī maḥallⁱ*. Каждая такая позиция характеризуется своим словоизменительным значением 'i'rāb^{um}: *raf'* / *naṣb* / *jarr*. В предложениях типа 'al-walad^u мальчик *rasama*_{рисовал-он} «Мальчик — рисовал»; 'al-'awlād^u мальчики *rasam-ū*_{рисовал-они} «Мальчики — рисовали» — глагольное предложение *rasam-ū*_{рисовал-они} «Они рисовали» занимает синтаксическую позицию сказуемого-ремы именного предложения *ḥabar*, которая характеризуется словоизменительным значением им. п. *raf'*. При этом глагольное предложение-член своё собственное временное значение как бы переводит в «спящий режим» и подчиняет себя тому временному значению, которое задается главной предикативной структурой высказывания. Но именно в этой, замещаемой глагольным предложением синтаксической позиции сам глагол получает широкую возможность актуализовать свой

модально-аспектуальный потенциал, который тесно связан с выражением значения времени.

В системе арабского языка сочетание слов — множественность *jumla* — противопоставлено единичному слову *mufrad* и структурно, и семантически. Функционально же и множественное, и единичное в ней могут быть равноценны друг другу. Использование противоположных элементов или структур в качестве функциональных эквивалентов пронизывает практически все уровни арабской языковой системы. Оно также составляет одну из специфических особенностей функционирования этой системы. Действие этого механизма получает адекватное отражение только в рамках арабской языковедческой традиции, в таких её операционных понятиях, как замещение *'an-niyāba*, нахождение в позиции чего-то *fī mahall'* ... Эти понятия обладают большой объяснительной силой: они непосредственно затрагивают причинно-следственные отношения между элементами и структурами арабской языковой системы в процессе порождения высказывания. А любое выяснение причинно-следственных отношений, как известно, обладает высоким общеобразовательным потенциалом.

История арабской языковедческой науки сложилась так, что термин, предназначенный для выделения, обозначения сущности и описания частного объекта — двучленной предикативной структуры *jumla*, замещающей собой отдельное слово *mufrad* в какой-либо синтаксической позиции уже «готового» высказывания, стал применяться позднее уже по отношению к любой предикативной структуре, любому предложению *jumla*. На начальной стадии, у Сибавейхи, этот объект рассматривался в рамках высказывания *kalām* и именовался, как и все или многие, многокомпонентные грамматические объекты на основе принципа

исчисления его составляющих. В данном случае это предикат и предцируемое *musnad wa-musnad 'ilay-h*.

Специфика арабского глагола также неотделима от специфики арабского предложения обоих типов: и глагольного, и именного.

2.6. Специфика арабского артикля

В литературном арабском языке три артикля *'adawāt 'at-ta'rif wa-t-tankīr*: *определённый 'alif-lām*, *неопределённый* (танвин, нунация) *tanwīn* и нулевой — одновременное отсутствие определённого и неопределённого артиклей. Артикли реализуются в пределах именного слова: определённый — в начале, перед его первым сегментом (харфом): *'al-walad^m*; неопределённый — в конце, в пределах его последнего сегмента (харфа): *walad^{un}*; нулевой — и в начале, и в конце именного слова: *walad^m*. Это относится к так называемой полной форме слова. В паузальной форме в устной речи вторая половина последнего сегмента (харфа) именного слова не озвучивается: *'a_l_wa_la_d / wa_la_d / wa_la_d*. Арабский артикль, таким образом, включается в фонетическую, графическую и семантическую структуру арабского слова. В свете этого факта дидактически обусловленным становится значимый для арабского языка тезис о несовместимости разных артиклей в одном слове. (Он должен подкрепляться в процессе обучения арабскому языку относительно продолжительным процессом закрепления на основе серии тренировочных упражнений.)

В речи артикль получает каждое именное слово, принимающее артикли (существительное, прилагательное, причастие, превосходная степень прилагательного, масдар). Каждое именное слово в арабском предложении самостоятельно отвечает на вопрос: какое значение определённости или неопределённости оно имеет. Поскольку разные комбинации артиклей соседних слов, точнее — разные комбинации значений

определённости и неопределённости дают в арабском языке разные типы синтаксических конструкций. Предикативные порождаются соположением разноимённых значений: определённость + неопределённость. Атрибутивные порождаются соположением одноимённых значений: определённость + определённость или неопределённость + неопределённость. Генитивные порождаются соположением именного слова с нулевым артиклем с именным словом со значением определённости или неопределённости. Значение же определённости или неопределённости именного слова с нулевым артиклем зависит в них от того, к какому подклассу именных слов: к существительным, или масдарам, или прилагательным принадлежит это слово. Если к существительным, то его собственное значение зависит от определённости или неопределённости второго члена генитивной конструкции. Если к масдарам, то оно всегда определённое, вне зависимости от второго члена. Если к прилагательным, то оно всегда неопределённое, вне зависимости от определённости или неопределённости второго члена генитивной конструкции.

Слова именного класса, не принимающие артиклей (личные местоимения, имена указательные, имена относительные, имена вопросительные), а также имена собственные выражают значение определённости или неопределённости своей семантикой.

Значение определённости–неопределённости неоднородно. «Самым определённым» является личное местоимение *'anā* «я» и др. «Самым неопределённым» является имя относительное *tan* «тот, кто», *mā* «то, что». Другие именные слова арабская языковая система располагает в определённом порядке по убывающей определённости, от более конкретного, частного к менее конкретному, общему. Эта система учитывает не только противопоставление по определённости–неопределённости, но и разность

потенциалов именных слов со значением определённости или неопределённости в порождении предикативных конструкций [10, с. 306-311].

В ситуациях, когда арабский артикль «свободен» от решения синтаксических задач, связанных с порождением предикативных, атрибутивных и генитивных словосочетаний, он решает задачи иного плана.

Одна из них — коммуникативная: неопределённым артиклем, в частности, маркируется «новая» для слушателя / читателя информация, представляющая собой коммуникативную цель данного высказывания. Другая задача, решаемая «свободным» от синтаксической функции арабским артиклем, — номинативная: определённым артиклем маркируется наименование, референт которого размещается в реальном, доступном наблюдениям органами чувств пространстве; референт имени с неопределённым артиклем, помещается уже в ирреальный, виртуальный мир, мир понятий о реальном мире, мир отражённый, мир ментальный. Переход из реального мира в мир ментальный доступен в арабском языке и имени собственному, для этого ему достаточно «приобрести» неопределённый артикль-*tanwīn*: *'al-kuwayt^u* «Кувейт» → *kuwayt^{un}* «такой Кувейт, который был бы...»: *kāna_{был-он} yaḥlum^u* мечтает-он *fī_о kuwaytⁱⁿ* таком Кувейте (который) *tasūdu_{господствует}} -hu_{в нём}} *d-dīmūqrāṭīyyat^u* демократия «Он мечтал о таком Кувейте, в котором господствовала бы демократия ...».*

Арабский артикль, кроме того, является носителем семиотической информации, относящейся к морфологическим характеристикам именного слова. Конкретно — она связана с типом его склонения. Так, все слова, имеющие танвин (включая и имена собственные: *muḥammad^{un}* «Мухаммад»), принадлежат к тому типу склонения, когда каждому из трёх падежных значений соответствует одно из трёх, доступных для именного класса слов конечных словоизменительных форм: на ^{-y}, на ^{-a},

на ^u. Все слова, не имеющие танвин по морфологической причине, относятся к типу склонения, не использующего гласный *-u* 'akbar^u 'akbar^a «самый великий», *dimašq^u* «Дамаск». Решающее значение при этом имеет причина отсутствия танвина. Здесь «работает» только морфологическая причина. Но её может «снять», отменить причина более высокого ранга — синтаксическая.

В системе арабского языка определённый артикль и неопределённый противостоят друг другу в синтаксической и номинативной функции. Но в своей семиотической функции *tanwīn* и *'alif-lām* находятся друг с другом уже совершенно в иных отношениях. Отношения эти могут быть охарактеризованы даже как «партнёрские». *'alif-lām* выступает здесь как «заместитель» *tanwīn^a*, как показатель наличия в его словоизменительной парадигме трёх форм для трёх падежей, включающей и форму на ^u. Ведь слово, получившее определённый артикль, в любом случае не должно иметь танвина. Если оно его имело в исходной форме, то с определённым артиклем оно всё равно его утрачивает. Поэтому и не имевшее *tanwīn* слово, но получившее *'alif-lām*, и имевшее его, но получившее *'alif-lām*, оказываются равноправными в обладании всех трёх словоизменительных форм для трёх падежных значений: *kabūr^{un} / kabūr^{an} / kabūrⁱⁿ* ≠ *'akbar^u / 'akbar^a*; *'al-kabūr^u 'alkabūr^a 'al-kabūrⁱ* = *'al-'akbar^u / 'al-'akbar^a / 'al-'akbarⁱ* «большой; самый большой». Именно в этом смысле арабская языковедческая традиция рассматривает *'alif-lām* как заместитель *yanūb^u 'an tanwīn^a*. Другим таким «заместителем» танвина является нулевой артикль, оформляющий первый член генитивного словосочетания: *'akbar^u waladⁱⁿ / 'akbar^a waladⁱⁿ / 'akbarⁱ waladⁱⁿ* «самый большой мальчик». В этих случаях танвин отсутствует по синтаксической, а не морфологической причине, которая и только которая связана с «запре-

том» иметь окончание на *-и* в парадигме исходной именной словоформы. На этом участке своего функционирования арабская языковая система наглядно демонстрирует приоритетность «синтаксиса» по отношению к «морфологии».

Необходимо подчеркнуть, что это не единственный пример из знаковой системы, называемой «литературный арабский язык», того, как антагонистические отношения между её элементами трансформируются в партнёрские. Явление это — более широкое. Оно хорошо известно и в других знаковых системах, окружающих человека.

Сходство между арабским и европейскими артиклевými языками только в одном — в наличии самого артикля. Различия между артиклями — кардинальные: и в семантике, и в синтаксисе, и в морфологии артикля. Всю специфику арабского артикля адекватно отражает только арабская языковедческая традиция.

2.7. Специфика арабского словоизменения⁵

Флектируемость, как средство выражения отношений между словами в предложении (словоизменение, склонение, *'i'rāb*), в арабской языковой системе охватывает единицы как именного, так и глагольного класса слов.

Флектируемость арабского слова проявляет себя во втором компоненте его последнего сегмента *ḥarf*. Последний *ḥarf* слова, в отличие от начального, обладает полным набором всех возможных для него вариантов: на^y, на^a, на^u, и на⁰. Максимальное количество форм для выражения падежных значений, которое может обеспечить арабская языковая система, четыре. Словоизменительных значений, как у имени, так и у глагола, три. Из четырёх вариантов имя «выбирает» для них формы

---

⁵ См. об этом [8].

на $^{-y}$, на $^{-a}$ и на $^{-u}$, глагол — формы на $^{-y}$, на $^{-a}$ и на $^{-0}$. «Выбор» глагола проходит «по остаточному принципу», так как словоизменительные (падежные) отношения первичны для именного класса слов. Возможность иметь в своей парадигме гласный $-u$ «обусловлена» в арабской языковой системе наличием $tanwīn^a$ — $\dots^n$. Правом же на исключительное обладание $tanwīn^{om}$ обладает только именное слово. Таким образом, два падежных значения у имени и у глагола используют одно и то же средство: форму на $^{-y}$ и форму на $^{-a}$. Они имеют в грамматическом описании арабов одинаковые названия: raf^a и $na\dot{s}b$ соответственно. Название именной словоизменительной формы на $^{-u}$ — $jarr$. Название глагольной словоизменительной формы на $^{-0}$ — $jazm$.

Каждая словоизменительная форма именного слова располагает ограниченным, закрытым списком синтаксических позиций своих употреблений. Для падежа raf^a таких позиций пять: все они находятся в пределах предикативного ядра арабского именного и глагольного предложения. Для падежа $na\dot{s}b$ — в два с небольшим раза больше: все они находятся в пределах распространения предикативного ядра глагольного предложения, а также в пределах предикативного ядра именного предложения, при наличии в его начале квазиглагольной единицы (группы $kāna$ и группы $'inna$). Для падежа $jarr$, которому полностью соответствует понятие европейских грамматик — «родительный», таких позиций две: в предложных и генитивных словосочетаниях.

Арабские словоизменительные формы raf^a , $na\dot{s}b$, $jarr$ и $jazm$ содержат также семиотическую информацию об именном или глагольном слове. Прямой падеж raf^a указывает на то, что данная словоформа самодостаточна: определённое смысловое содержание она выражает в своих собственных пределах. Косвенный падеж $na\dot{s}b$, $jarr$ указывает на то, что

данная словоформа либо присоединяется (*naşb*), либо присоединяет к себе (*jarr, jazm*) другое слово и только вместе с ним выражает какое-то смысловое содержание.

Понятийный аппарат европейской лингвистической традиции (прежде всего понятия «склонение» и «спряжение») одновременно и недостаточен, и избыточен для адекватного отражения специфики арабского словоизменения.

2.8. Специфика арабского предложения

В арабском языке два типа предикации, две разновидности предикативного ядра предложения, принципиально отличных друг от друга по всем основным, как формальным, так и содержательным параметрам: предложение именное *jumla 'ismiyya* и предложение глагольное *jumla fi 'liyya*. Объединяет их только наличие предикативности, сопряжённое с выражением предикативного времени, и их неизменная структурная бинарность.

Различен их частеречный состав: Имя + Имя — в именном предложении; Глагол + Имя — в глагольном.

Различна их синтаксическая структура в плане порядка следования компонентов предикативного ядра: Подлежащее + Сказуемое — в именном предложении; Сказуемое + Подлежащее — в глагольном.

Различна — в плане порядка следования компонентов — и их логическая структура: Субъект + Предикат — в именном предложении, Предикат + Субъект — в глагольном.

Различна линейная структура предложения: в именном предложении это Субъект → Предикат; в глагольном предложении это Предикат → Субъект.

Различны способы выражения предикативного времени в именном и глагольном типе арабского предложения: морфологический — в глагольном, синтаксический — в именном.

Различается типологически и коммуникативная структура арабского именного и арабского глагольного предложения: в первом случае это Тема + Рема; в случае же глагольного предложения — это Монорема (в предложении состава Глагол + Имя ^{значение определённости}).

Резко различаются в арабском языке и информационные структуры предложений разного типа предикации: именное предложение сообщает о **состоянии**, или о наличии чего-то в каком-то пространстве или времени (т.н. бытийное предложение), или о тождестве одного с другим; глагольное предложение сообщает о **событии**. Как будто вся мощь арабской морфологии, синтаксиса и словопорядка брошена на то, чтобы противопоставить один тип информации другому.

Другой специфической особенностью арабского предложения является его способность к транспозиции, которая имеет высокие показатели частотности её использования в арабской речи. Арабское предложение, практически при полном сохранении своей формальной структуры, способно заместить в другом предложении синтаксическую позицию как внутри его предикативного ядра, так и в зоне его распространения, полностью удовлетворяя морфологическим и синтаксическим требованиям, предъявляемым этой позицией к отдельному слову, призванному к её реализации. Общее количество синтаксических конструкций — предикативных, именного и глагольного типа, и непредикативных в арабском языке невелико — не более полутора десятков. И лишь в четырёх из них синтаксические позиции не могут быть замещёнными предложением.

В предложении, замещающем собой синтаксическую позицию другого предложения, в предложении-члене предложения, предложении, которое становится функциональным эквивалентом единичного слова, происходят существенные подвижки в его семантической структуре. Основной атрибут предикативности — предикативное время переходит в нём как бы в «спящий режим». При этом смежные, неотделимые от времени значения модальности и аспектуальности получают дополнительные возможности для своей реализации и актуализации: *walad^{mn} yarsum^u* «рисующий мальчик (букв: мальчик рисует-он)»; *walad^{mn} rasama* «рисовавший мальчик (букв: мальчик рисовал-он)», *walad^{mn} qad rasama* «нарисовавший мальчик (букв: мальчик уже нарисовал-он)».

Кроме того, арабская языковая система располагает набором предикативных структур, которые не относятся к предложениям субъектно-предикатного типа. Ими, в частности, передаются такие значения, как:

— видовое отрицание: *lā šakk^a* «нет никакого сомнения», с возможностью выделения, подтверждения, подчёркивания значения обобщённости: *lā min šakkⁱⁿ*. Оно, в свою очередь, является ответом на вопрос *hal min šakkⁱⁿ?* «Есть ли хоть какое-нибудь сомнение?»;

— обращение: *yā rabb^u* 'аууһә r-rabb^u «Господи!», *yā l-lāh^u* «Боже!»;

— восхищение: *mā 'ajmala hāzā n-nahār^a* «Как прекрасен этот день!»;

— клятвы: *wa-l-lāhⁱ* «Ей Богу» и некоторые другие.

В приведенных примерах встречается ещё одна специфическая особенность арабской языковой системы: с целью порождения синтаксических конструкций она использует переход единиц именного класса слов из одного разряда в другой, в частности, из разряда флектируемых (обладающих словоизменением) *tu 'rab* в разряд нефлектируемых (не обладающих словоизменением) *mabniyu*. Этот переход сопровождается

1) утратой танвина, 2) обретением последним харфом именного слова неизменяемого гласного (-*a*; -*y*), который перестаёт быть показателем падежного значения. Таким способом устанавливается «теснейшая» синтаксическая связь между единицей класса частиц и единицей именного класса слов в конструкции видового отрицания: конечный гласный -*a* не является здесь показателем винительного падежа; он является показателем застывшей формы слова, утратившего *tanwīn*, а вместе с ним и способность к словоизменению. Такое же средство используется и в звательной конструкции: конечный гласный -*y* не является здесь показателем именительного падежа. Такое же средство используется и в непредикативной конструкции: в числительных второго десятка типа *ḥamsat*^a '*aṣar*^a «пятнадцать» — оба числительных утрачивают *tanwīn* и приобретают застывшую форму на -*a*, не являющуюся падежным окончанием. В европейских грамматиках арабского языка это явление получает искажённое отражение.

3. Почему присутствие арабской языковедческой традиции (АЯТ) в системе профессиональной подготовки востоковедов-арабистов является необходимым

1. Первопричиной такой необходимости является специфика самой знаковой системы, которая называется «литературный арабский язык». Эта специфика пронизывает все уровни арабской языковой системы. Эта специфика не вписывается полностью в другие традиции описания языка. Другие традиции не могут гарантировать неискажённого отражения арабской языковой системы. Другие традиции не всегда способны увидеть то, чего нет в языках, для описания которых они не созданы. Другие традиции не могут быть свободны от попыток приписать арабской языковой системе то, что имеют их «собственные» языки.

2. Полностью адекватное описание этой системы даёт только арабская языковедческая традиция (АЯТ), созданная исключительно для изучения арабской языковой системы и обучения ей.

3. АЯТ обладает мощным образовательным потенциалом.

4. Применение АЯТ в учебном процессе знакомит обучаемого гуманитарным наукам с новой для него традицией изучения языка, обеспечивая тем самым формирование вариативного подхода к изучению явлений с учётом как их специфики, так и цели их изучения.

5. Изучение арабского языка на основе АЯТ позволяет без каких-либо затруднений продолжать филологическое образование на любом уровне в любой арабской стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганина Г.Р. Лингвистические основы орфоэпии чтения Корана. // М.С. Мейер, Г.Р. Аганина, А.Р. Гайнутдинова, Д.В. Фролов. Сборник пособий по исламоведению. — М.: Восточная книга, 2012. — С. 63-224.
2. Алипий (Гаманович). Грамматика церковно-славянского языка. — М.: Художественная литература, 1991.
3. Алпатов В.М. История лингвистических учений. — М.: Языки славянской культуры, 2005.
4. Ахвледиани В.Г. Арабское языкознание средних веков. // История лингвистических учений. Средневековый Восток. — Ленинград: Наука. Ленинградское отделение. 1981. — С. 53-95.
5. Березин Ф.М. История лингвистических учений. — М.: Высшая школа, 1984.
6. Габучан Г.М., Ковалёв А.А. О проблеме слова в свете фактов арабского литературного языка. // Арабская филология. — М.: Издательство Московского университета, 1968 — С.40-52.

7. Габучан Г.М. Арабская языковедческая традиция. // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С.39–40.
8. Габучан Г.М. Арабское словоизменение. Дисс. На соискание учёной степени доктора филол. наук. — М.: Издательство Московского университета, 2000.
9. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. — М.: Прогресс, 1988.
10. Лебедев В.В., «О дифференциации определенности в литературном арабском языке» // В.В. Лебедев Полвека в арабистике, — М.: ВКН, 2013. — С. 306-311.
11. Лебедев В.В. Полный курс литературного арабского языка. Начальный этап. — М.: ВКН, 2017.
12. Лебедев В.В. Арабский глагол и время (в свете арабской грамматической традиции и задач совершенствования обучения арабскому языку). //Актуальные проблемы арабской филологии. Сборник научных трудов. К 125-летию со дня рождения Х.К. Баранова и К.В. Оде-Васильевой. — М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2018. — С. 67-83.
13. Лебедев В.В. Церковнославянский сквозь призму литературного арабского языка. // Арабистика Евразии, 2019, №6 — С. 25-46.
14. Парибок А.В. О методологических основаниях индийской лингвистики. // История лингвистических учений. Средневековый Восток. — Ленинград: Наука. Ленинградское отделение. 1981. — С.155-176.
15. Парибок А.В. Индийская языковедческая традиция. // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 177-178.
16. Русская Грамматика. Том I. — М.: Издательство Наука, 1980.

17. Фролов Д.В. К вопросу о понятии предложения в арабской грамматике.
// Арабская филология. Грамматика. Стихосложение. Корановедение. —
М.: Языки славянской культуры, 2006. — С. 17-33.

**Арабский Восток в мировосприятии европейских мыслителей XIX в.:
И.Г. Гердера, Й. фон Хаммера–Пургштала и И.В. фон Гёте**

Проблематика Арабского Востока, рассматриваемая в трудах европейских мыслителей XIX в. (И.Г. Гердера, Й. фон Хаммера-Пургштала и И. В. фон Гёте), находится в фокусе исследовательских интересов в многочисленных работах отечественных и зарубежных учёных [8; 9; 12; 15] и др. В то же время к настоящему времени недостаточно изученными остаются вопросы, касающиеся воззрений И. Г. Гердера, Й. фон Хаммера-Пургштала и И.В. фон Гёте на ряд важнейших аспектов, связанных с изучением Арабского Востока. К числу таких вопросов следует отнести, в частности, особенности восприятия и осмысления европейскими мыслителями арабской, персидской и турецкой поэзии, изучение ими мотивационных предпосылок для создания поэтических произведений на Востоке, выявление особенностей восточного поэтического искусства, рассмотрение Арабского Востока с позиции его эпистемологических корреляций с категориями окружающего мира, природы и человека, определение методологических стратегий исследования культуры Востока немецкими мыслителями и др.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать индивидуально-личностное восприятие Арабского Востока И. Г. Гердером, Й. фон Хаммером и И.В. фон Гёте и выделить на этой концептуальной основе в их восточном дискурсе геопозитические гештальты Арабского мира, которые в XIX в. существенным образом повлияли на восприятие Востока в Европе в целом. Кроме того, внимание будет уделено и вышеуказанным вопросам.

Используемое в этой статье понятие «геопоэтика» понимается нами в русле концепции «геопоэтики» Кеннета Уайта и её концептуальной интерпретации В.Я. Головановым, с позиции которых «геопоэтика» рассматривается как «особый вид поэтических изысканий, сфокусированных на том, как пространство раскрывается в слове» [7].

Материалом для исследования послужили: книга И.Г. Гердера «Арабские государства» [4], труды Й. фон Хаммера [20; 21; 22], «Западно-Восточный диван» Гёте [5] и др.

Иоганн Готфрид Гердер, известный немецкий философ, богослов, поэт и переводчик, многоаспектно представляет мир Арабского Востока в своем трактате «Идеи к философии истории человечества», состоящего из 20-ти книг, из которых 19-я книга всецело посвящена «арабским государствам».

Познавая Арабский Восток, Гердер выделил следующие основополагающие максимы:

- «благодаря арабам благороднейшие знания, которые какие только ведомы человеческому уму, проникли во все уголки мира»;
- арабы «осуществили такую тонкую “критику чистого разума”, к которой европейцам уже нечего было добавить»;
- Европа узнала об Аристотеле через переводы арабов;
- арабский «романтический рыцарский дух примешался к европейскому духу приключений»;
- сказки арабов послужили Европе новым образцом — «как скрывать тонкую истину и преподавать уроки мудрости»;
- «страна фей — *пери* и *нери* — возникла в древних легендах персов», и «эти *пери* проникли и в романы средневековой Европы»;

— «в архитектуре, многое из того, что называется готическим вкусом, — на самом деле вкус арабский, сложившийся у арабов на архитектурных образцах греческого мира» [4].

Знакомясь с духовными и культурными ценностями Арабского Востока, Гердер приходит к выводу о том, что все гуманитарные направления науки теснейшим образом связаны с поэзией. По его мнению, «история по-арабски — это поэзия или рассказ, проникнутый поэзией», а «философия арабов» является поэтической «сестрой сказки». «Язык поэзии служит средством отражения величайших достижений арабов в самых разнообразных сферах человеческого бытия» [4]. Гердер отмечал, что поэзия арабов является их древнейшим наследием, «дочерью свободы», а не милости халифов. «Она цвела задолго до Мохаммеда, ибо поэтическим был сам дух народа, и тысяча предметов пробуждала его» [4]. Муза арабов, по Гердеру, отмечена «пышными образами, гордыми, великодушными чувствами, глубокомысленными речениями и какой-то безмерностью в похвалах и порицаниях» [4].

Немецкий мыслитель стремился дать ответ на вопрос о том, что же «поощряло поэтические стремления на Востоке». По убеждению Гердера, «это была и страна, и образ жизни, и паломничество в Мекку, и поэтические состязания в Оккаде, и честь, которой удостаивался новый поэт от своего племени, и гордость, которую вызывал у народа сам язык, легенды народа, склонность к приключениям, склонность к любви, славе, даже и одиночеству, и мстительность, и жизнь странника» [4]. Гердер подчёркивал, что «ни один народ не может похвалиться столькими покровителями поэзии, сколько было у арабов в лучшие времена их истории» [4].

Поэзия персов, как отмечал немецкий мыслитель, которая, как и сам персидский язык, произошла от арабской поэзии, становилась по

мере своего формирования, все более «спокойной и весёлой, как подобает самой стране и характеру народа». Гердер называет её «дочерью земного рая» [4]. Благодаря тому что, по мысли учёного, «ни арабская, ни персидская поэзия не желала, не подражала художественным формам греков — эпосу, оде, идиллии, тем более — драме, поэтический дар персов и арабов именно поэтому проявил себя очень явственно и украсился своими особыми красотами» [4].

Отмечая большое влияние восточной литературы и поэзии на европейскую культуру, немецкий мыслитель заострял внимание на том, что песни трубадуров («*Gaya Ciencia*»), характерные для поэзии французского Лимузена и Прованса, «словно навязаны, словно напеты в уши христиан, соседями-арабами». Этот процесс, по мысли Гердера, был не одномоментным, а постепенным: «медленно, непослушно Европа училась внимать более тонкой, живой поэзии» [4].

Немецкий поэт много и плодотворно занимался переводами редких восточных произведений, в том числе доисламского периода. Он составил своеобразную антологию «из восточных стихотворений» (1807).

Итак, Гердер был восхищён духовно-нравственными ценностями Арабского Востока, его святынями, языком, его древними истоками, значимым вкладом в сокровищницу человеческих знаний. Восток для Гердера — это, прежде всего, мир поэзии, которой пронизаны все сферы жизни.

Йозеф фон Хаммер-Пургиталь (австрийский дипломат, историк, ориенталист, переводчик) впервые сделал доступными для читателей Европы богатые сокровища и традиции Востока, представленные и описанные им в его многочисленных трудах [см. об этом подробнее: 20; 21; 22]. Й. фон Хаммера поразила своей красотой, глубокими смыслами и выразительными формами поэзия Арабского Востока. Австрий-

ский востоковед был знаком с доисламской героической поэзией, переводил *мо'аллаки* — «наиболее прославленный сборник семи (или девяти) больших произведений важнейших доисламских поэтов» [23, с. 34].

Хаммер пишет грандиозный трактат под названием «История османской поэзии до наших дней», охватывающий наиболее известных восточных поэтов (2200 стихотворцев), живших в течение шести столетий (от 1300 до 1838 гг.).

Учёный воспринимает восточную поэзию как некий чувственно-перцептивный феномен, имеющий свой утончённый, изысканный и неповторимый аромат. Тема «аромата поэзии» арабских, персидских и турецких авторов прослеживается уже в самих названиях произведений Хаммера о Востоке. Ср.: «Духи из роз» («Розовое масло»). Первый и второй флакончики или саги и предания Востока, собранные из арабских, персидских и турецких источников» (1813) («Rosenöl»).

Персидская поэзия вызывает у австрийского поэта ассоциативные связи с ароматом зёрен кофе, что нашло отражение в названии его замечательного труда «Ароматные зёрна, собранные из персидских поэтов» (Duftkörner) (1836).

В метафорическом осмыслении Й. фон Хаммер визуализирует образы восточных поэтов и называет их «цветами», а сам процесс изучения восточных поэтических текстов именуется «сбором цветов». Ср.: «Цветы персидской и арабской поэзии» (1797); «Из персидского сбора цветов» (Blumenlese) (1798). Шедевры арабских, персидских и турецких поэтов учёный сравнивает с трилистником (с трёхчастным клевером), символизирующим единую триаду в восточной поэзии, что послужило мотивацией для названия известного труда Хаммера: «Восточный трилистник» (1819).

Всеобъемлющий восторг миром Арабского Востока Хаммер выражает уже тем, что ряд своих произведений, посвященных описанию восточных реалий, он определяет высшей оценкой, именуя их «арабским новогодним подарком». Так, свой «Альманах» [*Al-Manah*] (1811), предназначенный для европейцев и знакомящий их с философско-мировозренческими взглядами арабов на природу, окружающий мир, человека и его творения и отражающий прекрасные портреты Востока, стигматами которых являются, по Хаммеру, «Нил, пальма, кипарис, звезды, пирамиды, сфинкс, бедуин», он называет «новогодним подарком». И книгу «Золотые ожерелья наставлений и советов Махмуда аз-Замахшари» (1818) он тоже именует «Новогодним подарком».

Хаммер уделяет большое внимание гносеологическим и религиозно-мировозренческим ценностям Арабского Востока, составляющим концептуальную основу его теологического гештальта. Известно, что в понимании и толковании религии разными народами закономерным образом отмечаются как общие, так и различные мировозренческие представления, наблюдается «разнообразие религиозных выражений» [10]. Австрийский учёный изучает особенности религии Востока. Его переводы, связанные с историей Корана и пророком Мухаммадом, приобретают особую значимость (ср.: «Свет. Согласно Корану» (1827); «Пятая и пятидесятая сура Корана» (1844); «Мухаммад, сын Абдаллаха» (1813); «Ислам и Мухаммад» (1835) и др.). В своем предисловии к переводу Корана Хаммер пишет о том, что Коран — это «не только закон ислама, но и шедевр арабской поэзии». Здесь же он отмечает: «Мухаммад покори свой народ не столько мечом, сколько силой речи» и, «следовательно, Коран — это слово Божье» [1].

Австрийский исследователь размышляет о мистике Востока и пишет свой труд «О происхождении восточных мистиков» (1827), изучает

историю происхождения и предназначение разного рода талисманов. Его интересуют и «рубашки-талисманы» у мусульман, причём «особенно та», которая «хранится в австрийском цистерцианском монастыре в Винер-Нойштадте». Хаммер пишет: «На рубашке, которая, вероятно, была сделана в Багдаде, начертаны символы счастья, удачи, а также суры Корана. Рубашка-талисман была предназначена для защиты владельца от пуль» (1829).

Учёный затрагивает тему о духах (ср.: «Учение мусульман о духах» (1852)), анализирует атрибутику Востока и на основе своих наблюдений создает «Трактат о печатях арабов, персов и турок» (1850). Австрийский ориенталист проявляет интерес к арабской нумерологии, в особенности к числу «семь», о чём он рассуждает в своем трактате «О числе семь» (1848).

Одно из значимых направлений, увлекавших Й. Хаммера, была наука на Востоке. Учёный составляет своеобразную энциклопедию наук Востока, что нашло отражение в его важном труде «Энциклопедический обзор наук о Востоке, переведённый из семи арабских, турецких и персидских трудов» (1809). Свое восхищение мыслителями Востока учёный выражает в трактате «Лучшие умы Востока в отражении блеска сияющих звёзд» (1822).

Изучая кладёзь арабской мудрости, Хаммер глубоко погружается в мир восточных саг, легенд, притчей, пишет знаменитую книгу «Об энциклопедии персов, арабов и турок», изучает и переводит «Жемчужину короны» Махмуда Ширази («Dürret et tadsch») (1856). Знакомясь с восточными сказками, он интересуется их истоками и публикует свой труд «О происхождении тысячи и одной ночи» (1829).

Й. фон Хаммер фокусируется на изучении арабской филологии, каллиграфии и осуществляет ряд переводов: «Словесные науки

'al-'ulūm al-lafẓīya или филология *'ilm al-'adab*» (1804), «Наука каллиграфии *'al-'ulūm al-ḥaṭṭīya* или *'ulūm al-ḥaṭṭ*» (1836) и др. Он с воодушевлением знакомится с арабским фольклором и описывает его в ряде работ: «Арабская пословица» (1826; 1851); «Предания и пословицы арабов» (1828) и др.

В своей книге «Об именах арабов» (1852) Хаммер изучает особенности арабских имён. Его интересует также взаимосвязь между созвездиями и собственными именами арабов, используемыми ими для наречения отдельных звёзд, о чём он рассуждает в одноименном трактате (1808).

В этнокультурной перспективе Й. фон Хаммера привлекают традиции, обычаи и нравы Востока, которые он описывает в книге «Об обосновании обычаев, традиций и нравов на основе религии арабов, персов и турок» (1839). Его очаровывают роскошные «свадебные праздники халифов, шейхов и султанов», их сказочное великолепие (1823). Хаммера изумляет красота и необычность языка цветов и фруктов, используемого в гаремах для общения (1807). Он интересуется соколиной охотой (1840), использованием лука и стрел на Арабском Востоке (1851) и др. Описанию каждой из этих самобытных восточных традиций он посвятил отдельные работы с одноименными названиями (см. выше).

Й. Хаммера привлекает многообразие культурно-семиотических смыслов, столь часто прослеживаемых в Арабском мире. Так, он замечает на платьях арабских женщин надписи и узнаёт о том, что они могут служить, в том числе, «символом права суверенитета женщин на Востоке». Об этом он пишет в своей статье с одноименным названием (1848).

Будучи очарованным восточной музыкой и стремясь познакомить европейцев с историей возникновения прекрасной музыки Арабского

Востока, Хаммер пишет трактат: «Сочинения по истории восточной музыки» (1814). Хаммера завораживала и восточная архитектура, о красоте и уникальности которой он рассуждает в книге «История арабской архитектуры» (1845).

В переводах Й. фон Хаммера отражается духовный универсум Арабского Востока. Он сделал блестящие переводы произведений арабских, турецких, персидских, татарских, курдских и других авторов Востока. Восхищаясь персидской поэзией, Хаммер в предисловии к своему труду «История изящной словесности Персии» (1818) говорит о своём неудержимом желании «насладиться ароматом цветов всего восточного поэтического искусства, его весенним садом, желанием обратиться к источнику персидской поэзии и самому побродить по всем её розариям, фруктовым садам, кедровым и пальмовым рощам, лиственным аллеям и тенистым переходам» [19].

Блестящий перевод «Дивана» Хафиза Ширази (1028 страниц, 704 стихотворения), выполненный Хаммером, «сделал австрийского учёного в XIX в. представителем восточного движения в немецкой литературе» [17].

Восторженное восприятие Арабского Востока Й. фон Хаммером прослеживается и в основанном им журнале «Сокровищницы Востока» (1809–1819), цель которого состояла в том, «чтобы служить изданию арабской, турецкой, персидской и курдской литературы» [3]. Подчёркивая большое влияние Арабского Востока на европейскую культуру, учёный пишет: «В Средние века, когда Азия ворвалась в Европу (через завоевание арабов в Испании) и Европа в Азию, через походы крестоносцев в Палестину, гений Востока сначала осветил своим факелом тьму готского варварства, а затем смягчил [...] суровое дыхание нордической традиции» [1].

Австрийский ориенталист опубликовал в «Сокровищницах» «Каталог всех восточных рукописей и печатных произведений», в который вошли «произведения Саади, Хилала, Авиценны, Сулеймана Великолепного, Табари, Джалаладдина Руми, Низами, притчи о Ходже Насреддине, арабский манускрипт Аристотеля, роман Антары и Шахнаме» [3].

Таким образом, восточные наблюдения Й. фон Хаммера составили важную основу для формирования яркого, многоликого и завораживающего глубиной философской мудрости и красотой слова образа Арабского Востока.

Переводы текстов Хафиза Ширази и «Сокровищницы Востока» Й. фон Хаммера имели ключевое значение для всестороннего и глубокого увлечения **И.В. фон Гёте** миром Арабского Востока. Собрание ценных знаний о Востоке произвело столь сильное воздействие на немецкого учёного, что он восторженно заключил: «Интерес к Востоку захватил все способности моей души». Он писал также: «Со вниманием штудирюя «Достопримечательности» Й. Кр. Якоба фон Дица, его полемику с Й. фон Хаммером, [...] я всюду вдыхал свежий воздух Востока» [5, с.156]. Далее Гёте утверждает, что «если бы это стремление — познать Восток — было бы сдержанным, отвлекало бы в сторону, то я никогда не сумел бы найти дороги в этот рай» [5, с.156].

Знакомясь с арабской каллиграфией, Гёте приходит к выводу о том, что «ни в одном языке дух, слово и письмо не складываются столь изначально в единое тело» [6]. По мнению Анке Боске, именно занятия каллиграфией, изучение «этого чувственно привлекательного шрифта» во многом помогли Гёте «понять восточную культуру» [2]. Небезынтересно отметить, что в Доме-музее Гёте в Веймаре хранятся его многочисленные рукописные записи на арабском, персидском, иврите, сирийском и санскрите [18]. Арабское искусство письма, как подчёркивает

А.Б. Куделин, во многом отразилось в известном труде Гёте «Западно-восточный диван» (1819) [13], который он посвятил изучению Востока. Иоганн Г.Л. Козегартен, рецензент «Западно-восточного Дивана», отмечает, что этот труд написан именно «поэтом», способным «выразить дух и жизнь восточной поэзии», а не «просто филологом», который «цепляется за буквы и формы, не в силах проникнуть в самый живой дух её» [11, с. 493]. Генрих Гейне пишет о красоте стихов Гёте, которые «так легки, так блаженны, так похожи на дыхание, так воздушны, что удивляешься, как нечто подобное мыслимо на немецком языке [16, с. 154].

Гёте составляет «Комментарий» к «Западно-восточному дивану», который, по его мнению, должен был способствовать «достижению лучшего разумения, ибо немец, конечно же, не мог не опешить, видя, что ему предлагают нечто из совершенно иного мира [5, с. 451].

В ходе своих изысканий Гёте проявляет себя как представитель немецкой культуры, который стремится найти в восточном культурном пространстве сходства и различия в сравнении с ценностями своей культуры. Для этого он использует методологическую стратегию межкультурного сопоставления, позволяющую ему объяснить восточное через немецкое.

Восточно-немецкие параллели прослеживаются как в «Комментарии» к «Западно-восточному дивану», так и в самом стихотворном тексте «Дивана». Обращает на себя внимание уже тот факт, что часто немецкий учёный являет себя не от своего имени, а от имени немецкого сообщества, о чём свидетельствует довольно частое употребление «мы», «нам», немцы и т.п. Ср.: «Главная характерная черта восточной поэзии состоит в преобладании верховного руководящего начала, в том, что мы, немцы, называем духом» [5, с. 40].

Говоря о признаках восточной поэзии, не всегда понятных европейцам, Гёте призывает не забывать о том, что «поэтическая одарённость арабов не уступала ничьей на целом свете» и, кроме того, «важно постепенно “свыкаться” со своеобразным внутренним миром восточных поэтов, ибо это в конечном счёте приведет к тому, что мы будем всё больше и больше поражаться и изумляться ими» [5, с. 197].

Отмечая одну из черт восточной поэзии — «сочетать несочетаемое», что часто западными поэтами подвергается критике, Гёте сетует и укоряет немцев: «Когда же человек Востока ради занимательного странного эффекта сочетает несочетаемое, так немцу ли, с которым тоже такое случается, немцу ли косо смотреть на него» [5, с. 38]. Он убеждён в том, что для того, чтобы «принимать участие в творениях великолепнейших умов», необходимо «уподобляться всему восточному», поскольку «сам Восток не придёт к нам в гости» [5, с. 220].

Размышляя о том, стоит ли сравнивать восточных и европейских поэтов, Гёте рекомендует: «Настоятельно просим не сравнивать Фирдоуси с Гомером», — и далее пишет: «И мы, немцы, не нанесли ли огромного ущерба великолепным «Нибелунгам» тем же самым сопоставлением?» [5, с. 54]. По мнению Гёте, «не нужно народу чужого платья, оставим ему его привычное» [5, с. 514].

Затрагивая переводческую проблему правописания восточных имён, учёный отмечает, что «немцам легче других писать так, как говоришь». Поэтому «они с большей охотой приравниваются к чужим звучаниям, ударению, количеству звука; немцы подошли к проблеме основательно» [5, с. 113].

Рассуждая о роли английских, итальянских, французских путешественников и паломников в распространении знаний о Востоке, Гёте

выделяет и немцев: «А теперь пусть выступит на сцену немец (Адам Олеарий), энергично и достойно» [5, с. 98].

Итак, Гёте, благодаря выбранной им стратегии сравнения был подобен, по выражению И. Козегартена, опытному и много знающему о Востоке «проводнику», который «взял за руку» западного человека «и повёл его за собой с Запада на Восток» [11, с. 493], открывая ему мудрость и красоту «края утренней зари».

В фокусе внимания Гёте находятся многочисленные как арабские авторы, начиная с VI в.: Амр ибн Кулсум, Антара, ал-Аша, Джамил, Зухайр ибн Аби Сулма, Имруулкайс, Лабид, Маджнун, Аль-Мутанабби, Тарафа и др., так и «семь основных», фарсиязычных поэтов, начиная с XIX в.: Фирдоуси, Анвари (Енвери) Низами, Руми, Сади (Саади), Хафиз, а также Унсури и Хакани [14].

Познакомившись глубже с миром персидской поэзии, автор «Западно-восточного дивана» с восторгом отметил: «есть у персов поэтические натюрморты, которые можно поставить рядом с картинами лучших нидерландских мастеров, а по нравственному же наполнению поставить и ещё выше» [5, с. 196].

Изучая восточную поэзию, Гёте выделяет общие признаки, характерные для произведений восточных поэтов:

1) тенденцию «сочетать прямой линией вещи наиотдалённейшие», связывать самые несообразные явления [5, с. 217];

2) «сопрягать образы самые благородные и образы самые низменные» [5, с. 193];

3) «сочетать несочетаемое» [5, с. 217];

4) «широкий обзор, охват вещей и предметов мира» [5, с. 170];

5) «тут без труда рифмуют (ср.: Солома. Сегодня — дома. //Гроздь винограда. Я и сама рада [5, с. 234];

6) «любят загадывать загадки, что одновременно воспитывает и способность их разгадывать» [5, с. 233];

7) «ясная картина мира, ирония, нескованное применение своих дарований» [5, с. 197];

8) стремление к «импровизированному слову» [5, с. 197];

9) «восточному поэту вовсе ничего не стоит вознести нас в облака, а оттуда сбросить на землю, и наоборот» [5, с. 194];

10) «высокоценна внимательность к подробностям, к деталям, острый, любовный взгляд, стремящийся извлечь самое своеобразное из всякого значительного предмета» [5, с. 196];

11) «весь народ исполнен духа» [5, с. 197];

12) новые, новейшие поэты последующих эпох «всё более смешивают поэзию и прозу»;

13) «во всех видах словесности пользуются одним стилем», и «это продолжается уже три столетия» [5, с. 198];

14) стихи арабских поэтов могут «напоминать кводлибет (соотносить «что угодно»), но, по Гёте, не следует спешить с выводами, поскольку кводлибет — «это такой поэтический вид, где лишь первейшему таланту под силу создать что-либо замечательное» [5, с. 221];

15) «чрезмерность похвал, на которые тратятся силы благородных душ» [5, с. 207] и др.

Относительно «чрезмерного восхваления сильных мира сего», что на Западе подвергается критике, Гёте призывает не забывать, что «творения поэтов-панегиристов (Энвери, Хакани, Заги Р. Фарьяби и Ахестеги и др.) до сих пор с восторгом читают на Востоке, а потому бессильна любая попытка очернить их» [5, с. 209].

Как следует из наших наблюдений, в «Западно-восточном диване» в основе формирования доминантных геопозитических гештальтов Араб-

ского Востока отмечаются, прежде всего, десять эпистемологических векторов, отражающих корреляции Востока с теми или иными доминирующими реалиями и концептами: Восток — это: 1) пространство; 2) духовные ценности; 3) наслаждение; 4) чувства; 5) вера; 6) знание; 7) мораль; 8) поэзия; 9) космология; 10) мистика.

Примечателен тот факт, что уже только в книге певца Моганнине «Гиджра» Гёте дает панорамное и многоликое описание Востока, фокусируя внимание при этом на его культурных и семиотически значимых приоритетах, репрезентированных в соответствующих гештальтах Востока. Ср.:

1) пространственный гештальт Востока: «Восток — это Даль»;

2) этнокультурный:

«На Восток отправься дальний

Воздух пить патриархальный»;

3) гедонистический: «Восток — это виноградная лоза, вино»;

4) сенсуалистический:

«В край вина, любви и песни,

К новой жизни там воскресни»;

5) теологический:

«Там, наставленный Пророком,

Возвратись душой к истокам»;

6) ментально-гносеологический:

«В мир, где ясным, мудрым слогом

Смертный вёл беседу с Богом,

Обретал без мук, без боли

Свет небес в земном глаголе»;

7) моралистический:

«В мир, где предкам уваженье,
Где чужое — в небреженье.
Где просторно вере правой,
Тесно мудрости лукавой»;

8) поэтический:

«И где слово вечно ново,
Ибо устным было слово»,

(ср. также:

«А взгляд, а речь!

Тут сам Восток

Прозрачной вязью вьётся! (из кн. «Хафиз-наме»).

Кроме вышеназванных гештальтов у Гёте отмечаются ещё два знаковых для Востока геопоэтических образа:

9) космологический: «Восток – это мир, где солнце — “трон Господень”», где восход солнца является «высшим зеркалом духом чистых» и «орбитой всех орбит»;

10) мистический: «Восток — это мир, где «тем, кто верит, талисман во благо дан».

Осознавая, что Восток — это другой мир, другая культура, Гёте предлагает надёжный путь его познания:

«Хочешь слов узнать секреты,

В их краях ищи ответы.

Хочешь ты понять поэта,

Так иди в его край света» [5, с. 308].

Таким образом, в мировосприятии Арабского Востока тремя выдающимися мыслителями — Гердером, Хаммером и Гёте — Восток видится многоликим, прекрасным, мудрым, почтенным и светлым. В то же время каждый из мыслителей интерпретирует самобытный портрет Востока по-своему. И.Г. Гердер отмечает первозданность поэзии бедуи-

нов, восхищается стихотворными творениями исламских поэтов и показывает, что поэзия арабов «украсила сама себя своими собственными дивными узорами». Воображение Й. фон Хаммера-Пургшталля занимала ментально-гносеологическая триада Арабского Востока (философия духа/знаний, религия, поэзия). Хаммер рассматривает поэзию Востока как глубокомысленный, чувственно-перцептивный и в высшей степени эстетический феномен: он «вдыхает её аромат» и видит её в прекрасном флористическом образе «цветочного сада». Индивидуально-личностное восприятие Арабского Востока немецким поэтом И. В. фон Гёте отражают его слова: ««В эпоху, когда столь многие создания Востока бережно усваиваются нашим языком, будем считать себя призванными привлекать внимание к той стороне, откуда, на протяжении тысячелетий, доставлялось к нам так много великого, прекрасного и доброго» [5, с. 580].

ЛИТЕРАТУРА

1. Badri Taha Ibrahim Ahmed. Friedrich Rückerts Beschäftigung mit der arabischen Literatur: Motive und Nachwirkungen - Journal of King Saud University - Languages and Translation. Volume 25, Issue 1, January 2013, Pages 45-52. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jksult.2012.12.004>Get rights and content.
2. Bosse Anke, West-östliche, ost-westliche Verbindungen. Goethes «Divan» als Modell – anhaltend aktuell in: Frieder von Ammon, Jochen Golz, Stefan Matuschek, Edith Zehm (Ed.) Goethe-Jahrbuch 136, 2019, page 19 – 26. Edition 2020.
3. Galter, H. D. «Fundgruben des Orients. Die Anfänge der Orientwissenschaft in Österreich», In: Achim, K. (Hrsg.), Kunst und Geisteswissenschaften aus Graz. Wien, Köln, Weimar: Böhu Verlag, 2009.
4. Гердер Иоганн Готфрид. Идеи к философии истории человечества. — М.: Наука, 1977.

5. Гёте Иоганн Вольфганг фон. West-östlicher Divan. Западно-восточный диван [Текст] / Отв. редактор И.С. Брагинский. — М.: Наука, 1988.
6. Goethe, Johann Wolfgang, Briefe, 1815 - Zeno.org [Электронный ресурс] /Режим доступа: http://www.zeno.org/Literatur/M/Goethe,+Johann+Wolfgang/Briefe/1815_
7. Голованов В. Я. Геопозитика Кеннета Уайта / Геопозитика и географика: путевой журнал// Октябрь, 2004, № 4. — С. 157-159.
8. Detering Heinrich, «Im Islam leben und sterben wir alle». Goethes «Divan» im Kontext in: Frieder von Ammon, Jochen Golz, Stefan Matuschek, Edith Zehm (Ed.) Goethe-Jahrbuch 136, 2019, page 27–30. Edition 2020.
9. Ишимбаева Г.Г. И.В. Гете и проблемы диалога Запада и Востока — Уфа: Изд-во Гилем, 2006.
10. Karpov K., Malevich T. Philosophy of Religion and Religious Studies in Modern-Day Russia //Studies in East European Thought. — 2015. Vol. 66/3–4. P. 227–244.
11. Козегартен И. Г. Л. Гёте И. В. Западно-восточный диван // Рец. на кн. «Западно-восточный диван» Гёте. Пер. А. Михайлова. — М.: Наука, 1988. — С. 492-519.
12. Куделин А.Б. Литературные взаимосвязи Запада и Востока в XIX веке и формирование концепции «мировая литература». [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihicht/2012_Sbornik/2012_Dokladi/2012_plen/028_2012_plen.pdf с. 109.
13. Куделин А.Б. Западно-восточные поэтические сочинения первой трети XIX в.: от «Дивана» Гёте до «сонета-газели» Мицкевича — Топчи-Баши //Studia Litterarum, 2020. — Т. 5, №3. — с. 68–103. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-68-103_

14. Курова О.Н. Австрийский ориенталист Йозеф фон Хаммер-Пургшталь как источниковед [Текст]: дис. на соиск. учен. степ. канд. историч. наук: Институт восточных рукописей Российской академии наук. – СПб.: Б.и., 2019.
15. Лагутина И.Н. Западно-восточный Диван Гёте: Опыт интерпретации // Филологический журнал: Ф.М. Достоевский и мировая культура, 2019, № 1. — С. 189-217.
16. Die romantische Schule/ erstes Buch, DHA, Bd.8/1, S.154. цит: Yael Kupferberg. Dimensionen des Witzes um Heinrich Heine. Verlag Koenigshausen& Neumann GmbH Würzburg, 2011. Zur Säkularisation der poetischen Sprache. S. 137. Insgesamt: — 207 S.
17. Soleimani, A. Goethes Persienbild. Eine intertextuelle Studie zum «Westöstlichen Divan». Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2015. — S. 158f.
18. Svenja Macht. Goethes arabische Schreibübungen. Gemalte Fliegenbeine 31. März 2016 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://blog.klassikstiftung.de/goethes-arabische-schreibuebungen/>.
19. Firuzabadi Seyed Saied. Der Beitrag von Joseph von Hammer-Purgstall zur Vorstellung der persischen Literatur in der Kadscharenzeit. SPEKTRUM IRAN. Zeitschrift für islamisch-iranische Kultur. Herausgeber: Kulturabteilung der Botschaft der Islamischen Republik Iran in Berlin. 31. Jg. Nr. 2 – 2018. — S. 1-7.
20. Hammer-Purgstall, Joseph von: Avicenna's Gedicht: An die Seele. In: Wiener Zeitschrift für Literatur, Kunst und Mode. — 1837, Nr. 94. Hildesheim u.a.: Fachverlag für Geisteswissenschaften — Olms Weidmann.
21. Hammer-Purgstall Joseph von: Erinnerungen und Briefe Version 1 2011.07 Briefe von 1790 bis Ende 1819 — 3 Bände, Graz 2011. Herausgegeben von Walter Höflechner und Alexandra Wagner. Das Gesamtwerk findet sich unter: <http://gams.uni-graz.at/hp>.

22. Hammer-Purgstall Joseph von. Briefe, Erinnerungen, Materialien. Version 2 — 2018/Herausgegeben von Walter Höflechner, Alexandra Wagner und Gerit Koitz-Arko [Электронный ресурс] / Режим доступа: [http://gams.uni-graz.at/context:hp](http://gams.uni-graz.at/context:hphttp://gams.uni-graz.at/context:hp) Band I Band 2 Band 3.
23. Юбилейный сборник в честь Всеволода Фёдоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями [Текст]: сб. статей/под ред. Н.А. Янчука. — М.: Типо-Литография А.В. Васильева, 1900.

Новизна коранических конструкций

Следует отметить, что арабский язык, на котором был ниспослан Коран, значительно отличался от языка, на котором говорили и писали арабы пустыни. Он значительно отличался от языка арабов того времени и не соответствовал языковым нормам, к которым они привыкли. Он затмил и превзошёл существующий язык по своему стилю, грамматическим возможностям и средствам выражения [10, т.1; 25-26].

Вопрос новизны языка Корана был очевиден при сравнении его с арабской поэзией, устной народной литературой, образцами прозы времен Джахилии и ислама и даже хадисами Пророка (мир ему и благословение). Каждый специалист, исследующий историю арабского языка, этапы развития общества, знакомый с арабской лингвистикой и филологией, может сразу заметить это отличие.

Вместе с тем исследование индивидуальности языка Корана, неповторимости его свойств и т.д. не говорит о том, что язык этого священного текста полностью отличается от общепринятого арабского языка.

В целом язык Корана, его конструкции и стиль отличаются от других творческих образцов, изложенных на арабском языке. То есть хотя стиль языка поэта и писателя любого периода, слова, выражения и конструкции, которые он использует, являются новыми для его времени и повторяются в той или иной степени будущими поколениями, язык Корана продолжает сохранять свою уникальность, оригинальность и новизну.

Откровение как основа своеобразия языка Корана. Следует отметить, что, несмотря на большое число исследований по изучению слов, выражений, структур и конструкций Корана, а также обширный словарный запас и лексический фонд, содержащийся в энциклопедиях, люди не могут использовать их с таким же красноречием и выразительностью, как и в божественном тексте. Однако, в зависимости от вкусов и возможностей человека, с помощью этого словарного запаса можно так или иначе украсить речь.

Помимо этого, язык Священного Корана, который отличается степенью проникновения в литературный арабский язык и является краеугольным камнем исламской культуры, его образа мышления, системы образов и арабской грамматики в целом, удостоился чести получить откровение от Создателя и в принципе радикально отличается даже от языка хадисов пророка Мухаммада (мир ему и благословение) своим божественным статусом и рангом.

Каким бы красноречивым ни был язык хадисов «гудси», которые принадлежат Богу с точки зрения слов и значений, и хадисов «небеви», которые с точки зрения значения принадлежат Создателю, а с точки зрения слов — пророку Мухаммаду (мир ему и благословение), он может показаться слабым перед лицом чуда языка Корана.

Конструкции Корана и человеческий способ выражения мысли.

Коран, который подтверждается стихами, явленными ясным арабским языком, радикально отличается от стиля речи, к которому привыкли арабы, с точки зрения стиля, выражения и построения и превосходит все литературные образцы, созданные человеческой мыслью.

Мы считаем необходимым обратиться к следующим примерам, чтобы увидеть различия между стилем выражения человеческой речи

и стилем Корана, а также красноречием и выразительностью Слова Божьего:

- 1) ثم أنت هذا تأتي لتزورني
- 2) الدولة أعلم من يقف معها وأعلم بمن يقف ضدها
- 3) لم أرسل لك هذه الرسالة إلا إنها لتتضمن نصيحة لك
- 4) مما أخطائك وقع لك ما وقع
- 5) لا تفرق بين أحد من تلامنتك
- 6) لو كان في المطبخ طبّاخون إلا الطباخ لا حترقت الطبخة
- 7) سأفضل المتفوقين منكم على غيركم مكافأة كبيرة
- 8) استأجرت لبيتي لمن يهدم أكثر مما يبني
- 9) لا تلحق رفاق السوء عما جاءك من رفاق الخير
- 10) أعجبت بالكتاب الكبير غير الصغير
- 11) وعدتكم لكم مكافأة كبيرة وزيادة في المراتب
- 12) لا يعلم من في المدرسة أسئلة الامتحان إلا الأستاذ
- 13) الجنين يسمع في بطن أمه ويستجيب الأصوات الخارجية
- 14) أترك الكلب في الزريبة غير إخراج
- 15) أطع القانون ولا تخالف نظام السير وبالمشاة تفضيلا
- 16) لا تفضلوا الأقرباء أن تساووا بين الناس
- 17) بدل خيرا من هذه الفاكهة
- 18) قد أسمعك البارحة

- 1) Затем, ты (о, человек!) придёшь наведать меня.
- 2) Государство хорошо знает тех, кто находится с ним в одном положении, и тех, кто против него.
- 3) Я отправил тебе это письмо только для того, чтобы ты сделал необходимые выводы.
- 4) То, что случилось с тобой, произошло из-за собственных ошибок.
- 5) Не делай различий между учащимися.
- 6) Когда на кухне много поваров, еда подгорает.

- 7) Я дам более высокую награду тем, кто преуспеет более, чем другие.
- 8) Сдал дом в аренду, и разрушителей оказалось больше, чем строителей.
- 9) Есть те, кто делает добро, и те, кто приносит зло.
- 10) Когда выносишь приговор, руководствуйся лишь истиной.
- 11) Не оставляй своих хороших друзей и не следуй за плохими.
- 12) Меня удивила не маленькая, а большая книга.
- 13) Обещаю вам большое вознаграждение и прибавку к зарплате.
- 14) Никто в школе, кроме учителя, не знает экзаменационных вопросов.
- 15) В утробе матери ребенок слышит звуки извне и реагирует на них.
- 16) Держи собаку в укрытии, из которого она не сможет выйти.
- 17) Соблюдайте закон, не идите против уклада жизни и помогайте также пешеходам.
- 18) Не цени своих близких больше, чтобы добиться равноправия между людьми.
- 19) Замените фрукты чем-нибудь более полезным.
- 20) Может, я тебя вчера и слушал.

Любой, кто обладает теоретическими и практическими знаниями арабского языка и свободно выражает свои мысли на этом языке, может задаться вопросом, читая эти предложения: интересно, правильно ли составлены эти предложения, есть ли что-то необычное в их конструкции и каким правилам следует автор?! На это можно ответить, что автор этих предложений, вероятно, не был арабом или, являясь человеком иной национальности, выучил арабский язык на компьютере без учителя. Ни одному слушателю или читателю не придёт в голову, что эти предложения основаны на грамматических конструкциях Корана!

А теперь попробуем сравнить:

1. Предложение из первого примера *ثم أنت هذا تأتي لتزورني* по своему стилю и построению не соответствует ни прошлому, ни нынешнему

арабскому языку. Арабы так не говорят. Однако при прочтении Корана, в частности аята 85 суры «Аль-Бакара», мы встречаем следующее выражение: «... ثُمَّ أَنْتُمْ هُمْ لَاءِ تَقْتُلُونَ أَنْفُسَكُمْ...» (*Но впоследствии именно вы стали убивать друг друга...*). При этом мы не чувствуем ничего неестественного и тяжеловесного, напротив, получаем наслаждение от красоты слога и его благозвучности.

2. Слышал ли кто-либо из нас высказанное каким-то арабом: «الدولة أعلم من يقف معها وأعلم بمن يقف ضدها» Но в Коране в суре «Аль-Анам», аяте 117 есть выражение: «إِنَّ رَبَّكَ هُوَ أَعْلَمُ مَنْ يَضِلُّ عَنْ سَبِيلِهِ وَهُوَ أَعْلَمُ بِالْمُهْتَدِينَ» (*Воистину, твоему Господу лучше знать, кто сбивается с Его пути. Ему также лучше знать, кто следует прямым путем!*), прочитав которое, мы не чувствуем ничего необычного, как будто бы мы уже знали о данном способе выражения, не затрудняясь в восприятии смысла аята.

3. Кто-либо использовал данное выражение при написании:

«لم أرسل لك هذه الرسالة إلا إنها لتتضمن نصيحة لك»? Разумеется, подобное выражение не соответствует современным нормам арабского языка. Однако, способ выражения, использованный в кораническом аяте:

«ما أَرْسَلْنَا قَبْلَكَ مِنَ الْمُرْسَلِينَ إِلَّا إِنَّهُمْ لَيَأْكُلُونَ الطَّعَامَ وَيَمْشُونَ فِي الْأَسْوَاقِ...» (*Мы не ниспосылали до тебя посланников, которые не принимали бы пищи и не ходили бы по рынкам ...*) «Аль-Фурган: 20» — не вызывает никаких трудностей и недоумения, не оказывает отрицательного воздействия при восприятии выражения.

4. Мы не слышали выражения «مما أخطأك وقع لك ما وقع», если хотим кого-то отчитать или поругать. Однако в аяте 25 суры «Нух» Корана есть своеобразное выражение, звучащее следующим образом:

«مِمَّا خَطَبْتَهُمْ أُعْرِفُوا فَأَدْخَلُوا نَارًا فَلَمْ يَجِدُوا لَهُمْ مِنْ دُونِ اللَّهِ أَنْصَارًا» (*За свои грехи они были потоплены и ввергнуты в Огонь. Они не нашли себе помощников вместо Аллаха.*)

5. Если у какого-либо лица арабской национальности или человека, говорящего на арабском языке, появится возможность посоветовать своему собеседнику: «لا تفرق بين أحد من تلامذتك», то данный оборот не будет соответствовать стилям выражения арабского языка. В таком случае мы как бы невзначай обращаясь к аяту 285 суры «Аль-Бакара»: «...لَا تُفَرِّقُ بَيْنَ أَحَدٍ مِّن رُّسُلِهِ...» (...Мы не делаем различий между Его посланниками...) — рекомендуем использовать конструкцию «لا تفرق بين الواحد والآخر من التلامذة».

6. Тот, кто знает арабский язык, может ли использовать для выражения: «لو كان في المطبخ أكثر من طباخ لاحتترقت الطبخة» подобную сложную конструкцию: «لو كان في المطبخ طباخون إلا الطباخ لاحتترقت الطبخة»? В Коране же в аяте 22 суры «Аль-Анбия» есть конструкция, к которой мы неоднократно обращались: «لَوْ كَانَ فِيهِمَا آلَهُ إِلَّا اللَّهُ لَفَسَدَتَا فَسُبْحَانَ اللَّهِ رَبِّ الْعَرْشِ عَمَّا يَصِفُونَ» (Если бы на них (на небесах и земле) были иные божества наряду с Аллахом, то они (небеса и земля) разрушились бы. Аллах, Господь Трона, пречист и далёк от того, что они приписывают Ему!), при этом нет ощущения необычности, аят читается, и при этом мы понимаем превосходство стиля его выражения.

7. Может ли кто-либо из нас обратиться к своим детям с подобным выражением: «سأفضل المتفوقين منكم على غيرهم مكافأة كبيرة»? Ведь в соответствии с правилами арабского языка в данной конструкции более правильным было бы использование данного выражения: «بمكافأة كبيرة». Однако в аяте 95 суры «Аль-Ниса» Корана есть выражение: «...وَفَضَّلَ اللَّهُ الْمُجَاهِدِينَ عَلَى الْقَاعِدِينَ أَجْرًا عَظِيمًا» (...Аллах возвысил сражающихся над отсиживающимися благодаря великой награде), и такой стиль выражения нас не удивляет, как будто мы уже знакомы с подобным построением.

8. Если кто-либо постарается выразить свою мысль в арабском языке подобным выражением: «استأجرت لبيتي لمن يهدم أكثر مما بيني», то ему наверняка сказали бы: ты хотел, видимо, сказать: «استأجرت لبيتي من يهدم». Однако в аяте 13 суры «Аль-Хадж» говорится в соответствии с этой конструкцией: «يَدْعُو لِمَنْ ضَرُّهُ أَقْرَبُ مِنْ نَفْعِهِ لَيْسَ الْمَوْلَىٰ وَلَيْسَ الْعَشِيرُ» (*Он взывает к тому, кто может быстрее навредить, чем принести пользу. Плох такой господин! Плох такой товарищ!*).

9. Если кто-то услышит родителя, говорящего своему ребёнку: «لا تلحق رفاق السوء عما جاءك من رفاق الخير», — и хотя он знает о конструкции аята 48 суры «Аль-Маида» в Коране следующего содержания: «... وَلَا تَتَّبِعْ أَهْوَاءَهُمْ عَمَّا جَاءَكَ مِنَ الْحَقِّ...» (*...и не потакай их желаниям, уклоняясь от явившейся к тебе истины...*), — сразу же возражает и предлагает взамен так выразить мысль: «لا تلحقهم مفضلاً لهم على رفاق الخير».

10. Представьте, что мы можем выбирать между маленькой и большой книгой в библиотеке. Мы чувствуем, что большая книга нас больше привлекает, выбираем её и говорим: «أعجبت بالكتاب الكبير غير الصغير» В это время библиотекарь арабского происхождения, который упоминает аят 7 суры «Аль-Бакара», причём он читал и запоминал её по крайней мере семнадцать раз в ежедневной молитве: «صِرَاطَ الَّذِينَ أَنْعَمْتَ عَلَيْهِمْ غَيْرِ الْمَغْضُوبِ عَلَيْهِمْ وَلَا الضَّالِّينَ» (*путь тех, кого Ты облагодетельствовал, не тех, на кого пал гнев, и не заблудших!*), при этом, невзирая на то, что указанный аят осел в его сознании, мышлении, на то, что данная конструкция достаточно часто используется, обязательно исправит нашу ошибку и скажет, что, вероятно, имеее в виду: «وليس الصغير».

11. Предположим, что в какой-либо арабской стране кто-то из облеченных властью сообщает своим сотрудникам радостную весть:

«وعدتكم لكم مكافأة كبيرة وزيادة في المراتب». При этом, несмотря на то что он неоднократно встречался с конструкцией типа:

«وَعَدَ اللَّهُ الَّذِينَ آمَنُوا وَعَمِلُوا الصَّالِحَاتِ لَهُمْ مَغْفِرَةٌ وَأَجْرٌ عَظِيمٌ» (*Аллах обещал тем, которые уверовали и совершали праведные деяния, прощение и великую награду!*) из аята 9 суры «Аль-Маида», — и понимая, что здесь использован красноречивый и высокий стиль, воздерживается от применения его в устной речи и, следовательно, в своей речи предпочитает конструкцию «وعدتكم بمكافأة».

12. При проверке арабских слушателей смутит выражение инспектора: «لا يعلم من في المدرسة أسئلة الامتحان إلا الأستاذ» и, несмотря на то что они находят это в аяте 65 суры «Ан-Намль», с которым они сталкивались много раз и который многие знают наизусть:

«قُلْ لَا يَعْلَمُ مَنْ فِي السَّمَاوَاتِ وَالْأَرْضِ الْغَيْبَ إِلَّا اللَّهُ...» (*Скажи: «Никто из тех, кто на небесах и на земле, не знает сокровенное, кроме Аллаха...»*), — они будут возражать против этого стиля выражения, несмотря на его стилистические возможности и широту значения, и подчёркивать невозможность или несоответствие его применения в таких случаях.

13. Если произнесём: «الجنين يسمع في بطن أمه ويستجيب الأصوات الخارجية», — то обязательно нас исправят, попросив сказать это в следующей форме: «ويستجيب للأصوات». Вместе с тем сам исправляющий знаком с конструкцией в аятах 25-26 суры «Аш-Шура», которая соответствует вышеупомянутому стилю выражения, понимая, что эти аяты достаточно красноречивы и полноценны:

«وَيَعْلَمُ مَا تَفْعَلُونَ وَيَسْتَجِيبُ الَّذِينَ آمَنُوا وَعَمِلُوا الصَّالِحَاتِ وَيَزِيدُهُمْ مِنْ فَضْلِهِ...» (*Он знает то, что вы совершаете. Он отвечает тем, которые уверовали и совершают праведные деяния, и приумножает им из Своей милости ...*)

14. Кто-то советует вам покрепче закрыть собаку, чтобы она не могла вылезти из вольера: «أترك الكلب في الزريبة غير إخراج». Вы решите, что это означает следующее: «من غير أن تخرجه». На самом же деле в Коране говорится: «وَالَّذِينَ يُتَوَفَّوْنَ مِنْكُمْ وَيَذَرُونَ أَزْوَاجًا وَصِيَّةً لَّأَزْوَاجِهِمْ مَّتَاعًا إِلَى الْخَوْلِ غَيْرِ إِخْرَاجٍ...» (Если кто-либо из вас скончается и оставит после себя жён, то они должны завещать, чтобы их обеспечивали в течение одного года и не прогоняли...) (Аль-Бакара: 240) При этом вы убеждены, что конструкция аята соответствует вышеупомянутому предложению.

15. Если мы в качестве нравоучения скажем молодому человеку: «أطع القانون ولا تخالف نظام السير وبالمشاة تفضيلاً», — то кто-нибудь из арабов, зная, что в аяте 36 суры «Аль-Ниса» сказано: «وَأَعْبُدُوا اللَّهَ وَلَا تُشْرِكُوا بِهِ شَيْئًا وَبِالْوَالِدَيْنِ إِحْسَانًا...» (Поклоняйтесь Аллаху и не приобщайте к Нему со товарищей. Делайте добро родителям...), и есть подобная конструкция, предпочтёт сказать: «والأفضلية للمشاة», и никого не удивит его возражение подобного рода.

16. Если проповедник, выступая перед верующими, скажет: «بل ساووا بين الناس أن تفضلوا الأقرباء أن تساووا بين الناس», — то один из слушателей может возразить ему, сказав, что надо бы выразиться таким образом: «بل ساووا بين الناس». Вместе с тем в аяте 135 суры «Аль-Ниса» Корана использована подобная конструкция в следующей форме: «...فَلَا تَتَّبِعُوا الْهَوَىٰ أَنْ تَعْدِلُوا...» (...Не потакайте желаниям, чтобы не отступить от справедливости...)

17. При покупке фруктов на рынке мы обращаемся к продавцу и говорим: «بديل خيرا من هذه الفاكهة». В ответ он, несмотря на неоднократное прочтение аятов 40-41 суры «Аль-Мааридж»: «فَلَا أُقْسِمُ بِرَبِّ الْمَشَارِقِ وَالْمَغَارِبِ إِنَّا لَقَائِدُونَ عَلَىٰ أَنْ نُبَدِّلَ خَيْرًا مِنْهُمْ وَمَا نَحْنُ بِمَسْبُوقِينَ» (Клянусь Господом востоков и западов! Мы в состоянии. заменить их теми, кто лучше них, и никто не превзойдет Нас!), — и знание конструкций, приведённых здесь, предпочитает выражение: «بديل هذه الفاكهة بخير منها».

18. Поговорив вчера по телефону, мы сказали собеседнику: «قد أسمعك البارحة». Поскольку при этом мы упомянули частицу (قد) с глагольной формой настояще-будущего времени (المضارع), тот совершенно справедливо подумает о том, что был ли вообще этот разговор. Однако и он, и мы являемся свидетелями использования таких конструкций в многочисленных аятах Священного Корана. Для обоснования сказанного считаем полезным привести примеры некоторых из них:

قَدْ نَرَى تَقَلُّبَ وَجْهِكَ فِي السَّمَاءِ ... (البقرة: 144)

(Мы видели, как ты обращал свое лицо к небу...)

...قَدْ يَعْلَمُ اللَّهُ الَّذِينَ يَتَسَلَّلُونَ مِنْكُمْ لِوَاذًا... (النور: 63)

(...Аллах знает тех из вас, которые уходят украдкой под прикрытием...)

قَدْ يَعْلَمُ اللَّهُ الْمُعَوِّقِينَ مِنْكُمْ... (الأحزاب: 18)

(Аллах знает тех из вас, которые отвращают людей от участия в войне...)

...لِمَ تُؤْذُونَنِي وَقَدْ تَعْلَمُونَ أَنِّي رَسُولُ اللَّهِ إِلَيْكُمْ... (الصف: 5)

(...Почему вы причиняете мне страдания, зная, что я послан к вам Аллахом?...)

Всё это говорит о том, насколько велика разница между конструкциями Корана и стилем выражения, который является продуктом человеческой мысли, и о том, что полностью применить слово Божье в обычной речи невозможно, и независимо от интеллектуального уровня человека, его художественного вкуса и стиля поэтического мышления, не удастся полностью подражать Корану!

Чтобы читатели могли более точно сравнить конструкции Корана и стиль выражения, являющийся продуктом человеческого слова, и иметь возможность различать их, мы считаем полезным последовательно процитировать эти двадцать стихов из Слова Божьего:

(1) «كُلُّمَّ أَنْتُمْ هَوْلَاءٌ تَقْتُلُونَ أَنْفُسَكُمْ...»

(2) «إِنَّ رَبَّكَ هُوَ أَعْلَمُ مَنْ يَضِلُّ عَنْ سَبِيلِهِ وَهُوَ أَعْلَمُ بِالْمُهْتَدِينَ»

- 3) «ما أَرْسَلْنَا قَبْلَكَ مِنَ الْمُرْسَلِينَ إِلَّا إِنَّهُمْ لَيَأْكُلُونَ الطَّعَامَ وَيَمْشُونَ فِي الْأَسْوَاقِ...»
- 4) «مِمَّا خَطَبَاتِهِمْ أُعْرِفُوا فَأَدْجَلُوا نَاراً فَلَمْ يَجِدُوا لَهُمْ مِنْ دُونِ اللَّهِ أَنْصَاراً»
- 5) «...لَا تُفَرِّقُ بَيْنَ أَحَدٍ مِنْ رُسُلِهِ...»
- 6) «لَوْ كَانَ فِيهِمَا آلِهَةٌ إِلَّا اللَّهُ لَفَسَدَتَا فَسُبْحَانَ اللَّهِ رَبِّ الْعَرْشِ عَمَّا يَصِفُونَ»
- 7) «...وَفَضَّلَ اللَّهُ الْمُجَاهِدِينَ عَلَى الْقَاعِدِينَ أَجْرًا عَظِيماً»
- 8) «يَدْعُو لَمَنْ ضَرُّهُ أَقْرَبُ مِنْ نَفْعِهِ لَيْسَ الْمَوْلَى وَلَيْسَ الْعَشِيرُ»
- 9) «... وَلَا تَتَّبِعْ أَهْوَاءَهُمْ عَمَّا جَاءَكَ مِنَ الْحَقِّ...»
- 10) «صِرَاطَ الَّذِينَ أَنْعَمْتَ عَلَيْهِمْ غَيْرِ الْمَغْضُوبِ عَلَيْهِمْ وَلَا الضَّالِّينَ»
- 11) «وَعَدَ اللَّهُ الَّذِينَ آمَنُوا وَعَمِلُوا الصَّالِحَاتِ لَهُمْ مَغْفِرَةٌ وَأَجْرٌ عَظِيمٌ»
- 12) «قُلْ لَا يَعْلَمُ مَنْ فِي السَّمَاوَاتِ وَالْأَرْضِ الْغَيْبَ إِلَّا اللَّهُ...»
- 13) «... وَيَعْلَمُ مَا تَفْعَلُونَ وَيَسْتَجِيبُ الَّذِينَ آمَنُوا وَعَمِلُوا الصَّالِحَاتِ وَيَزِيدُهُمْ مِنْ فَضْلِهِ»
- 14) «وَالَّذِينَ يُتَوَفَّوْنَ مِنْكُمْ وَيَذَرُونَ أَزْوَاجاً وَصِيَّةً لِأَزْوَاجِهِمْ مَتَاعاً إِلَى الْحَوْلِ غَيْرَ إِخْرَاجٍ...»
- 15) «وَأَعْبُدُوا اللَّهَ وَلَا تُشْرِكُوا بِهِ شَيْئاً وَبِالْوَالِدَيْنِ إِحْسَاناً...»
- 16) «...فَلَا تَتَّبِعُوا الْهَوَىٰ أَنْ تَعْدِلُوا...»
- 17) «فَلَا أُقْسِمُ بِرَبِّ الْمَشَارِقِ وَالْمَغَارِبِ إِنَّا لَقَائِدُونَ عَلَىٰ أَنْ نُبَدِّلَ خَيْراً مَنْهُمْ وَمَا نَحْنُ بِمَسْبُوبِينَ»
- 18) «قَدْ نَرَىٰ تَقَلُّبَ وَجْهِكَ فِي السَّمَاءِ...»

Подражание языку Корана и проблема его цитирования

Подобный подход не подразумевает полного подражания языку божественного текста и его применения относительно человеческой речи и стиля в целом. Важнейшим доказательством невозможности этого является сакральность языка Корана, тот факт, что слова и выражения здесь имеют особый внутренний смысл, собственную гармонию и, наконец, связано с чудотворением слова Божьего.

Хотелось бы отметить, что при этом для любого проповедника или простого человека уместнее и красивее было бы украсить свою проповедь или речь стихами из Корана в соответствии с поставленной при этом целью высказывания. В такие моменты, чтобы обогатить значение мысли, можно изменить любое слово в аятах в соответствии с

конкретными обстоятельствами и осмыслить его в определённом направлении. Например, если мы не хотим, чтобы человек пошёл в определённое место с кем-либо из нас, то можем обратиться к стиху 75 суры «Аль-Кахф»: *قَالَ أَلَمْ أَقُلْ لَكَ إِنَّكَ لَنْ تَسْتَطِيعَ مَعِيَ صَبْرًا* (Он сказал: «Разве я не говорил тебе, что ты не сможешь сохранить терпение рядом со мной?»). Здесь вместо слова «صبرا» следует использовать «سفرا», и в итоге получится следующее: «ألم أقل لك إنك لن تستطيع معي سفرا».

Однако, не меняя структуры аята, мы можем сказать это в соответствии со стилем современного языка следующим образом:

«لقد قلنا لك منذ البداية إنك لن تتحمل الاستمرار معنا طويلا»

Следует также отметить, что в некоторых случаях кажется нелепым применять аяты Корана к событиям нашей повседневной жизни без каких-либо изменений в их структуре и стиле, формулировках и выражениях. Например, глава любого отдела какой-либо организации может собрать своих подчинённых и, обратившись к аяту 18 суры «Аль-Фатир» Корана, заявить, что каждый из них несёт личную ответственность за свою работу, в следующей форме: «...وَلَا تَرَوْا وَازِرَةً وَّرُزًّا أُخْرَى...» (Ни одна душа не понесет чужого бремени....), что может выглядеть просто смешным.

В таких случаях, мы думаем, может быть более удобным и логичным заменить слова, содержащиеся в аятах, словами, которые мы используем в современном языке и которые имеют конкретное значение применительно к ситуации, при условии, что конструкции аятов сохранены. Например, следуя тому же методу в описанной выше ситуации, можно сказать следующее: «ولا تحمل حاملة جمل أخرى», что было бы более уместным.

На протяжении многовековой истории ислама такие попытки в некоторых случаях побуждали любителей художественной словесности составлять предложения, похожие на стихи Корана, и в результате многие так называемые «учёные», «писатели» и «филологи», как с Востока, так и

с Запада, становились объектом насмешек и критики. Все попытки добавить, образно говоря, человеческую кровь к необыкновенной крови, текущей в жилах Корана, потерпели неудачу. Самая большая гарантия тому, что человечество никогда, вплоть до скончания века, не сможет подражать слову Бога, заключается как раз в тексте Священного Корана. Так, в аяте 115 суры «Аль-Анам» говорится:

«وَتَمَّتْ كَلِمَتُ رَبِّكَ صِدْقًا وَعَدْلًا لَا مُبَدِّلَ لِكَلِمَاتِهِ وَهُوَ السَّمِيعُ الْعَلِيمُ»

(Слово твоего Господа исполнилось правдиво и справедливо! Никто не изменит Его Слов. Он — Слышащий, Знающий.).

Конструкции языка хадисов

Изучение и анализ языка и стиля тысяч хадисов, которые существуют сегодня, их стиля выражения, слов и фраз, используемых в них, позволяет нам сравнить языковые особенности хадисов с языком Корана, стилем языка Пророка и выражениями, употребляемыми в современном языке. На основе подобных сравнений можно рассмотреть возможность изменения места слов в конструкциях, используемых пророком Мухаммадом (мир ему и благословение), или их замены в зависимости от контекста.

Для рассмотрения различий между языком Корана и стилем Пророка (мир ему и благословение) и определения степени различия их конструкций, мы попытаемся сравнить стиль выражения аятов Корана со стилем хадисов, взяв в качестве примера пять хадисов пророка Мухаммада (мир ему и благословение).

1. Согласно одному из повествований Омара ибн аль-Хаттаба, Посланник Аллаха сказал следующее:

«إنما الأعمال بالنيات، وإنما لكل امرئ ما نوى، فمن كانت هجرته إلى الله ورسوله فهجرته إلى الله ورسوله، ومن كانت هجرته لدنيا يصيبها أو امرأة ينكحها، فهجرته إلى ما هاجر إليه»

«Деяния зависят от намерений, а, как известно, у каждого человека есть свои намерения. Те, которые переселились ради Аллаха и Его Посланника, сделали это ради Аллаха и Его Посланника, те, которые ушли ради мира, достигли мира, или те, которые ушли ради женщины, получили её и женились. Таким образом, каждый получил то, ради чего намеревался уйти» [6, т.1; 3].

2. Правоверная Аиша рассказывает, что Пророк (мир ему и благословение) сказал:

«يغزو جيش الكعبة، فإذا كانوا بببءاء من الأرض يخسف بأولهم وآخرهم. قالت: قلت: يا رسول الله، كيف يخسف بأولهم وآخرهم وفيهم أسواقهم ومن ليس منهم؟! قال: يخسف بأولهم وآخرهم، ثم يبعثون على نياتهم»

«Армия нападёт на Каабу, и пока они будут в пустыне, первые и последние будут унижены. Я сказала: «О Посланник Аллаха, как могут быть унижены первые и последние, когда есть их рынки и те, кого нет среди них?!» Он сказал: «Первый и последний из них будут унижены, затем они воскреснут согласно своим намерениям» [6, т.2; 746].

3. В другом повествовании, переданном от правоверной Аиши, говорится, что Мухаммад (мир ему и благословение) сказал следующее:

«لا هجرة بعد الفتح، ولكن جهاد ونية، وإذا استنفرتم فانفروا»

«После завоевания (Мекки) не будет переселения (хиджрат). Но есть джихад и намерение. Кто хочет переселиться, пусть сделает это!» [6, т.3; 1025]

4. Джабир ибн Абдулла аль-Ансари передает от имени Пророка (мир ему и благословение) следующее:

«إن بالمدينة لرجالاً ما سرتهم مسيرا ولا قطعتم واديا إلا كانوا معكم، حبسهم المرض»

«В Медине есть люди, с которыми вы не ходили и не переходили долину, но, если они будут с вами, болезнь запрет их» [8, т.3, 1518].

5. Абу Язид Маан ибн Язид ибн Аль-Ахнас (сын, отец и дед были сподвижниками Пророка (мир ему и благословение) сказал: «Мой отец Язид отложил немного денег на подаяние и оставил их кому-то в мечети. Я пришёл, взял и отдал отцу. Он сказал: “Ей-богу, я не оставил это тебе”. Я сказал об этом Пророку (мир ему и благословение), и он сказал:

"لك ما نويت يا يزيد، ولك ما أخذت يا معن"

«Тебе то, к чему намеревался, о Язид, и тебе то, что ты взял, о Маан».

[6, т.2; 517]

Для сравнения можно увеличить количество хадисов Пророка (мир ему и благословение) до двадцати, пятидесяти и более. Однако мы считаем целесообразным избегать длиннот в изложении и довольствоваться приведенными выше хадисами, с самого начала полагая, что количество не окажет большого влияния на результат. Анализ языка, стиля, выразительности и построений хадисов приводит нас к выводу о том, что несмотря на убедительное красноречие и выразительность языка хадисов, они структурно отличаются от сур Корана и соответствуют мышлению человека. Дело здесь в их творческих образцах, которые являются продуктом человеческого мышления, и в том, насколько они отличаются от обычной речи.

Что касается языка Корана, то на протяжении сотен лет было доказано, что слово Божье полностью отличается по своему языку, стилю и конструкции и что оно сохраняет своё чудо и неподражаемость, возвышаясь над человеческой мыслью.

Именно лингвистический анализ хадисов и изучение степени их соответствия правилам Корана положили начало серьезной области науки, называемой наукой о хадисах, с терминами «достоверный хадис», «хасан-хадис», «слабый хадис», «мавду-хадис» и др.

В то же время примечательно, что в определённых местах встречаются повествования о структурном сходстве хадисов и аятов Корана. Например, в хадисе, переданном Бухари от великого составителя хадисов Ата и включенном в известную книгу хадисов, говорится, что Ибн Аббас слышал от Пророка следующее:

"لو أن لابن آدم مثل واد مالا لأحب أن له إليه مثله، ولا يملأ عين ابن آدم إلا التراب، ويتوب الله على من تاب"

«Если у человека было бы богатства полной долины, он захочет ещё столько же богатства. Только земля может насытить глаза человека. Бог принимает покаяние тех, кто раскаивается».

Позже он отметил, что Ибн Аббас не знал точно, были ли эти мысли, которые он слышал от Мухаммада (мир ему и благословение), стихами Корана или хадисом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dəmirçizadə Ə. Azərbaycan dilinin üslubiyatı. Bakı: 1962
2. Məmmədəliyev V.M. Ərəb dilçiliyi. Bakı: 1985
3. Белкин В.М. Арабская лексикология, М.: Издательство Московского университета, 1975
4. Мамедов Н.Н. Лингво-стилистический анализ коранического языка. М.: URSS, 2018
5. Резван Е.А. Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001
6. البخاري، محمد بن إسماعيل، صحيح البخاري، بيروت، ١٤٠٧ هـ.
7. الحسنوي، محمد، الفاصلة في القرآن، عمان، ٢٠٠٠.
8. القشيري، صحيح مسلم، القاهرة، ٢٠٠١.
9. الزركشي، بدر الدين، محمد بن بهادر، البرهان في علوم القرآن، القاهرة، ١٩٥٨.
10. عضيمة، محمد عبد الخالق، دراسات لأسلوب القرآن الكريم، القاهرة، ٢٠٠٤.
11. لانج جيفرى، حتى الملائكة تسأل، القاهرة، ٢٠٠٢.
12. Asad, Muhammad. The Message of the Quran. Bristol: 2001
13. Murry, John Middleton. The Problem of Style. Oxford: 1960

Язык арабских конституций: преамбула

При переводе арабских научных текстов возникают определённые трудности из-за использования в них нескольких терминов для обозначения одного понятия, причём различия могут быть как между разными арабскими странами, так и внутри одной страны. С другой стороны, один и тот же термин может обозначать разные понятия. Это касается многих отраслей знания, включая юриспруденцию. В статье анализируются некоторые аспекты совпадения и расхождения использования общеязыковой и юридической лексики в преамбулах конституций арабских государств.

Юридические тексты охватывают обширный пласт функционирования арабского литературного языка в двух сферах – научной и официально-деловой. Исторически арабские правовые документы появились достаточно давно [4]. До наших дней не дошли сведения о каких-либо текстах доисламского периода, однако уже в течение первых десятилетий существования Халифата порядок в нём регламентировался нормами и установлениями, написанными и тиражированными переписчиками на языке «дада» (как называют между собой свой язык арабы). За прошедшие с тех пор 14 веков язык арабских юридических текстов развился, обогатился лексически, проникнув во многие области жизни арабских социумов, и занимает в ней важное место. Из многочисленных жанров правового поля, а это и научная литература по юриспруденции, и законодательные акты, и договоры, и указы, и протоколы, и судебные решения и т.д., мы остановимся на текстах конституций арабских госу-

дарств, которые представляют особый исследовательский интерес с точки зрения их лингвистической формы.

В языковедческих трудах существуют различные подходы к классификации юридических текстов: по общим признакам содержания — нормативные (прескриптивные) — законотворческие тексты и описательные (дескриптивные) — академические тексты; по сферам применения — правоустанавливающие, судопроизводственные и управленческие тексты; а также по жанровой принадлежности. Жанровый подход имеет более детализированный характер и делит юридические тексты на две большие группы по видам их реализации: устные тексты (прежде всего, относящиеся к судебным разбирательствам, и некоторые другие) и письменные тексты (документы). К жанрам письменных юридических текстов относятся законы, конституции, указы, постановления, судопроизводственные документы, письменные договоры и другие. Обратим внимание на то, что конституции, будучи по своему статусу законом, являются, тем не менее, отдельным жанром.

Несмотря на принадлежность к законодательным актам, конституция выделяется среди них неоднородностью характера текста, который, являясь по определению законом, сочетает в себе черты не только юридических текстов, но и политических, так как определяет политическое устройство государства, и в то же время и идеологических, поскольку выражает идейные, духовные и нравственные основы жизнедеятельности страны. Здесь необходимо подчеркнуть направленность текста конституции на объединение всех слоёв общества и граждан и мотивацию их на достижение общих целей, провозглашаемых конституцией.

Согласно оригинальным источникам, история конституций арабских стран берёт своё начало в Тунисе в 1857 г., когда его правитель Мухаммад ас-Садик издал первые в арабском мире законы конституции-

онного характера, известные под названием «Основной пакт», который, однако, через несколько лет был отменён, после того как Франция захватила Тунис и превратила его в свою колонию.

Действующие в настоящее время конституции арабских государств (кроме Ливии и Палестины, где новые конституции ещё не приняты, а старые утратили силу) вступили в действие либо в прошлом веке, либо в начале нынешнего [5]. Их тексты, созданные представителями обществ носителей единого арабского литературного языка в границах территориально целостного ареала (за исключением Сомали, Джибути и Коморских островов, фактически не являющихся арабоязычными), представляют собой предмет сравнительного исследования в плане общности и различий между ними на уровне социолингвистических, этнопсихологических и лингвокультурологических особенностей.

В некоторых арабских конституциях отсутствует преамбула, однако подавляющее большинство основных законов содержит её. Преамбульные тексты заметно отличаются от основных текстов конституций, как по своему содержанию, так и по структуре и форме. Это же замечание относится и к их лингвистическим характеристикам, главная из которых — эмоционально-экспрессивная лексика, которая свойственна публицистическим и художественным текстам. Структура преамбулы, за редким исключением, не содержит цифровой или буквенной нумерации абзацев и строится как цельный текстовый блок, имеющий одну сквозную идею и выполненный в едином речевом стиле, сочетающем в себе черты нескольких функциональных стилей.

С одной стороны, это черты юридических текстов, которые проявляются в чёткости изложения, использовании правовых терминов, таких как «суверенитет», «целостность территории», «гражданство» и т.п.

С другой стороны, в нём превалируют обороты, несущие эмоциональную окраску: «Египет — дар Нила египтянам и дар египтян всему человечеству», «послание мира и любви всем народам», «в едином порыве доброй воли» (конституция Арабской Республики Египет (конституция Сирийской Арабской Республики)¹); «колыбель веры», «колыбель цивилизации», «место рождения первого справедливого договора» (конституция Республики Ирак [13]); «тяжелейшие вызовы», «сломить волю», «подчинить господству» (конституция Сирийской Арабской Республики [13]); «народ ... полон решимости отстаивать свою свободу», «земля чести и достоинства» (конституция Алжирской Народно-Демократической Республики [13]); «Аллах ... наделил нас мудростью», «из-за трагических последствий», «изнурительный конфликт» (конституция Республики Судан [13]); «победное шествие», «светлое будущее», «надежды и чаяния» (конституция Королевства Бахрейн [13]); «наша любимая родина» (конституция Государства Катар [13]); «к лучшему будущему» (конституция Государства Кувейт [13]); «наши величайшие чаяния», «что позволит нам занять достойное место» (конституция Объединённых Арабских Эмиратов) [13]; «непоколебимые ценности и принципы», «наша сильная воля» (конституция Королевства Марокко [13]; «лучшее будущее», «на благо нашей родины» (конституция Султана Оман [13]).

Политический контекст преамбулы определяется такими выражениями, как «установление демократического режима», «закрепление прав и свобод», «запрет на разжигание религиозной, национальной или расовой розни», «децентрализованное устройство», «суверенный и независимый характер».

Идеологическая составляющая преамбульных текстов является чертой многих арабских конституций, что также видно из их лексиче-

ского наполнения — отсылка к арабской идентичности (العروبة) [14], как в конституции Сирии, к народному характеру власти (الشعبية) [14] в конституции Алжира или же к исламу (الإسلامية) [14] в конституции Мавритании — позволяет делать выводы о господствующей в стране идеологии. Почти во всех арабских конституциях преамбулы провозглашают принадлежность государства к арабскому миру (الوطن العربي) [14]. Что касается термина «светскость» (العلمانية) [14], то он в арабских конституциях отсутствует.

Одна из семантических особенностей лексики в текстах преамбул арабских конституций состоит в том, что термин «родина» (الوطن) [14] в некоторых преамбулах соотносится не только со всем арабским миром, как принято в политическом дискурсе, но и с отдельно взятой арабской страной.

Между преамбулами конституций арабских государств имеются и существенные различия, которые начинаются с отсутствия у некоторых из них преамбул как таковых, то есть их тексты начинаются сразу с первой главы.

Само название или заголовок преамбулы трактуется по-разному: «الدباجة» [14] «введение, написанное образным языком» (Алжир, Саудовская Аравия), «المقدمة» [14] «предисловие» (Сирия, Судан, Ливан, ОАЭ), «التصدير» [14] «начинание, введение» (Марокко), «الحاشية» [14] «поля, комментарии в книге» (Оман), причём некоторые заглавия употребляются с определённым артиклем «ال», а некоторые — без него. В отдельных конституциях заголовок просто не используется и текст преамбулы начинается сразу после титула конституции (Бахрейн, Катар, Кувейт).

Объём преамбул также разнообразен — от нескольких строк до полутора-двух страниц.

Что касается лексических особенностей текстов преамбул конституций, то они связаны, в первую очередь, с их содержательным наполнением, которое зависит от политического устройства государства, исторического момента создания конституций и целей их создателей.

Преамбулы конституций стран с монархическим строем (Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, Кувейта), как правило, имеют небольшой объём и не содержат долгих исторических отступлений, описывающих ситуацию и причины создания конституции. Их язык содержит сравнительно небольшое количество экспрессивной, публицистической лексики и отличается относительной строгостью и по структуре, и по содержанию. Исключение составляет преамбула конституции Бахрейна, так как она включает в себя пространное аргументирование принятия новой конституции и многословное описание целей и задач, решению которых она призвана способствовать. Следует также отметить, что преамбулы конституций перечисленных монархий имеют много схожих лексических черт, а иногда и точных лексических совпадений. Например: «وطننا» [14] «наша дорогая родина» (Кувейт, Катар), «استكمال أسباب الحكم» [14] «полнота средств власти» (Кувейт, Катар, Бахрейн), «مستقبل أفضل» [14] «лучшее будущее» (Кувейт, Бахрейн). С другой стороны, отмечаются и различия в употреблении лексики. Так, например, для передачи смысла глагола «гарантировать» в преамбуле конституции Бахрейна используется глагол «كفل» [14], а в конституции Катара — глагол «ضمن» [14], для понятия «справедливость» — «عدل» [14] (Бахрейн) и «عدالة» [14] (Кувейт), для понятия «закладывание основ» — «يرسي دعائم» [14] (Кувейт) и «إرساء قواعد» [14] (ОАЭ). Отметим также, что лексема «وطن» [14] (родина, отечество) [10] часто употребляется в преамбулах одних конституций (Бахрейна, Катара, Кувейта), однако совсем отсутствует в других (Саудовская Аравия, ОАЭ).

В отличие от большинства конституций монархий, преамбулы конституций арабских республик используются их создателями, с одной стороны, для характеристики исторических этапов, предшествовавших написанию основного закона страны, а с другой стороны — для провозглашения политических и идеологических целей составления новой конституции или внесения поправок в действующую. Это определяет их размер, который может быть очень большим (преамбулы конституций Египта и Алжира — около 5000 знаков) и средним (Сирия, Ирак — 2000-3000 знаков). Преамбула переходной конституции Судана имеет небольшой размер ввиду политической ситуации, сложившейся вокруг её принятия.

С точки зрения лексикологии, содержание преамбул республиканских конституций изобилует словами и выражениями, выходящими за рамки юридического дискурса и применяющимися чаще в публицистическом дискурсе или даже в художественной литературе. Наиболее экспрессивные и витиеватые фразы встречаются в преамбулах конституций Египта и Ирака. Например: «مصر هبة النيل للمصريين، وهبة المصريين للإنسانية» [14] «Египет — дар Нила египтянам и дар египтян всему человечеству»; «هذه مصر، وطن خالد للمصريين، ورسالة سلام ومحبة لكل الشعوب» «Это Египет — вечная родина египтян и послание мира и любви всем народам»; «مصر مهد الدين، وراية مجد الأديان السماوية» [14] «Египет — колыбель веры. Египет — славное знамя монотеистических религий» (Египет); «مؤطن الرُّسلِ وَالأنبياءِ، وَمَثْوَى الأئِمَّةِ الأطهارِ، مَهْدِ الحضارةِ، وَصَنَائِعِ الكِتَابَةِ، وَرَوادِ الزَّرَاعَةِ» [14] «родина пророков и святых, место упокоения праведных имамов, колыбель цивилизации, изобретателей письма, пионеров земледелия»; «على أرضنا سنَّ أولَ قَانُونٍ وَضَعَهُ الإنسان» [14] «На нашей земле был создан первый закон в жизни человечества», «وفي وطننا حُطَّ أَعْرَقُ عَهْدٍ غَايِلٍ لِسِيَّاسَةِ الأوطان» [14]

«Наша родина — место рождения первого справедливого договора об управлении народами» (Ирак).

В текстах преамбул республиканских конституций нет явного сходства лексического материала, как это отмечалось в конституциях монархий. Однако некоторые параллели выделить можно. Например, концепт «وطن» [14] «родина, отечество» присутствует непосредственно или в форме своих дериватов во всех преамбулах конституций республик: «حضارة الوطن» [14] «отечественная культура» (Сирия); «وطن خالد للمصريين» [14] «вечная родина египтян» (Египет); «تلبيةً لنداء وَطَنِنَا» [14] «в ответ на призыв нашей родины» (Ирак); «بقاء الوطن» [14] «жизнь родины» (Алжир); «المصالحة الوطنية» [14] «национальное примирение» (Судан). В то же время в преамбулах конституций республик отмечается расхождение в применении определённых лексических и фразеологических форм. Так, например, концепт «أمة» [14] «нация, умма» употребляется в алжирской конституции, в отличие от других конституций, применительно к значению одной страны — Алжира, а не всей арабской нации, как это принято во всём арабском мире. Слово сочетание «под сенью» передаётся по-разному: в алжирской конституции как «في كنف» [14], в сирийской — «في ظل» [14], в египетской — «تحت ظلال» [14]. Для обозначения понятия «общественный» в алжирской конституции применяется слово «عمومي» [14], в сирийской — «عام» [14], в египетской — «اجتماعي» [14]. Значение слова «укрепление» интерпретируется как «تعزيز» [14] (Сирия), как «توطيد» [14] (Судан), как «ترسيخ» [14] (Алжир).

Подводя итоги, можно отметить, что преамбульные тексты арабских конституций сочетают в себе черты юридического и публицистического дискурсов, которые придают им отличительный характер и выделяют их из общего массива текстов конституций.

Тексты преамбул конституций арабских государств являются характерным примером использования одного языка, в одной дискурсной области и в одном жанре, но при этом для них характерны определённые различия на разных лингвистических уровнях.

Преамбулы конституций арабских монархий имеют меньшую идеологическую направленность, чем преамбулы конституций республик. В текстах монархических конституций наблюдается сходство и даже совпадения в употреблении определённых лексических оборотов, в отличие от конституций республик, которым присуще более широкое использование экспрессивно окрашенной и художественной лексики, синонимических рядов [1], что придаёт им большее разнообразие.

Принимая во внимание особую природу преамбульных текстов, дающую их авторам относительную степень свободы в использовании богатого набора лексических средств арабского литературного языка, дальнейшие усилия в лингвистическом изучении конституций арабских государств целесообразно направить на исследование тех разделов, которые исключают применение стиливых черт, недопустимых для юридических документов. В процессе перевода арабских конституций большое значение приобретает герменевтический подход [3] с учётом разнообразия языковых ситуаций в арабских странах и неоднородности их исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазян Ю.С. Синонимия как особенность номинативных процессов в современном арабском литературном языке / Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции 26-27 сентября 2013 года. СПб.: Издательство «КультИнформПресс», 2013 — С. 29–34.

2. Вдовина Л.И., Яковенко Э.В. Пособие по дипломатической переписке на арабском языке. М.: МГИМО-Университет, 2007.
3. Мишкурое Э. Н. Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт). — М.: Военный университет, 2018.
4. Пантюхин Н.Я. Некоторые аспекты исследования арабской научной терминологии / Актуальные проблемы арабской филологии: сб. науч. трудов: к 125-летию со дня рождения Х.К. Баранова и К.В. Оде-Васильевой М.: МГИМО-Университет, 2018. — С. 318-329.
5. Сапронова М.А. Арабский Восток: власть и конституции. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.
6. Сюкияйнен Л.Р. Структура мусульманского права. / Мусульманское право: сб. науч. трудов. — М.: Институт государства и права АН СССР, 1984.
7. Успенская Н.А. Восток – Запад. Проблемы международных литературных взаимодействий. / Языковые контексты : структура, коммуникация, дискурс : материалы межвуз. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, 2007. — № 1, — С.192-197.
8. Штанов А.В. Технология перевода и методика преподавания (компетентностный подход). — М.: МГИМО-Университет, 2011.
9. Шуйская Н.М. Арабский язык и его проблемы на современном этапе. / Актуальные вопросы подготовки специалистов международного профиля: смена парадигм: материалы науч. конф. (Москва, 15-16 ноября 2013 г.). В 2 ч. Ч.2. — М.: МГИМО, 2014. — С. 179-186.
10. Al-Wahab I.I. Law Dictionary: English-Arabic. Beirut: Libraire du Liban, 1988.
11. — أمين رجا دواس. تنازع القوانين في فلسطين: دراسة مقارنة في ضوء أحكام القضاء. — عمان — الأردن / رام الله — فلسطين: دار الشروق، 2018.
12. قاموس المصطلحات البرلمانية: إنجليزي — عربي. — أبو ظبي: المجلس الوطني الاتحادي، 2003.

13. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/>

14. [Электронный ресурс] / Режим доступа:

<https://www.idea.int/sites/default/files/publications/2017-06-30-annual-book-acl-AR.pdf>

**Методика подготовки переводчиков-арабистов
в Военном университете Министерства обороны РФ**

Рассуждая о том, что важнее — метод или научное открытие, выдающийся физик-теоретик СССР Лев Давидович Ландау сделал однозначный выбор в пользу метода. Ведь если метод выбран верно, рассуждал учёный, то тогда и открытий в науке может быть много. Приведу цитату его конкретного высказывания по этому поводу: «Метод — способ, приводящий к поставленной цели. Он позволяет сделать много открытий и решить множество задач. Есть хороший метод — при желании будет и результат» [7].

Когда-то и нашей кафедре ближневосточных языков пришлось столкнуться с проблемой выбора путей и методов работы по подготовке высококвалифицированных специалистов-военных переводчиков. Этот непростой выбор был сделан ценой проб и ошибок, путём тернистым, но верным.

Как известно, ценность педагогики как науки вообще состоит в её прикладном аспекте. И не случайно наших выпускников причисляют к специалистам практической арабистики. Однако, это вовсе не исключает их компетенций в области политики, военного дела, регионоведения и т.д. Система методов подготовки переводчиков-арабистов в нашем ВВУЗе неоднократно доказывала прежде и доказывает сегодня свою эффективность на практике. Наши выпускники успешно трудятся на различных ответственных постах, выполняя очень важные для страны задачи.

Интенсивная подготовка переводчиков арабского языка в Военном институте иностранных языков (так в 60-е годы XX столетия назы-

вался наш университет) была связана с арабо-израильским кризисом июня 1967 г., который, как известно, не урегулирован до сих пор. Речь идёт о шестидневной войне, в результате которой армии ряда арабских государств потерпели сокрушительное поражение от внезапного удара израильской армии. К этому времени политическое руководство СССР заняло однозначно проарабскую позицию. Однако сразу после Второй Мировой войны ситуация была иной. Москва выступала союзником Израиля. И тому были веские причины.

Москва рассчитывала, создав молодое еврейское государство в Палестине, решить много вопросов сразу.

Во-первых, расколоть Европу, которая, втягиваясь в поле холодной войны, становилась всё более враждебной к нашей стране. Попытки, предпринимаемые ранее в отношении военно-политического союза с Францией и Италией, провалились. Не помогла даже возросшая за годы войны роль компартий в этих странах.

Во-вторых, всё та же Европа отказалась вернуть обратно в свои страны спасённых Красной Армией из концлагерей и от холокоста евреев, насчитывавших, по разным данным, около четырёх миллионов человек. Но где-то их нужно было, просто физически, разместить в условиях открытого антисемитизма и отказа ряда европейских стран принять назад бывших своих граждан еврейской национальности.

Такое поведение европейских стран, не желавших обременять себя «лишними проблемами, вряд ли можно считать неожиданным. Несмотря на то, что европейская цивилизация, особенно Англия, была непосредственно обязана своим становлением именно еврейским финансам, в 1290 г. английский король Эдуард I выслал евреев из Англии. Вернулись евреи в Англию только через 365 лет, при Оливере Кромвелле [1, с. 50].

Ну, и наконец, в-третьих, евреи воевали против фашизма наравне с представителями русского и других народов СССР. В этих условиях остановить сионистское движение уже было невозможно.

Советский Союз, как нам известно, много сделал для создания государства Израиль. Был разрешен выезд туда на ПМЖ советских евреев. Во вновь создаваемое государство уехало несколько сот семей советских офицеров–евреев, не говоря уже о руководстве этой страны — сплошь выходцев из разных уголков России. Москва разрешила агитацию среди евреев у своих синагог. Была оказана и финансовая, и военная помощь в ранних конфликтах с арабами в 1936 и 1948 годах. Но... прошло немного времени, и Израиль прильнул к западному сообществу, а точнее, стал стратегическим союзником Соединённых Штатов.

Уже осенью 1967 г. наш институт (ныне университет) получил политический заказ на срочную подготовку военных переводчиков для работы в армиях арабских государств. При этом на подготовку были определены весьма сжатые сроки — два года. Забегая вперёд, скажу, что эта задача была с честью выполнена, а переводчики-арабисты составили славу института в 60–70-е гг. задолго до афганских событий и возникновения иных горячих точек.

Тогда перед молодой кафедрой восточного факультета, спешно набранной из людей, когда-то изучавших арабский язык и из-за ненужности своей ушедших в народное хозяйство, была поставлена конкретная задача, и её надо было выполнять. Поступив в ВИИЯ в 1968 г., я стал свидетелем того, что происходило на кафедре, которая работала практически в условиях мобилизации.

Постепенно преподавательский состав кафедры приобретал всё более профессиональный характер. Отпадали те, кого случайно привело в наш институт новое лихолетье, теперь уже на Ближнем Востоке, и

оставались лишь те, кого мы очень уважали и любили и никогда, пока живы, не забудем. Наши педагоги в кратчайшие сроки с нуля создали учебники по военному переводу и речевой практике. Были написаны и первые учебные пособия по диалектам арабского языка. Но методика подготовки оставалась в стадии разработки. Этому были свои объяснения.

Во-первых, наши педагоги никогда сами не работали военными переводчиками. За рубежом побывали лишь единицы. Они пытались говорить на литературном языке, который не используется в обиходном общении. Это был большой минус, который решился только с приходом на кафедру новых поколений арабистов–практиков: В.В. Наумкина, ныне академика РАН, Н.Н. Вашкевича, Г.П. Крапивы и др.

Во-вторых, переводчик — ещё не педагог. Им нужно было стать, и на это также требовался определённый период времени.

Но, как говорится в таких случаях, процесс пошёл. Постепенно стало ясно, что наиболее эффективным методом обучения будущих арабистов практической арабистики, основной задачей которых являлось лингвистическое обеспечение контактов со спецконтингентом у нас в стране при обучении арабов в разных учебных центрах и за рубежом, при этом довольно часто в боевых условиях, является **зрительно-логический метод**.

Этот метод широко использовался в послевоенный период не только в высшей школе, но и при обучении детей школьного возраста. От него отказались лишь в конце 80-х, когда образовательная парадигма в корне изменилась. Не берусь обсуждать изменения, но лишь скажу, что грамотность нашей молодёжи была намного выше, нежели сегодня. Родители не нанимали никаких репетиторов, а приводили своих чад в школу в полной уверенности в том, что там их научат грамоте. Что и происходило в реальности.

При таком подходе к изучению арабского языка учащиеся привыкали писать в соответствии с тем, что видели на доске. Логику же всему процессу обучения давала грамматика. При освоении чтения наши педагоги, т.е. педагоги старшего поколения, и мы сегодня делаем упор на предложение как смысловую единицу восприятия целого (текста, статьи и проч.). Учёные нашей кафедры разработали теоретическое обоснование такого подхода задолго до 2009 г. Я имею ввиду общеевропейский документ под заголовком «Требования к компетенции профессиональных переводчиков, специалистов в области многоязычной и мультимедийной коммуникации», принятый в том самом году. Данная научная работа велась в ЕС проектной группой под руководством И. Гамбьера с 2007 г. по 2009 г. и имела целью, в том числе, определить перечень компетенций современных переводчиков-практиков [2] для нужд Европы. В нашем ВВУЗе подобная работа, начавшись, как минимум, полвека назад, не прекращалась никогда, а потому в работе европейских коллег мы обнаружили для себя мало интересного.

Чтобы не быть голословным, хочу сообщить, что в этом году вышла в свет монография «Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении» [3]. Автор — профессор нашей кафедры, доктор филологических наук Э.Н. Мишкурин, соавтор — М.Г. Новикова. В истории философии, как известно, сформировалось направление, которое ставит одной из своих задач истолкование текста, — **герменевтика**. В монографии делается попытка исследовать вопросы «герменевтического поворота» в современной теории и методологии перевода. Это оригинальная авторская работа, которая опирается на авторитет выдающихся учёных с мировым именем, разработана в рамках нового научного направления — «Общая и переводческая герменевтика».

Ранее профессор нашей кафедры, доктор филологических наук Н.Д. Финкельберг предложила научному сообществу свой фундаментальный труд, также посвящённый теории и практике перевода под

названием «Арабский язык: теория и технология перевода» [4]. Он используется нашей кафедрой как учебное пособие, т.к. предназначен прежде всего для обучаемых. Этот труд создаёт научную базу для выработки стратегии и тактики принятия переводческих решений с учётом особенностей речевого и коммуникативного поведения арабской стороны, участвующей в разных видах коммуникации.

Наши курсанты и слушатели, как и мы ранее, имеют раритетную возможность, ещё обучаясь в ВВУЗе, на практике закреплять полученные навыки. Разница лишь в том, что мы, представители старшего поколения ВИИЯковцев, выезжали за рубеж на более длительное время. Краткосрочные командировки в страну (сегодня это в основном Сирия) нашим курсантам позволяют на практике убедиться в достоверности полученных знаний и умений, повышают ответственность в учёбе и доверие к своим педагогам.

Как известно, разница в деятельности переводчика при устном и письменном общении весьма велика. Довольно часто из-за этого происходит разделение переводчиков по специализации устного или письменного перевода. Для подготовки наших специалистов практической арабистики такое разделение недопустимо. По прибытии в страну они зачастую сталкиваются с необходимостью переводить письменно множество документов военно-боевого характера, аналитики, логистики и проч. Поэтому мы уделяем особое внимание письменному аспекту языка, формируя соответствующие навыки в течение всего периода обучения. Особенно много работы в этом направлении на 3–4-м курсах. За основу берётся **методический приём**: чтение, перевод, пересказ и письменное изложение текста за одно практическое занятие. При этом уровень сложности тематики и соответствующих текстов наращивается.

Наша кафедра ближневосточных языков и сегодня остаётся воюющей в прямом значении этого слова. Педагоги кафедры, носящие погоны, и сами довольно часто находятся с обучаемыми и выпускниками

университета за рубежом в командировках. Это неоценимый опыт как для наших курсантов, так и для самих педагогов кафедры, которая состоит только из одних профессионалов. В прошлом все педагоги прошли этап становления как военные переводчики. Они хорошо представляют себе это ремесло, понимая, что переводчик переводит не слово, не предложение, а менталитет того, с кем общается.

Добрая половина кафедры — учёные: доктора и кандидаты наук, специалисты в области теории и технологии перевода. Но среди наших учёных не только филологи. Среди них востоковеды, педагоги и даже экономисты, преподаватели со стажем непрерывной педагогической деятельности более 25-ти лет. Нам удалось сохранить преемственность поколений, что, несомненно, положительно сказывается на уровне подготовки. Такой состав кафедры в полной мере отвечает современным требованиям к уровню подготовки переводчиков. Вот что пишет по этому поводу в своей научной статье коллега З.Ч. Алимардонова, старший преподаватель Ташкентского государственного технического университета им. Ислама Каримова: «...степень формирования нынешнего общества требует от специалиста-переводчика различных знаний в области экономики, политики, юриспруденции и т.д. На сегодняшний день необходимо являться профессионалом в определённой сфере со знанием иностранных языков» [5]. Думаю, что этим параметрам наша кафедра вполне соответствует.

Ещё одним позитивным моментом является то, что в ВВУЗе удалось сохранить специалитет, как оптимальный, на наш взгляд, период обучения курсантов. Этот срок позволяет отлучаться в командировки и продолжать обучение, доводя его до логического завершения.

Что касается формы дистанционного обучения, то наша кафедра считает её вынужденной в условиях пандемии и вспомогательной, однако неприемлемой для обычных условий обстановки. Во-первых, она не обеспечивает в полной мере сохранности военной тайны, что для

нашего ВВУЗа, как для воинского формирования, крайне необходимо. Во-вторых, эта форма обучения ещё не отработана в полной мере и не подготовлена технически. Многие учебные заведения России просто не готовы перейти на неё, что подтверждается практикой сегодняшнего дня. С этой точки зрения и наш университет — не исключение.

И, наконец, отсутствие прямого человеческого контакта с обучаемыми, особенно на начальном этапе обучения, негативно сказывается на их воспитании в духе коллективизма и взаимопомощи. А это один из краеугольных камней воинского воспитания и всей классической русской педагогической школы. Вот что писал о коллективизме великий русский педагог А.С. Макаренко: «В итоге я отстаивал линию создания сильного, если нужно и сурового, воодушевлённого коллектива и только на коллектив возлагал все надежды» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белаш В. Европа против евреев. / Журнал Власть, 2004, № 9 [562].
2. Надысов А.М., Горбатенко Р.Г., Атабекова А.А. К вопросу о составляющих профессиональной компетенции переводчика в европейском контексте. Электронный журнал «Гуманитарные науки».
3. Мишкуроев Э.Н., Новикова М.Г. Теория и методология в когнитивно-герменевтическом освещении. — М.: ФЛИНТА, 2020.
4. Финкельберг Н.Д. Арабский язык: теория и технология перевода. — М.: Восточная книга, 2010.
5. З.Ч. Алимардонова. Методы подготовки переводчиков. // Журнал «Academy», 2019, № 3 (42). — С. 42-44.
6. Макаренко А. С. Педагогическая поэма. — СПб.: Азбука-Аттикус, 2018 г.
7. Сидоров С.В. Сайт педагога-исследователя. Афоризмы. [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL:<http://si-sv.com/board/landau/15-1-0-140>

Абстрактная каллиграфия в арабском языке как реализация современного статуса экфрасиса

Междисциплинарность на сегодняшний день часто становится неотъемлемой частью развития современной науки. Все большую роль начинает играть синтез различных направлений, сфер научного знания. Развитие современной филологии подразумевает привлечение ряда смежных наук: искусствоведения, лингвистики, паралингвистики, семиотики, когнитивной поэтики. В связи с этим актуальность приобретает изучение проблемы экфрасиса. Данная проблема получила в научной литературе широкое освещение и исследовалась в работах как отечественных, так и зарубежных учёных.

Заслуживают внимания работы учёных, в которых сближаются категории экфрасиса в лингвистике и в других медийных формах.

Так, например, Баль исследовал особый способ восприятия денотата — в зависимости от его положения к рассматриваемому объекту.

Ю.М. Лотман занимался изучением функции экфрасиса в живописи в рамках семиотики.

Среди последних работ, затрагивающих данную проблему, стоит отметить три источника, в которых наряду с теоретическими выкладками проводится оригинальный практический анализ. Это статьи Питера Вердонка (2005, Нидерланды) «Живопись, поэзия, параллелизм: экфрасис, стилистика и когнитивная поэтика» [13], Эндрю Гоутли (2014, Гонконг) «Место стилистики в направлении британских исследований» (2014) [7] и отечественного автора Р.А. Поддубцева «Экфрасис у Андрея Платонова: Поэтика визуальности» [3].

Также данной проблематикой в области теории и прагматики экфрасиса занимались такие ученые, как М. Кригер, Дж. А.В. Хеффернан, М. Риффатер, Т. Митчелл, Дж. Холландер, Н.В. Брагинская, М. Рубине, Л. Геллер, Ю.В. Шатин, Ж. Хетени, Д. Пейдж, С. Зенкин, Б. Касен, Н.А. Абиева и др., когнитивной лингвистики (Т.А. Фесенко, Е.Ф. Тарасов, В.В. Красных, В.И. Герасимов, В.В. Петров, Н.А. Абиева, А. Пейвио, С. Палмер, Е.С. Кубрякова, Ф. Джонсон-Лэрд, Р. Логац, Ст. Косслин), феноменологии визуального восприятия (Б.Г. Ананьев, В.М. Розин, Л. Немет, А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, А.В. Запорожцев и др.), семиотики (Ю.С. Махлина, Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов и А.Р. Усманова, Р.О. Якобсон, У. Эко и др.), теории перевода и переводоведения (Т.А. Фесенко, Ю.Е. Прохоров, Р.О. Якобсон, Т.А. Казакова, В.Б. Шеметов, Л.С. Бархударов, С.Н. Сыроваткин, Е. Найда), лингвистики текста и теории поэтического текста (И.В. Арнольд, Л. Г. Бабенко, Ю.В. Казарин, Ю.М. Лотман, В.А. Лукин, М.Л. Гаспаров, К. Бюллер, Р.О. Якобсон и др.).

Цель данной статьи состоит в представлении подтверждения новых возможностей экфрасиса, а именно возможность его использования на материале произведений искусства, в основе создания которых используется арабская каллиграфия.

Новизна представляется в применении обратного подхода к использованию экфрасиса, а именно интерпретации художественным произведением текстового материала, а также в рассмотрении его на материале арабской графики как объекта интерпретации в художественном произведении.

Определение экфрасиса довольно широко. Экфрасис — понятие, идущее из древности и в переводе с греческого обозначающее «описание», будучи риторическим приёмом, изначально было присуще поэтике и связано сугубо с текстом [4]. В настоящее же время оно переживает

глубокую трансформацию, поэтому сейчас филологам представляется затруднительным дать строгую дефиницию этому понятию. Это следует из развития литературы и искусства, что даёт благодатную почву для раскрытия новых возможностей экфрасиса.

Наиболее общее же определение выглядит следующим образом: экфрасис — риторический приём, при котором одна медийная форма искусства соотносится с другой формой, определяя и описывая сущность и форму первой, тем самым более точно выражая их и представляя для восприятия реципиентам через особое раскрывающее её сущность освещение [15].

Несмотря на это, до недавнего времени понятие экфрасис использовалось применительно лишь к литературным текстам. Теперь же мы наблюдаем, как раскрываются новые возможности экфрасиса. Как пишет доктор филологических наук К.А. Андреева, происходит соотношение всех видов искусства со всеми [1]. Другими словами: любое искусство может быть описано через любое другое искусство. Из-за этого возникают определённые трудности с формулировкой чёткого определения данного понятия. Так, например, в соответствии с этим определением экфрастический подход применим как в описании картины через стихотворение (стихотворения Дж. Берримена, В.К. Вильямса и У. Де Ла Мара к картине П. Брейгеля ст. «Охотники в снегу»[16]), или же в описании скульптуры через рисунок (картина С.М. Павлова «Самая древняя скульптура империи», где средствами живописи показано авторское видение художником скульптуры Сфинкса в г. Санкт-Петербурге [14]), так и в описании картины и даже стихотворения в музыке (М.П. Мусоргский «Картинки с выставки» по рисункам В.А. Гартмана или же «Сонеты Петрарки» Ф. Листа).

Вместе с эволюцией экфрасиса расширяются и формы познания, через которые возможно его функционирование. В этом смысле арабский язык с его уникальной письменностью приобретает особое значение. Для этого обратимся к искусству каллиграфии. Каллиграфия по своей сути объединяет в себе искусство и лингвистику, что делает возможности применения экфрасиса еще шире.

Однако, если в традиционном понимании экфрасиса художественное произведение является объектом вербального описания, то с учётом более широкого подхода, становится возможным обратное, то есть передача лингвистических символов посредством произведения искусства, где за основу взята элементарная единица письменности-буква, которая находится во власти интерпретации-видения ее художником.

Таким образом, само средство лингвистики, в данном случае элементы каллиграфии, становится денотируемой фигурой, поддающейся описанию.

Исторически наряду с выполнением религиозно-мистической функции в условиях, ограниченных религиозными догмами, арабская каллиграфия выполняла лишь художественно-декоративную функцию [2]. На современном этапе параллельно этому процессу благодаря современному искусству наметилась новая тенденция — особое видение языковых средств за счет использования современных художественно-эстетических средств.

При рассмотрении данной тенденции с точки зрения экфрастического анализа становится ясным, что отмеченные выше функции обретают способность быть взаимозаменяемыми.

Для обоснования этого утверждения обратимся к относительно недавно возникшему движению в искусстве, получившему название Хуруфийя и рассмотрим его в рамках понятий экфрасиса.

Эстетическое движение Хуруфийя зародилось в 50-х гг. XX в. и было основано на новом понимании традиционной арабской каллиграфии. Движение получило название от религиозно-философского учения «хуруфизм» (от араб. «хуруф» — буквы), являющегося одной из ветвей суфизма и возникшего в конце XIV – начале XV в.

Многие искусствоведы считают Хуруфийю наиболее значимым движением, возникшим в арабском искусстве в XX в. [9]. Однако по причине того, что в отношении названия этого движения велись споры, для обозначения этого течения используют также и альтернативный термин — каллиграфическая школа искусства.

Как уже указывалось выше, происхождение названия Хуруфийя связано с арабским словом «хуруф» («буквы»). Буквы рассматривались как первозданные символы, управляющие космосом. Таким образом, термин «хуруфийя» изначально имеет суфийское интеллектуальное и эзотерическое значение [6].

Специалисты в области искусствоведения разделили историю движения Хуруфийя на три поколения. Представители первого поколения являются пионерами движения, которые искали новый эстетический язык и ввели арабскую каллиграфию в искусство (Джавад Селим, Мухаммад Гани Хыкмат.) Ко второму поколению принадлежат художники, жившие за пределами арабских стран, но использовавшие арабский язык и культуру в своих работах (Диа Аззави).

Третье поколение представлено современными художниками, впитавшими международную эстетику, сохраняя в своих работах связь с арабской письменностью (Аль Сид, Махмуд Хаммад).

Сочетая и комбинируя традиции и современность, художники этого движения работали над созданием и развитием визуального языка, специфичного и характерного для данной культуры, прививавшего чувство национальной идентичности на этапе освобождения от колониального господства и борьбы за национальную независимость.

Специалисты в области истории искусства указывают на то, что в рамках движения Хуруфийя происходит деконструирование письма, за счёт чего элементы арабской графики превращаются в индексный знак традиции и культурного наследия [8]. И поскольку знак в культурной ассоциации может выступать как лингвистическим, так и эстетическим средством, это открывает совершенно новые, неисследованные возможности интерпретации, апеллируя вместе с тем к определённой культурной основе, а именно к культуре арабов.

Как пишет Кристиан Трейчл: «...художники Хуруфийи устраняют означающую функцию языка. Символы становятся чистыми знаками, и временно лишённые своего референтного значения, они становятся доступными для новых значений» [12].

Движение Хуруфийя раскрывает специфическое видение арабского языка современными художниками.

Идеи Хуруфийи указывают на то, что сама природа этого движения экфрастична и даёт все основания для проведения экфрастического анализа, в котором соблюдены категории экфрасиса: точка зрения, денотатно-фактологическая информация, образ описания.

Эта идея подтверждается при рассмотрении различных произведений как арабского изобразительного искусства, так и скульптуры.

Для этого обратимся к такому произведению, как скульптура «Поэзия Багдада» автора Мохаммада Гани Хикмат (рис.1) [17]. На этом примере мы видим, как раскрываются новые возможности экфрасиса.

Рис. 1. Мохаммад Гани Хикмат
«Поэзия Багдада»

Овальная форма фонтана – это сжатые вместе слова из стихотворения поэта Мустафы Джамаль ад-Дина. Стиль, в котором выполнено это произведение, даёт основания провести экфрасический анализ от обратного, где не произведение искусства интерпретирует-турное произведение само интерпретируется произведением искусства, в данном случае за счет того, что обретает видимую, осязаемую форму благодаря работе скульптора, так как для передачи реципиенту самой идеи стихотворения именно такая форма представляется наиболее оптимальной.

В данном случае с помощью экфрасиса передана не только пунктуальная информация (основа текста), но и эстетическая, образно-ассоциативная информация, что способствовало творческому воссозданию не единственного, а нескольких миров автора.

Рис. 2. Махмуд Хаммад
Работа в стиле «абстрактная каллиграфия»

Также отчётливо можно проследить применение экфрасиса при рассмотрении творчества художников абстрактной каллиграфии, которая также развивалась в русле движения Хуруфийя, например, работы сирийского художника Махмуда Хаммада (рис.2) [18]. Буквы арабского языка являются предметом особого видения художника.

Рис.3. Syed Sadequain Ahmed Naqvi.
Фрагмент крыши Фрир-холл
(ратуша г. Карачи)

Следующая работа, дающая предпосылки к экфрасическому анализу — фрагмент крыши Фрир-холл художника Ахмада Накви (рис. 3) [19]. Здесь мы видим, что наряду с авторской интерпретацией художником поэтических произ-

ведений и художественных текстов для такого рода художественной интерпретации также подходит и само арабское письмо. Таким образом, мы имеем дело с интерпретацией искусства каллиграфии через художественное искусство.

В рамках движения Хуруфийя особо стоит выделить стиль каллиграфити. Для того, чтобы писать в этом стиле, от художника не требуется формального обучения и, несмотря на то что произведения данного стиля подчинены определённому сценарию, определённых академических правил для его создания не существует. Все это наглядно демонстрирует экфрастичность стиля каллиграфити.

Среди ярких примеров работ в стиле каллиграфити можно назвать художественные инсталляции французского художника арабского происхождения — Аль-Сид (рис. 4) [20].

Рис. 4. Художественная инсталляция на улице Джерба, квартал Эр-Рияд, Тунис, художник Аль-Сид

Рис. 5. Сура «Аль-Бакара» в виде яйца

Художественными средствами передана красота арабского языка. Таким образом, мы видим, как языковые средства в произведениях искусства на новом этапе создают не только традиционно сложившийся чисто эстетический эффект, как это показано на примере изображения суры «Аль-Бакара» в виде яйца (рис. №5) [5], но также инициируют и эмоциональное воздействие арабского языка и арабской гра-

Рис. 6. Надпись в берлинском метрополитене

фики, которое оказывается на реципиента посредством современного искусства.

Искусство Хуруфийи выходит за рамки чисто академического стиля. Часто на улицах европейских городов можно встретить произведения народного творчества в виде надписей, выполненных в художественном стиле, что указывает на связь с движением Хуруфийя (рис. 6). Это говорит о его эффективности в том, что касается массовой просветительской сферы применения.

На примере произведений движения Хуруфийя мы наблюдаем то, как видит художник арабский язык.

На основе приведённых данных мы видим, как одно и то же произведение может быть одновременно представлено как в литературной форме, так и на картине художника и даже в форме скульптуры.

Результаты обзора некоторых работ в рамках движения Хуруфийя с точки зрения экфрасиса убедительно показывают, что теперь уже не только каллиграфия выполняет художественно-декоративную функцию, а и само художественное произведение избирает своим объектом арабский язык в качестве экфрастического объекта в его графическом исполнении — посредством арабской каллиграфии в различных её разновидностях.

На примере экфрастического подхода к произведениям абстрактной каллиграфии мы видим, что описание в области взаимодействия лингвистики и искусства выходит на совершенно иной уровень и даёт основания для расширения исследовательской базы в этих областях знаний.

Теоретическое значение проведённого на количественном материале исследования состоит в выявлении интегративного характера

экфрасиса, что важно для дальнейшего изучения его возможностей в различных сферах, в том числе в рамках лингвистики и паралингвистики, в данном случае на примере арабской каллиграфии.

Экфрасис в риторике и поэтике эволюционировал и сейчас стоит на стыке дисциплин. Использование его в арабской каллиграфии является еще одним подтверждением его нового статуса.

Результаты проведённого исследования подтверждают, что в настоящее время союз лингвистики и искусства вышел на новый уровень, что открывает перспективу для дальнейших исследований в этом направлении.

Практическое значение нового взгляда на экфрасис в арабской каллиграфии состоит в следующем. Учитывая проблему разобщенности арабов, помимо привлечения внимания к арабскому языку и поддержания популярности арабского языка в мире, применение экфрасиса как метода, объединяющего язык и искусство, в культурном отношении способно выступать также в качестве дополнительного побудительного стимула к арабскому единству.

Также важным фактором представляется то, что новое значение приобретает эстетическое воздействие культуры в условиях, где акцент сделан на арабском языке. В этом смысле развитие и популяризация этого направления способны сыграть заметную консолидирующую и культурно-просветительскую роль. Это становится тем более актуальным, учитывая тот факт, что в современном мире возрастает значение культурных войн, в том числе и в политике. Новое движение Хуруфийя привлекает особое внимание к арабскому языку. Из этого следует, что взгляд на произведения арабской культуры с точки зрения экфрасиса вносит определённый вклад в развитие чувства национальной идентичности как в национальных государствах, так и за пределами арабского

мира — в местах анклавного сосредоточия арабов, что очень важно для поддержания национального духа арабов в условиях эмиграции, а также могло бы стать своеобразным инструментом «мягкой силы», что положительным образом скажется на внешней политике арабских государств.

Помимо вышесказанного, объяснение основ и принципов арабской каллиграфии через идею экфрасиса представляется полезным и в педагогике, так как помогает глубже понять природу невербальных средств арабского языка и арабской письменности. Это тем более актуально, учитывая, что и само движение Хуруфий связано с педагогикой исторически.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева К.А., Белобородько Е.К. Новые подходы к вполне традиционному понятию «экфрасис» в диалоге лингвистики и искусства // *Universum: филология и искусствоведение: Электронный научный журнал*. 2016, № 11 (33).
2. Белова А.Г. Арабское письмо // *Лингвистический энциклопедический словарь*; гл. ред. В.Н.Ярцева.– М.: Сов.Энциклопедия, 1990
3. Поддубцев Р.А. Экфрасис у Андрея Платонова: поэтика визуальности // *Вопросы литературы*. 2011, № 5.
4. Шкаренков П.П. Экфрасис // *Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / РГГУ: Intrada*, 2008.
5. القرآن الكريم وترجمة معانيه إلى اللغة الروسية. – مجمع الملك فهد لطباعة المصحف الشريف، المدينة المنورة، 1423 هـ. – 1088 ص.
6. Flood, F.B. and Necipoglu, G. (eds) *A Companion to Islamic Art and Architecture*, Wiley, 2017, pp 1294-95; Treichl, C., *Art and Language:*

- Explorations in (Post) Modern Thought and Visual Culture, Kassel University Press, 2017.
7. Goatly, A. Locating Stylistics in the Discipline of English Studies // Book of Abstracts. IALS. University of Kent, July, 2014, UK.
  8. Lindgren, A. and Ross, S., The Modernist World, Routledge, 2015, p. 495; Mavrakis, N. The Hurufiyah Art Movement in Middle Eastern Art. // McGill Journal of Middle Eastern Studies Blog, Online: ; Tuohy, A. and Masters, C., A-Z Great Modern Artists, Hachette UK, 2015.
  9. Mavrakis, N. The Hurufiyah Art Movement in Middle Eastern Art, // McGill Journal of Middle Eastern Studies Blog, Online: ; Tuohy, A. and Masters, C., A-Z Great Modern Artists, Hachette UK, 2015.
  10. Reynolds, D.F., The Cambridge Companion to Modern Arab Culture, Cambridge University Press, 2015.
  11. Shabout, N.M. Modern Arab Art: Formation of Arab Aesthetics. University of Florida Press, 2007.
  12. Treichl, C. Art and Language: Explorations in (Post) Modern Thought and Visual Culture. Kassel University Press, 2017.
  13. Verdonk, P. Painting, poetry, parallelism: ekphrasis, stylistics and cognitive poetics. Language and Literature, 2005.
  14. Художник Опульс // Павлов Сергей Маркович / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.opuls.biz/gallery/164> (дата обращения: 1.10.2020)
  15. Ekphrasis // from Wikipedia — the free encyclopedia / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://en.wikipedia.org/wiki/Ekphrasis/> (дата обращения: 25.09.2020).
  16. Poems meet paintings//Chapter 5, continued: Breughel and ‘The Hunters in the Snow’ / [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://paintingpoetry.com/2017/10/30/perspectives-ii-cont-breughel-and-the-hunters-in-the-snow/> (дата обращения: 30.09.20).

17. Mohammed Ghani Hikmat/ [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://www.arageek.com/bio/mohammed-ghani-hikmat>

18. Mahmoud Hammad/ [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://www.atassifoundation.com/ar/lfnnwn/-33>

19. Sadequain/ [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://pakistanthinktank.org/sadequain-pakistans-great-painter-and-calligrapher>

20. El-Seed/ [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://www.graffitistreet.com/el-seed-perception-street-art-initiative-egypt-2016/>

Формирование мотивационной составляющей изучения арабского языка на начальном этапе

Арабский язык — один из наиболее развитых и широко распространённых языков в мире. Он используется в качестве государственного языка в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Арабский язык является одним из шести официальных языков ООН. Историческая роль арабского языка огромна и вполне сопоставима со значением латинского и древнегреческого языков для многих поколений.

Изучение арабского языка — это сложный длительный процесс для студента. Особенно, учитывая то, что он отличается от русского языка и европейских языков на всех уровнях — фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом [2]. С точки зрения фонетики, в арабском языке есть буквы и звуки (например, три разные по произношению буквы «Х» или «З»), которых нет в других языках. Что касается синтаксиса и пунктуации в арабском языке, то в тексте Корана и хадисов не используются европейские знаки пунктуации. Один абзац текста может соединять несколько разных мыслей, при этом иметь только одну точку в конце. В коранической и хадисоведческой традициях исторически сложилась система комментариев, помогающая «правильному» чтению и восприятию текста [6].

Сложность работы преподавателя связана с тем, что знакомство его подопечных со вторым (новым) языком, а именно их попеременное использование, неизбежно провоцирует у студентов начальных курсов отклонение от норм в любом из них вследствие языкового контакта, то есть семантическое, структурное и функциональное отождествление эле-

ментов родного и иностранного языков, возникновение неправильных ассоциаций, переосмысление на почве недопонимания. Таким образом, родной язык обучаемого негативно воздействует на недостаточно твёрдые знания второго языка [4].

Успех в овладении арабским языком зависит от упорного труда студента и преподавателя, что подразумевает поддержание мотивации в этом процессе.

Что означает «мотивация»? Существуют разные определения этого термина. Так, в толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова мотивация определяется как 1) система доводов, аргументов в пользу чего-нибудь, мотивировка; 2) совокупность мотивов, обуславливающих тот или иной поступок [8]. В *современном социоэкономическом словаре Б.А. Райзберга мотивация* (англ. motivation — побуждение) — 1) совокупность внешних и внутренних мотивов, ценностных ориентаций, направляющих деятельность, определяющих поведение, образ действий людей, социальных групп; 2) объяснение, обоснование причин и поводов, побуждений, оправдания того или иного способа поведения [3]. А в сфере образования мотивация обучения — это общее название для процессов, методов, средств побуждения учащихся к продуктивной познавательной деятельности, к активному освоению содержания образования [1].

В последнее время проблема мотивации в учебном процессе для нынешнего поколения студентов становится более актуальной. Поступив в высшее учебное заведение, зачастую они не осознают, что следует после этого: они попадают в новую многоуровневую среду, где знакомятся с новыми людьми, изучают новые предметы, осваивают новые технологии и встречают новые вызовы. Они приходят со своим багажом знаний, умений, навыков и представлений, этот багаж или ресурс ещё скромный, его недостаточность и естественные трудности в изучении

новых предметов на начальном этапе могут спровоцировать потерю интереса к учёбе, или самомотивации.

Наличие желания познать новое со стороны студента, когда он хочет учиться и прилагает все усилия, или его отсутствие, когда не хочет учиться и ничего не делает, определяет разные подходы в работе преподавателя. Тем не менее поддержание мотивации будет зависеть от результативности совместной работы преподавателя и студента, где студент понимает, зачем он учится, а преподаватель стимулирует его к учёбе.

С первых дней занятий студенты часто экстраполируют свой подход к изучению других предметов или языков на изучение арабского языка. Однако арабский язык отличается от остальных языков, поэтому процесс его изучения тоже будет отличаться. Соответственно, такая простая экстраполяция является изначально ошибочным подходом, не позволяющим достичь заметных ощутимых результатов. Они сами себе создают трудности уже в самом начале изучения, не понимая, как важно закладывать правильно фундамент, который в перспективе позволит и откроет возможности для дальнейшей учёбы и работы. Они рассчитывают, что достигнут результатов сразу, но так не получается.

Чтобы интерес к предмету не был потерян, а разочарование сменилось удовлетворённостью, достижением результатов, как раз и нужна мотивация, источником которой будет являться сам преподаватель. На начальном этапе студент нуждается в том человеке, который поддержит, поможет сделать первые шаги, добиться первых результатов, через изучение языка сможет рассказать и о народах, которые говорят на арабском языке, об их культуре, религии, менталитете, особенностях. Другими словами, преподаватель откроет для студента незнакомый для него целый мир, мир арабского языка.

Цифровые технологии и мобильные электронные устройства изменили мир и трансформировали наше представление о том, как и где можно жить, учиться, работать и отдыхать, заставили пересмотреть традиционные взгляды на очень многие устоявшиеся истины. Современный студент — это студент, чьи представления, желания, подходы, манера общения отличаются от такого же студента, который был даже лет десять – двадцать назад. В связи с этим, трансформируется и традиционный подход в образовательной сфере, стала размываться прежде всего существовавшая чёткая субординация — преподаватель – студент, они были на расстоянии, слово преподавателя было неоспоримым. В последнее время наблюдается переход к коллаборации, которую определяют как интерактивный процесс, объединяющий двух и более участников, совместно работающих над достижением цели, которую они не могут достичь по отдельности [5]. Внедрение интерактивного обучения безусловно требует некоторых изменений в мировосприятии преподавателя. Это означает, что эффективность обучения — это осознание важности совместной работы, и преподаватель может использовать подказки для повышения результативности и мотивации своих учеников.

Прежде всего, он должен быть внимателен и терпелив ко всем студентам без исключения ввиду того, что способности и скорость усвоения материала всегда разные, поэтому кому-то может быть тяжело сразу вести диалог во время занятий. В этой связи, преподаватель даёт понять, что способности в языке можно развить, главное не терять желание. Кроме этого, преподаватель адаптирует язык своего тела и манеру преподавания, чтобы расположить аудиторию к себе, захватить её внимание и не позволять этому вниманию расплыться. Немаловажным является получение обратной связи от студентов, где им было тяжело, что непонятно, где нужны дополнительные комментарии со стороны

преподавателя. В такой ситуации преподаватель должен быть готов и к конструктивной и уместной критике, так как процесс обучения является двусторонним. Таким образом, сразу становится ясно, как ты можешь поддержать студентов, что можно улучшить в твоём подходе, что работает хорошо, что мешает тебе получить результат, что мешает студентам двигаться вперед.

Разумеется, преподаватель, как локомотив процесса обучения, должен сохранять позитивный настрой, передавать его учащимся, тем самым стимулируя их интерес к учебе. В этом же качестве он чётко определяет задачи и ожидаемый результат для студентов, давая понять, что вместе с ними будет отслеживать достижения поставленных целей.

На современном этапе развития преподавательской деятельности набирает обороты подход, согласно которому предмет даётся через призму интересов студента, что дает возможность погрузить его в более благоприятную для него среду и уже через неё изучать язык. Учащиеся в результате эффективной коллаборации становятся критиками, «собираемыми ссылок», соавторами материалов [7], т.е. активными участниками процесса обучения.

В нынешней экономической реальности важно помочь студентам осознать, что образование в целом должно восприниматься как нескончаемый процесс и становится основным двигателем карьеры и предпосылкой возможности множественных профессиональных сценариев в течение всей жизни. Это определяет главное изменение сегодняшнего времени — учиться нужно непрерывно [9].

Роль преподавателя не может оставаться ограниченной рамками традиционной коммуникации знаний от учителя к ученику. Теперь это и наставник, и руководитель, и исследователь, и даже «тинэйджер».

В качестве наставника, он создает плодотворную, благоприятную для обучения атмосферу, где ничего не отвлекает от процесса занятий. Более того, преподаватель развивает чувство уверенности в себе, если студент не может сразу выполнить задание, то наставник подбадривает его, давая понять, что небольшая неудача не означает, что не стоит приходить на занятия. Таким образом, преподаватель учит позитивно воспринимать критику или негативную оценку, не замыкаться в себе, когда тебе что-то непонятно. В качестве наставника он входит в положение студента, понимая, как трудно учиться. Так, он выражает свою готовность им помогать. Помимо этого, преподаватель говорит, что не стоит бояться совершать ошибки, через исправление которых они вместе придут к нужному результату. Преподаватель-наставник — это ещё и соратник студента, разделяющий общие цели процесса обучения.

Говоря о роли преподавателя как руководителя, мы можем с уверенностью сказать, что он формулирует цели и задачи, определяя перспективы дальнейшей работы. В дополнение к этому он составляет план работы, в котором чётко определено, что за чем следует, тем самым контролируя образовательный процесс, вовремя корректируя его и постоянно поддерживая интерес к изучаемому предмету, в данном случае к арабскому языку. Преподаватель принимает результаты проделанной работы, знакомится с ними и дает оценку. Такая оценка может быть как позитивной, так и негативной. Однако критерии оценки должны быть понятны студенту. Транспарентность подхода преподавателя-руководителя в данном вопросе будет являться частью мотивации, которая при негативном результате не исчезнет, а при позитивном только усилится. Любые крайности в комментариях и пояснениях могут навредить процессу обучения. Таким образом, не стоит только критиковать, говорить, что всё неправильно, не указывая на конкретные недоработки. Так мож-

но отбить любое желание что-либо делать. Кроме этого, не стоит и чрезмерно хвалить, существенно выделять среди других. Есть риск, что самооценка студента неоправданно повысится, стимул прилагать усилия в дальнейшем и всегда быть готовым к уроку может исчезнуть. Разумная мера при оценке — это то, к чему стремится преподаватель-руководитель.

Преподаватель-исследователь в первую очередь обладает богатым опытом в области изучения и преподавания языка, поэтому он остается всегда открытым для нового. Своим примером демонстрирует, что нужно не останавливаться в собственном развитии, не ставить точку в собственном образовании.

Необходимо также отметить, что преподаватель-исследователь способствует созданию атмосферы равного диалога, рассматривает предложения студентов, принимает их точки зрения, включает наиболее интересные в процесс обучения.

Роль «тинэйджера» одна из самых сложных ролей, преподавателю придётся совместно с учениками определить разумный баланс между человеческими и технологическими компонентами процесса обучения. При этом преподаватель — это своего рода технологический «тинейджер», который понимает и применяет цифровые технологии в процессе обучения как активный пользователь (знания системного администратора при этом не требуются), активно интересуется технологическими новинками и их возможностями, изучает опыт использования при обучении другим предметам, чтобы идти в ногу со временем, может поддерживать разговор на технологические темы, применяя терминологию, используемую студентами. Преподаватель должен разъяснить, что любое технологическое средство или ресурс — это всего лишь «деловой» партнер, но человека и человеческое общение он заменить не может.

Не стоит позволять технологическим компонентам контролировать и определять жизнь человека, преподаватель в роли тинейджера должен научить студента не позволять впадать в зависимость от технологий.

Всё это многообразие ролей в процессе обучения позволяет преподавателю поддерживать их интерес к арабскому языку, мотивировать учиться и показать, что они должны уметь, абстрагировавшись от уже изученного, быть открытыми к новому. Ведь всегда есть что-то новое, что нужно узнать и сделать. При этом он сам будет у них учиться, чтобы не стоять на месте, а развиваться и двигаться только вперёд, подтверждая слова Омара Хайяма, великого персидского поэта и философа:

«Я — школяр в этом лучшем из лучших миров.

Труд мой тяжек, учитель уж больно суров.

До седин я у жизни хожу в подмастерьях,

Всё ещё не зачислен в разряд мастеров».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордашников В.А., Осин А.Я. Образование и здоровье студентов медицинского колледжа. — М.: Академия естествознания, 2009.
2. Онищук М.Н. Особенности формирования навыков арабского письма на начальном этапе // Актуальные проблемы арабской филологии: сб. науч. трудов: к 125-летию со дня рождения Х.К. Баранова и К.В. Оде-Васильевой. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — С. 193-195.
3. Райзберг Б.А. Современный социоэкономический словарь. — М.: ИНФРА-М, 2012. — С. 288-289.
4. Тюрева Л.С. Интерференция русского языка при изучении арабского // Актуальные проблемы арабской филологии: сб. науч. трудов: к 125-летию со дня рождения Х.К. Баранова и К.В. Оде-Васильевой. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — С. 84-111.

5. Salmons J, Wilson L, editors. Handbook of Research on Electronic Collaboration and Organizational Synergy/ IGI Global, 2009. 1026 pp. [Электронный ресурс] \ Режим доступа:
6. Васильев В.В. Ахмад Заки – родоначальник пунктуации в арабском языке. [Электронный ресурс] / Режим доступа:
<https://vostokoriens.jes.su/s086919080004473-7-1/>
7. Максименкова О.В., Незнанов А.А. Коллаборативные технологии в образовании: как выстроить эффективную поддержку гибридного обучения? [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollaborativnye-tehnologii-v-obrazovanii-kak-vystroit-effektivnyu-podderzhku-gibridnogo-obucheniya/viewer>
8. Большой словарь русского языка. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.dict.t-mm.ru/all/motivastciya.html>
9. Почему умение непрерывно учиться — ключевой навык человека будущего: РБК Тренды (rbc.ru). [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e7a66369a794784ea1772ee>

О социально-политическом концепте мифологизма в арабских литературах XX века

С конца XIX–начала XX в. мифологизм становится весьма заметным явлением в разных арабских литературах (египетской, сирийской, ливанской, позже иракской, палестинской и др.), причём как в прозе, так и в поэзии и драматургии. Вместе с тем западная ориенталистика не уделяет должного внимания данной теме, сосредоточиваясь в основном на мифологических мотивах в произведениях таких авторов, как Т. Манн, Ф. Кафка, Дж. Джойс и др.¹

В арабском литературоведении существует всего лишь одна монография Н. Аль-Азма «Возвращение Иштар из подземного мира» [9], в которой автор перечисляет произведения подобного рода, как прозаические, так и драматические и поэтические, описывая, прежде всего, их содержание. Кроме того, он включает и переводы эпоса на арабский язык. В отечественном литературоведении рассматривается преимущественно мифологизм в западноевропейских литературах, как, например, в глубоком фундаментальном исследовании по этому поводу Е.М. Мелетинского [6]. Некоторые наблюдения по мифологизму в арабской поэзии содержатся в книге Б.В. Чукова [7]. Описывая поэтическое движение «таммузианцев», он обращает внимание на то, что в их творчестве «в символической форме выражена концепция воскресения человека, возрождения общества и цивилизации» [7, с.139]. Анализу некоторых произведений арабского мифологизма посвящён ряд наших публикаций [1-5 и др.].

---

¹ Подробная библиография по этому поводу содержится в книге Е.М. Мелетинского [6, с. 386-390].

Исследуя данное явление, мы выяснили, что мифологические мотивы и мифонимы, которые встречаются в произведениях арабских авторов (как христианских, так и мусульманских) относятся к различным мифологическим комплексам (шумеро-вавилонскому, древнесирийскому, древнеегипетскому, библейскому, древнеаравийскому).

До настоящего времени, исследуя произведения подобного рода, мы обращали внимание в большей степени на морально-нравственный дискурс их проблематики, полагая, что обращение к мифологизму позволяет авторам, абстрагируясь от социально-политических событий и религиозных представлений современного им общества, размышлять над глобальными проблемами бытия, некими этическими универсалиями, свойственными человечеству вообще.

Вопрос о социально-политической мотивации мифологизма до сих пор не привлекал внимания исследователей. Цель настоящей статьи — восполнить данный пробел, предпринимая попытку проследить реализацию социально-политических проблем в рамках произведений мифологизма. Актуальность изучения обращения современных авторов к мифологизму как форме художественного освоения мира, оперирующей универсальными категориями развития человечества, представляется достаточно очевидной, учитывая тот факт, что в XX в. при режиме авторитаризма, развитом в большинстве арабских стран, а также наличии института цензуры, далеко не каждый автор имел возможность откровенно выражать свое мнение по тому или иному поводу.

В произведениях арабских авторов достаточно часто известный мифоним используется для обозначения некой царственной особы. Так,

в пьесе А.А. Бакасира² «Осирис» (1959) это презентованные как цари Египта бог Осирис, затем бог Сет, убивший Осириса и завладевший его тронном, и, наконец, сын Осириса Хор, вернувший себе полагающуюся ему по праву наследования власть в стране [12]. Те же персонажи присутствуют и в пьесе Т. аль-Хакима³ «Исида» (1955) [14], за тем исключением, что Сет фигурирует под именем Тайфун⁴. В пьесе А.А. Бакасира «Харут и Марут» (1962) [11] — Илат, царица Вавилона, в пьесе Н. аль-Азма⁵ «Урук ищет Гильгамеша» (1986) [10] — Гильгамеш, мифопоэтический герой, правитель города-государства Урук, в пьесе Г. Канафани «Дверь» (1964) [15]⁶ — царь Шаддад, строитель Ирама многоколонного и т. п.

---

²Али Ахмед Бакасир (1910–1969) родился в индонезийском городе Сурабая. Ещё в детском возрасте родители отправили его на свою родину в Йемен, в город Сайвун (провинция Хадрамаут) с тем, чтобы он получил традиционное образование и воспитание. Там он изучал Коран, основы теологии и стихосложения. В 1934 г. обосновался в Египте, где окончил факультет гуманитарных наук в университете Фуада I по специальности «английский язык» (1939) и педагогический институт (1940). Работал преподавателем в школах Эль-Мансуры и Каира, затем перешёл в Департамент по цензуре художественных произведений в министерстве культуры. Получил признание как поэт, а также как драматург и прозаик.

³Тауфик аль-Хаким (1898–1987) — один из самых известных египетских писателей XX в., автор многочисленных произведений, значительную часть которых составляют пьесы. Драматургии Т. аль-Хакима посвящена монография К.О. Юнусова [8], однако рассматриваемая нами пьеса «Исида» не привлекла внимание исследователя.

⁴Тифон, также Тифоей (др.-греч. Τυφὼν, Τυφωεύς, Τυφός, Τυφάων), — в древнегреческой мифологии могущественный и чудовищный великан. В античном мире происходило не только сближение древнегреческих и древнеримских верований, но и древнеегипетских. Тифона отождествили с убийцей Осириса, Сетом. Поэтому и в арабском языке существует два мифонима для этого бога.

⁵Назир аль-Азма (р. 1930, Дамаск) — сирийский поэт, прозаик, драматург, литературовед. Окончил гуманитарный факультет Дамасского университета. Получил учёную степень доктора филологии в США, преподавал в университетах США, Марокко, а также в университете короля Сауда в Эр-Рияде. Печатается с нач. 50-х гг., автор девяти поэтических сборников, а также ряда литературоведческих исследований.

⁶Гассан Канафани (1936–1972) палестинский писатель и политический деятель. Автор повестей, романов и пьес, а также публицистических статей.

В таком случае и авторская интерпретация известного мифологического сюжета выходит на реконструкцию вполне определённой, и в то же время имеющей универсальное значение парадигмы власти, реализующейся в основных системах взаимоотношений: правитель – народ, народ – суд, правитель – суд, правитель – армия.

И, соответственно, в каждом из данных произведений возникает социально-политический концепт. Так, правитель либо добрый, благородный, великодушный, заботящийся о своем народе (Осирис А.А. Бакасира), либо притесняющий народ несправедливый деспот (Сет А.А. Бакасира, Киш Н. аль-Азма, правитель соседнего с Уруком государства), либо погрязший в разгульных оргиях (Сет и Илат), либо не пекущийся о своём государстве в силу непреодолимых обстоятельств (Осирис Т. аль-Хакима, Шаддад, Гильгамеш). Многочисленные дворцовые интриги подчинены одной цели — борьбе за власть и влияние, что является для любого по сути государства некоей политической константой, приобретающей в произведениях мифологизма универсальное звучание.

Собирательный образ народа представлен в произведениях простыми людьми, пришедшими к правителю или его представителям с жалобами (в пьесе «Осирис»), слугами, хорошо разбирающимися в делах своих господ и являющимися своеобразными ретрансляторами положительной или отрицательной информации о жизни и привычках правителя («Осирис», «Урук ищет Гильгамеша», «Исида» и др.). Проблемы у народа — общие: нищета, непомерные налоги, притеснения властей и т. п. Они также универсальны, то есть свойственны практически любому обществу (и не только восточному).

Особую роль собирательный образ народа играет в пьесе Т. аль-Хакима «Исида». Прежде всего, стоит отметить, что автор вообще нарочито «снижает» сценический уровень действия, переводя его развитие из двор-

цов — подходящего места пребывания царственных особ (в отличие от А. А. Бакасира, где действие разворачивается преимущественно в соответствующем антураже), — на берег Нила, в заросли папируса и тростника, на рыночную площадь, в деревни и сельскую местность. Исида и Осирис обитают в маленьком домике на берегу Нила, в другом таком же жилище Исида обитает с Хором уже после смерти Осириса. Максимум, что позволяет Т. аль-Хаким из воспроизведения атрибутов царской власти, — это две сцены перед дворцами (II действие, сцена 1: перед дворцом царя Библоса; III действие, сцена 3: перед дворцом Тайфуна), но опять-таки, основные события происходят на площади. И во всех таких сценах присутствуют представители «демократических» слоёв населения: крестьяне и/или крестьянки, два деревенских подростка, моряки, стражники и т.п. Причём они все не названы, как бы «обезличены», например: «первая крестьянка» — «вторая крестьянка», «первый моряк» — «второй моряк», «первый стражник» — «второй стражник» и т.д. Большинство этих персонажей имеет одну определённую функцию: их диалог связан с развитием сюжета, а не с ретрансляцией характеристик царствующих особ (как у А.А. Бакасира). Примером могут служить диалог Исида с подростком, видевшим, как Тайфун и его люди спустили в Нил «красивый сундук» [14, с.19-21], её разговор с моряками, рассказавшими героине, что их коллеги, которые плыли в Библос, выловили сундук из моря [14, с. 21-23].

О гибели Осириса Исида также сообщает крестьяне (II действие, 2 сцена). Эпизод начинается с того, что Мустат (человек-Скорпион из свиты Тота, помогающий Исида) приводит Тота к её дому. Она отказывается принять гостей в доме, так как маленький Хор уснул после укуса скорпиона, и вся сцена проходит перед домом. Исида предчувствует недоброе, и её интуиция не подводит её. Дальнейшее развитие действия предвещает авторская ремарка:

(Слышатся голоса приближающихся людей... затем появляется запыхавшийся крестьянин... за ним — группа крестьян в молчании и скорби).

Крестьянин (колеблясь). Где... где жена Зелёного человека?

Исида (всё время молчавшая [во время диалога Мустата и Тога — И.Б.], резко встает). Что случилось с ним?

Крестьянин. Ты его жена?

Исида. Да, говори, что случилось с ним?

Крестьянин. Крепись, моя госпожа...

Исида. Что случилось с ним??

Крестьянин (показывает на другой берег). Мы были там... И он был с нами, показывал нам, как избавляться от сорной травы... И вдруг несколько солдат приплыли на лодке и спросили о нём, и он вышел к ним, и тогда...

Исида (терпеливо). И тогда... что?

Крестьянин (смотрит на неё, затем на пришедших с ним крестьян, нерешительно). И тогда они забрали его...

Исида. Куда забрали?

Крестьянин. На их лодки...

Исида. А потом?

Крестьянин. Увезли его...

Исида. Увезли его... живым?

Крестьянин (нерешительно, запинаясь). Да...

Исида (смотрит на него в упор). Ты лжёшь...

Крестьянин. Но так всё и произошло...

Исида. Это не всё, что произошло. Скажи правду! Правду!.. Скажи мне правду... скажи мне правду...

Крестьянин (оглядывается на стоящих за ним крестьян, колеблясь, как бы прося помощи). Сказать?

Исида. Говори...Что они с ним сделали?

Крестьянин (опустив голову). Они убили его!

Исида (шёпотом, инстинктивно). Они убили его!

Крестьянки (из тех, кто пришёл вместе с группой крестьян, плачут и кричат). Да...Они убили его...Закололи его...

Исида (инстинктивно). Они закололи его!

Крестьянин. На наших глазах... своими кинжалами...

Крестьянки (рыдая). И разрезали его на куски.

Крестьянин. Да, они разрезали его на куски, на мелкие куски... И положили каждый кусок в мешок. Они отнесли мешки в свои лодки и уплыли на юг.

Исида (закрывая глаза и стараясь сдержаться...). На юг.

Крестьяне. Мы кричали на них, пытались помешать, но они направили на нас копыя.

Крестьянки (плача и причитая). Да, они убили его, убили доброго человека, Зелёного человека... Не зазеленеют у нас ветви после него... Не появятся стебли...И высохнут на земле источники... И не высохнут наши слезы по нему ...

Исида (приходит в себя и пытается освободить свои руки и оттолкнуть от себя [Мустата и Тота — И.Б.] в полубезумном состоянии, кричит хриплым голосом, похожим на предсмертные хрипы). Мой муж... Мой муж! [14, с. 41-42].

Мы привели одну из самых эмоциональных сцен произведения с небольшими купюрами, преследуя несколько целей. Во-первых, по такому принципу строится вся пьеса, — то есть основные события передаются через третьих лиц. Во-вторых, она показательна для стилистики

языка Т. аль-Хакима, использующего исключительно литературный язык и достигающего передачи динамики событий путём максимально лаконичных реплик героев.

Кроме функции передачи событий, происходящих, как бы «за сценой», «народные» персонажи позволяют автору развивать основные идеи произведения. Уже первый полилог пьесы выявляет определённую социальную проблему — незащищённость «демократических» слоёв населения перед властями предрержащими. Так, пьеса начинается с того, что несколько крестьянок, отправившихся на заре на рынок, встречают свою возвращающуюся с рынка знакомую, которая отговаривает их продолжать путь, предупреждая о том, что Староста (Sheikh al-baladyia) отбирает у всех на рынке их незамысловатые товары. Из этой и нескольких последующих сцен становится понятным, что речь идёт о жизни бедняков, которые стараются использовать возможность что-нибудь купить или хотя бы обменять что-то из своего незатейливого имущества на продукты.

Обращает на себя также внимание тот факт, что все эти «народные» персонажи удивительно наивны и простодушны. Впервые читатель-зритель сталкивается с подобной реакцией в сцене 3 (I действие). Староста, который в принципе работает на Тайфуна и принимает непосредственное участие в процедуре сталкивания сундука с телом Осириса (причём живого) в Нил, успокаивает Тайфуна, убеждая его, что он знает, как поступить далее. На следующий день он собирает крестьян и обращается к ним с речью: «О жители деревни! Я уже приходил к вам вчера со счастливым известием о том, что на престол взошел новый царь. Наш любимый царь Тайфун... Я вам сообщил уже эту радостную весть и сейчас снова сообщаю вам о том, что наступила эпоха благоденствия и безопасности. Когда правил покойный царь, вы жаловались, что

у вас всё отбирают. Теперь у вас будут отбирать только половину того, что вы отдавали. Будьте уверены, Тайфун будет заботиться о вашем благоденствии и устраивать ваши имущественные дела. Скажите вместе со мной “Победа Тайфуна!” Жители деревни: “Победа Тайфуна!”⁷ — с готовностью повторяют крестьяне» [14, с. 13]. Далее Староста приступает к дискредитации (априори) Исиды: «Сейчас я пришёл сообщить вам и предостеречь вас. По деревням ходит сумасшедшая женщина-колдунья. Закрывайте двери перед ней, потому что она тащит за собой шлейф злополучия и бед. Скажите вместе со мной: “Изгнать сумасшедшую!” Жители деревни послушно повторяют: “Изгнать сумасшедшую!” Староста: “Пусть сгинет злосчастливая!” Жители деревни: “Пусть сгинет злосчастливая!”» [14, с. 14].

В следующем эпизоде крестьяне обсуждают услышанное:

Житель деревни (другому). Раньше староста никогда не говорил с нами.

Другой житель деревни. И никто не приходил к нам, чтобы извести о благополучии, которое нас ждёт.

Первый житель деревни. Неслыханно, это счастливая эпоха.

Второй житель деревни. Ты слышал, он сказал, что уменьшит нам плату по сравнению с тем, что мы платили раньше.

Первый житель деревни. Да... Мы жили в эпоху растерянного царя, а теперь...

Второй житель деревни. А теперь всё изменилось. У нас теперь появился бдительный царь, который будет оберегать наше спокойствие и наше имущество [14, с. 14].

Из приведенного диалога очевиден уровень наивности местного населения. Эти крестьяне сразу и безоговорочно верят человеку, кото-

---

⁷ Здесь и далее – перевод наш – И.Б.

рый их притеснял, и готовы в одночасье забыть благородного Осириса и принять на самом деле не отличающегося высокими моральными качествами Тайфуна только потому, что им сказал об этом человек, которому по идее они не должны бы доверять.

Особый интерес в свете рассматриваемой проблемы имеет финальная сцена пьесы — сцена суда. Так, перекупленный Исидой Староста (она пообещала половину своих драгоценностей, которыми завладел Тайфун, так как она отправилась на поиски мужа и больше не возвращалась во дворец) должен был контролировать ситуацию. С одной стороны, он не дал бы Тайфуну расправиться с вызвавшим его на поединок Хором, посоветовав правителю «наказать его по-другому», с другой — должен был настроить толпу соответствующим образом.

Староста. Этот юноша, несомненно, перед тем как бросить тебе вызов, распространил слух, что он — сын Осириса, как он утверждал тебе сейчас. Возможно, нашёлся тот, кто ему поверил. И если ты сейчас собственноручно убьёшь его, то пойдет молва, что ты убил сына Осириса, чтобы лишить его права на трон, который должен принадлежать ему. И если среди людей пойдут подобные слухи, то могут возникнуть трудности, которых мы не хотим, и приведут они к нежелательным для нас результатам.

Тайфун. И правда, а я не сообразил.

Староста. Зато я сейчас сообразил.

Тайфун. Итак, ты думаешь...

Староста. Я думаю, что лучшая политика — предать этого юношу суду... перед народом.

Тайфун. Чтобы он перед людьми показал, что он самозванец...

Староста. Да. И тогда ты увидишь, как сам народ приговорит его к смерти.

Тайфун (хитро улыбаясь). И смысл этого приговора, конечно...

Староста (с такой же хитрой улыбкой). И смысл этого приговора народа — это полное подтверждение твоего законного права на царство. [14, с. 51].

Не получив от Тайфуна соответствующего вознаграждения за свою «сообразительность», Староста в финальной сцене пьесы, действие которой разворачивается перед дворцом Тайфуна на площади, заполненной народом, выступающим в качестве «состава суда» (*há'u tu l-máhkama*), приступает к реализации своего замысла. Приведём эту сцену в сокращении. Авторская ремарка, предваряющая сцену, определяет расстановку её основных персонажей: «Хор — между двумя стражниками, рядом с ним стоит Тот, за ним Исида. Напротив них — Тайфун, за ним — несколько человек из его свиты. В это время староста начинает «рыскать» (*vajússu*) среди народа» [14, с.52]. Сцена начинается заявлением Тайфуна.

Тайфун (кричит). О юноша! Понимаешь ли ты, что народ будет судьей между мной и тобой?

Хор. Это то, чего я желал...

Тайфун. Итак, слушайте люди, что произошло. Этот юноша поднял на меня оружие и хотел меня убить... [14, с. 52].

В диалог вмешивается Тот, пытаясь защитить Хора.

Тайфун. Прежде всего, ты отрицаешь, что этот юноша пошёл на меня с оружием. Разве ты отрицаешь этот факт?

Хор (кричит). Да... Я поднял на тебя оружие! Это — мой долг!

Тайфун. Вы слышали, люди? Он признался... А вы знаете, что значит поднять оружие на своего царя? Это — мятеж. Это — его первое преступление..., и он подтвердил его своим признанием... И нет необходимости в доказательствах... [14, с. 53].

Свита Тайфуна старается направить ход событий в нужное русло репликами: «Наказание мятежнику! Смерть мятежнику!». Однако Староста призывает её к молчанию, аргументируя тем, что «это — не голос народа». Тогда Тайфун обращается к народу, который соглашается с ним в том, что Хор признал свою вину. Хор, Тот, Исида пытаются доказать, что целью Хора было не убийство Тайфуна, а поединок с ним как месть за убийство Осириса. Окончательно склонить народ на сторону Хора удаётся только прибывшему царю Библоса, которому народ верит. При этом реплики Старосты направлены на то, чтобы «настроить» народ соответствующим образом.

Получается, что так называемый «народ» Т. аль-Хакима — это некая толпа, которой очень легко манипулировать, что успешно осуществляют заинтересованные люди, в данном случае — Староста (преследуя при этом собственные корыстные цели). Осмелимся предположить, что писатель, обладая даром творческого провидения и хорошо знающий психологию соотечественников, во многом предвосхитил события «арабской весны» в Египте, так как совершенно очевидно, что манипуляции определённых сил сыграли не последнюю роль в цветных революциях в арабских странах. На самом деле, это не единственный пример в истории литератур Востока.⁸

Таким образом, гипотетический народ выступает в трёх ипостасях: через реакции простых людей оценивается состоятельность Осириса как правителя, непосредственно участвующего в хозяйственной деятельности; как структурный элемент — диалоги обезличенных крестьян, моряков, стражников, через которые идёт развитие сюжетной линии;

---

⁸ Поневоле возникает параллель с китайским писателем XX в. Лао Шэ (1899-1966) и его романом «Записки о кошачьем городе» (1932), где он, по существу, предвосхитил события «культурной революции» в Китае (1966-1976), по иронии судьбы став одной из первых её жертв.

как судью и непосредственного участника судьбоносных событий в жизни государства.

В этой связи трудно согласиться с Фатимой Афкир, защитившей в 2014 г. диссертацию на тему «Образ Египта в творчестве Тауфика аль-Хакима» в университете М. де Монтеня в г. Бордо (Франция), которая утверждает, что обращение к мифу об Осирисе позволяет писателю развить социально-политические идеи по поводу того, «сможет ли египетский народ однажды подняться и, объединившись, выступить против зла и несправедливости, чтобы обрести свободу и мир» [16, с. 246]⁹. На наш взгляд, изображенный в пьесе «народ» не даёт оснований для подобного вывода. Скорее, писатель решает вопрос о том, могут ли быть использованы хорошими людьми достаточно аморальные средства для достижения власти, в чём, собственно, он сам признается в кратком «Объяснении» (*Bayan*), которым он завершает публикацию пьесы, в частности, решая эту проблему на образе Исиды [14, с. 62]. Хотя мы допускаем возможность того, что произведение могло быть воспринято в момент его появления как выражающее «революционный энтузиазм» масс ввиду финальной сцены, когда толпа поднимает нового правителя Хора и несёт его на руках [14, с. 59]. В исследовании К.О. Юнусова по поводу «Исиды» приведено следующее высказывание Т. аль-Хакима: «Сила народа, подобна солнечным лучам. Когда народ разобщён, он бессилен. Но коль скоро он объединится и сплотится, он сможет выполнить своё дело» [8, с. 89]. Однако, эта цитата не из произведения, а из послесловия к нему [14, с. 61], т.е. она скорее отражает размышления писателя постфактум, что, на наш взгляд, не нашло воплощения в самой пьесе.

---

⁹ <http://www.theses.fr/2014BOR30059> (10.012021)

Небезынтересен также образ Хора как правителя, наследующего Осирису. Если у А. А. Бакасира Исида при помощи Тахота Мудрого (в нём совмещены два мифологических прототипа: Тот — древнеегипетского бога мудрости, знаний, покровителя учёных, библиотек и т.п. и Гермеса Мудрого — божества семитского происхождения, позже вошедшего в греческий пантеон) и Хамоса (мифоним, восходящий к наименованию западно-семитского божества, часто изображаемого с атрибутикой воина) воспитывает сына, как самого благородного и сильного мужчину в вади, который в честном поединке побеждает Сета, и таким образом, он может считаться воплощением мечты об идеальном правителе, то у Т. аль-Хакима — противоположная история. Хор пробирается ко дворцу Тайфуна, пытается вызвать последнего на бой, но оказывается схваченным стражниками, и от тюрьмы его спасает, по существу, неблагоприятный поступок матери и появление царя Библоса (при содействии Тота), рассказавшего толпе на площади о первой попытке Тайфуна убить Осириса, после чего тот оказался в Библосе. В этом случае представляется весьма сомнительной способность Хора стать хорошим правителем. Вообще тема наследования власти представляется весьма непростой для всего Арабского мира, в частности, в тех государствах, которые являются республиками. Вслед за мудрым Хафезом Асадом, которому такая попытка удалась, определив появление в дальнейшем в арабском языке такой эмоционально окрашенной с явной негативной коннотацией лексемы как «*jumhukīyya*»¹⁰ — сращение слов «республика» (*jumhūrīyya*) и «королевство» (*mamlaka*), подобные чаяния наблюдались и у Хосни Мубарака,

---

¹⁰ В арабском языке не так часто появляются подобные сращения. Так, в начале 2000-х гг. М. Каддафи выступил с инициативой объединения Палестины и Израиля в одно государство под названием «*Isratīn*». В качестве литературного примера такого рода можно привести имя героя романа палестинского писателя Эмиля Хабиби (1921-1996) — Sa'īd abu n-Nahs al-Mutasha'il, составленного из лексем «оптимист» (*mutafa'il*) и «пессимист» (*mutasha'im*).

и у Абдельазиза Бутефлики, что во многом поспособствовало бесславному завершению их президентства. Справедливости ради надо отметить, что в Сирии к «престолонаследию» готовили не Башара, а Базиля Асада, трагически погибшего в автомобильной катастрофе в 1994 г. ещё при жизни отца, но до сих пор пользующегося популярностью среди сирийцев¹¹.

Возможно, явно слабый Хор Т. аль-Хакима — образ, заставляющий читателя-зрителя задуматься на тему преемственности власти в постреволюционном Египте, а также оправдание в какой-то степени выступления Свободных офицеров, положившего конец правящей династии в Египте.

Особый интерес представляет институт суда, фигурирующий практически в каждом из рассматриваемых произведений. В пьесе «Осирис» — это Верховный суд, запуганный Сетом и поддерживающий незаконный захват им власти; в пьесе «Урук ищет Гильгамеша» — суд жрецов, приговаривающий к смертной казни Тансун — мать Гильгамеша, чтобы искоренить всё, что связано с правителем Урука. В Вавилоне, где разворачивается действие пьесы «Харут и Марут», судей вообще выбирают по принципу внешней привлекательности (поэтому ими и становятся два падших ангела), и, соответственно, они судят людей, руководствуясь исключительно своими симпатиями и основываясь на красоте внешних данных участников судебного процесса. Общие принципы, лежащие в основе деятельности подобного суда, — коррумпированность, слабость, нежелание вникнуть в суть дела и поддержка власть имущих — опять-таки определённые константы, свойственные многим

---

¹¹ Однако торжественно открытый достаточно помпезный музей Базиля Асада в ноябре 2020 г. в стране, переживающей жестокий экономический кризис с беспрецедентным падением местной валюты, хлебными очередями, безработицей, да ещё и в период пандемии, вызвал далеко не однозначную оценку в сирийском обществе.

обществам, и в первую очередь, ближневосточным. «Суд народа» в пьесе Т. аль-Хакима стоит несколько особняком в этом ряду, по существу, не являясь судом как таковым, а, скорее, подобием митинга, лишь отдалённо ассоциируясь с соответствующим мифологическим мотивом.

Вместе с тем, в исследуемых произведениях достаточно часто можно обнаружить и аллюзии некоторых политических событий, происходящих в странах, где находятся авторы, непосредственно в процессе их работы над произведением или немного ранее.

Так, пьеса Н. аль-Азма «Урук ищет Гильгамеша» была опубликована в 1986 г., и история Гильгамеша Назира аль-Азма достаточно очевидно «накладывается» и на внутривосточные события в начале 80-х гг. в Сирии, когда имел место так называемый «кризис наследования» [17]. Тогда болезнью Хафеза Асада попытался воспользоваться известный в сирийском обществе как «символ коррупции» его брат Рифат, чтобы реализовать свои президентские амбиции. Однако сирийский президент достаточно быстро пришёл в себя, а его брат был выдворен из страны, прижившись во Франции. Возможно, это обстоятельство нашло отражение и в самом названии пьесы, государство (в данном случае Урук) осталось на какое-то время практически без сильного правителя, погружённого в свои «размышления».

Анализируя образ Сета из пьесы «Осирис» [5], мы подчёркивали черты, объединяющие данный персонаж с его мифологическим прототипом в плане творимых злодеяний (убийство Осириса и др.). Однако в пьесе Сет позиционировался как страшный ловелас, признающийся в любви и Исиде (жене Осириса), и своей собственной жене Нефтиде, и пристающий к служанкам, тогда как мифологический Сет известен прежде всего любовью к Исиде. Пьеса «Осирис» была написана в 1959 г., через семь лет после сверже-

ния последнего короля Египта Фарука I, и, по всей видимости, образ Сета А.А. Бакасира является аллюзией на исторический облик последнего короля Египта, основные претензии населения в отношении которого сводились, наряду с коррупцией, и к его многочисленным любовным похождениям.

В пьесе «Харут и Марут», написанной тем же автором в 1962 г., придворные царицы Илат и её ближайшие родственники также погрязли в оргиях, устраивая бесконечные праздники. Элита Вавилона — царица Илат, Баал, муж Илат, Узза, сестра Илат, Яук, муж Уззы — любят празднества с музыкой и вином, сёстры соперничают между собой по откровенности нарядов, стараясь выставить свою красоту напоказ, и, кроме того, Узза пытается соблазнить Баала, а Яук — Илат. В результате получается, что общая атмосфера Вавилона, воссозданная в пьесе, намекает также и на двор короля Фарука I.

В пьесе Т. аль-Хакима образ Тайфуна (Сета) не очень разработан. Кроме его коварства и злодеяний по отношению к Осирису, он отличается патологической жадностью, что, в конечном счете, и использует Исида, перекупив лояльность Старосты.

Иногда автор прибегает к использованию мифологем в сугубо политических целях. Примером может служить пьеса палестинского поэта, писателя, публициста и драматурга Муина Бси-су «Самсон и Далила» (1970) [13], героиня которой, палестинка по имени Рим, потерявшая единственного сына и вступившая на путь борьбы за права своего народа, воспринимается не только соратниками, но израильским комендантом Самсоном как библейская филистимлянка Далила, погубившая мифологического героя. Данная аллюзия придаёт произведению оптимистическое звучание, как

бы предвосхищая грядущую победу палестинцев в борьбе за самоопределение и образование собственного государства.

Периодически в произведениях мифологизма современные проблемы арабского мира возникают в контексте произведения в концентрированном виде, как, например, в пьесе «Урук ищет Гильгамеша».

Во время исчезновения из города Гильгамеша и захвата власти жрецами, готовыми сдать город правителю Киша, последний отправляет свои требования к Уруку:

«Распустите армию, откройте путь для нас на запад через Урук. Преподавайте язык Киша в ваших школах. Освободите место для наших богов в ваших храмах. Введите в обращение наши деньги. Мы хотим уплату ежегодной подати, а также наши патрули безопасности в ваших землях. Иначе мы разрушим город, его стены и каналы, перекроем воду. Прекратим снабжение продовольствием, отравим воздух. И прежде всего мы требуем изгнания Гильгамеша из города» [10, с. 26 – 27].

Подобные требования вызывают у читателя, знакомого с ближневосточным политическим дискурсом вполне определённые ассоциации. Если внимательно посмотреть на эти требования, то, по существу, мы имеем дело с принципиальной, и опять-таки носящей универсальный характер программой порабощения одного государства другим, включающей политическую (роспуск армии, смещение правителя, патрули безопасности), экономическую (уплата подати) и идеологическую (преподавание языка, замена религии) составляющие. И программа эта имеет гораздо большее отношение к XIX–XX вв., нежели к мифологическому времени.

Внедрение «своего» языка, являясь необходимостью для любого завоевателя, преследует цель создать на покорённой территории «прослойку», а ещё лучше поколения людей, приобщенных к изначально чуждой культуре, на которых в дальнейшем можно опираться, причём это характерно для любой формы подчинения, как колонизации, так и мандатария и протектората. В новой и новейшей истории Ближнего Востока мы имеем массу подобных примеров (как, скажем, распространение французского языка в странах Северной Африки, в Сирии и Ливане, английского — в Египте, итальянского в Ливии и т.п.)¹². Второй аспект проблемы языка — неминуемая борьба местного населения за свой собственный язык, как государственный, так и языки меньшинств как гарантии сохранения национального самосознания, с чем непременно сталкиваются «пришельцы».

В произведении Н. аль-Азма находят отражение и совпадающие со временем написания пьесы обострение курдской проблемы («преподавание языка») и арабо-израильский конфликт («патрули безопасности»). Кроме того, вполне можно воспринимать как «пророческие» намёки автора на смещение арабских правителей («изгнать Гильгамеша») и беспрецедентная попытка использовать Сирию для нужд катарской экономики («путь на запад через Урук») — возникшие уже намного позже в процессе так называемой «арабской весны».

---

¹² Следует отметить, что в отечественной исторической литературе, особенно в советский период, как правило, недооценивалась роль распространения иностранных языков в покорённых государствах среди местного населения, как в плане индивидуального развития отдельных личностей, так и своеобразного «толчка» для модернизации общества, как, например, деятельность западных миссионерских школ в Сирии и Ливане, воспитавших поколения блестяще образованной интеллигенции, что стало основой такого явления, как арабское просветительство в последнюю треть XIX в.

Из приведённых примеров очевидно, что литература мифологизма вырабатывает своеобразный «эзопов язык», дающий возможность автору выразить свое отношение к происходящим событиям в завуалированной форме.

Таким образом, социально-политический концепт мифологизма реализуется в двух основных ракурсах: философском осмыслении идеи государства и его институтов, как правило, воплощающий мечту автора об идеальном государстве и правителе, а также в аллюзиях и реминисценциях современной автору политической ситуации в его стране, что сближает литературу мифологизма с художественной исторической литературой, часто использующей подобный прием практически во всех известных литературных традициях, однако в литературе мифологизма это происходит в более абстрактной форме, что и позволяет позиционировать произведение как некую универсалию, поднимающую проблемы, свойственные человечеству вообще и каждому конкретному обществу в частности. Видимо, это и является одним из основных мотивов, заставляющих современного автора обращаться к мифологическому материалу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Билык И.Е. Интерпретация мифологических мотивов в пьесе Назира аль-Азма «Урук ищет Гильгамеша» // Труды Института востоковедения РАН, вып.18. М.:2018. С. 207-225.
2. Билык И.Е. К вопросу об обращении к мифологическому материалу египетского драматурга Али Ахмеда Бакасира (на примере пьесы «Харут и Марут») // Арабский мир в потоке событий и времени. М.: ИВ РАН, 2016. — С. 382–397.

3. Бильяк И.Е. Обращение к мифологемам в произведениях арабских писателей XX века (на примере пьесы Гассана Канафани «Дверь» // Арабская филология-3: Сб. статей. М.: МГУ, 2008. — С. 72–93.
4. Бильяк И.Е. Опыт конструирования нового мифологического пространства в романе Михаила Нуайме «Книга Мирдада» // Вестник РГГУ. Серия «Востоковедение. Африканистика», 2009, №13/09. — 219–238.
5. Бильяк И.Е. Пьеса «Осирис» и интерпретация древнеегипетских мифологических мотивов // Труды института Востоковедения РАН, вып. 18, 2018. — С. 75–96.
6. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература РАН: Языки русской культуры, 1995.
7. Чуков Б. В. С веком наравне: история литературы в Иракском Королевстве и Иракской Республике. М.: ИВ РАН, 2006.
8. Юнусов К. О. Драматургия Тауфика аль-Хакима. М.: «Наука», 1976.
9. Al-Azma Nazeer. Audat Ishtar min al-alami-l-asfal (Возвращение Иштар из подземного мира). Dimashk: Manshuratdar Alaad-Din, 2014.
10. Al-Azma Nazeer. Uruk tabhath an Djilkamesh (Урук ищет Гильгамеша). Dimashk, 1986.
11. BakathirAliAhmed. Harut wa Marut (Харут и Марут). Al-Qahira: Dar MiSr li-Ttaba, 1981.
12. Bakathir Ali Ahmed. Osiris. (Осирис) Al-Qahira: Dar MiSr li- TTaba, б/г.
13. Bseiso Muin. Shamshun wa Dalila (Самсон и Далила). Al-Qahira, 1971.
14. Al-Hakim Tawfiq. Isis (Исида). Al-Qahira, 1955.
15. Kanafani Gassan. Al-bab. Beirut: Muassasa al-abhas al-arabya, 2001.

16. Afkir Fatima. L'Image de l'Égypte dans l'œuvre de Tawfiq al-Ḥakīm. Thèse de doctorat en cultures & sociétés dans le monde arabe et musulman. Université Michel de Montaigne Bordeaux 3 École Doctorale Montaigne Humanités (ED 480). Bordeaux, 2014.
17. Seale Patrick. Asad: The Struggle for the Middle East. University of California Press, 1990.

Коммуникативные роли арабской и русской языковых личностей

Материализуя мышление человека с помощью речи, язык является разновидностью поведения Homo loquens и выступает в качестве важнейшего средства человеческого общения, орудия индивидуального познания. Как отмечал Х.-Г. Гадамер, «человек, живущий в мире, не просто снабжен языком как некой оснасткой, – но на языке основано и в нём выражается то, что для человека вообще есть мир» [2, с. 512]. Следуя герменевтической философии, феномен речевой деятельности целесообразно рассматривать как часть человеческого бытия, которое, по Х.-Г. Гадамеру, само по себе является «языковым».

Но с каких бы позиций ни анализировалась речевая деятельность, в центре внимания учёных находится *языковая личность*, как человек, воспринимающий и порождающий высказывание, что находит своё отражение в развитии таких научных направлений современного языкознания, как когнитивное, прагматическое, коммуникативное, эмотиологическое, культурологическое и др. В связи с этим, актуальной стала идея создания общей научной методологии, совмещающей в себе самые современные и перспективные методы теоретического и экспериментального исследования явлений языка и речи, процессов речевого и неречевого общения.

Теория ролей, основоположниками которой считаются американский социальный психолог Дж. Мид и антрополог Р. Линтон, обобщившие результаты исследований европейских и американских учёных, занимавшихся изучением особенностей поведения человека и акцентирова-

ющих своё внимание на процессах межличностного взаимодействия, появилась в конце XIX в. в качестве одного из возможных подходов к изучению языковой личности.

Известно, что каждая языковая личность в процессе общения наделена коммуникативными, социальными и психологическими ролями, создающими вариативность речевых поступков коммуникантов. Коммуникативная роль, по Н.И. Формановской, определена позицией участников коммуникативного акта, исполняющих роли: 1) говорящего (адресанта); 2) слушающего (адресата); 3) косвенного адресата как активного участника общения; 4) наблюдателя как пассивного участника общения [18, с. 157]. При этом говорящий несёт в своих речевых поступках определённые мотивы и цели, выражая интенции, эмоции, оценки и отношения.

Речевое поведение языковой личности во многом зависит от объективных социально-экономических условий труда, в частности, разделения труда, что приводит к тому, что речевые действия перестают ограничиваться только обеспечением общения и приобретают теоретическую направленность. Рассматривая речевые действия в рамках коллективного общения, необходимо отметить, что речь может также использоваться в «несобственных» коммуникативных функциях, т. е. «не только для внутренней организации коллективной трудовой деятельности, но и для других целей, возникающих в межличностных взаимодействиях членов коммуникативной общности» [5, с. 55]. Высказывание коммуникантов формируется не только согласно фонетическим, лексическим и грамматическим правилам языка, но и в соответствии с интенциями участников речевого акта и коммуникативными условиями.

В этой связи важно подчеркнуть невозможность адекватного исследования речи вне рамок сложного процесса взаимного регулирова-

ния деятельности коммуникантами. На этом фоне усиление антропоморфности модели речевого акта стало главной тенденцией в социолингвистических и психолингвистических моделях речевого поведения, учитывающих социальные и психологические характеристики коммуникантов.

Роль слушающего заключается в принятии сообщения, декодировании его смысла в соответствии с когнитивными правилами, интерпретации подтекста, пресуппозиции, совершении импликаций. При этом реципиент субъективно интерпретирует значения знаков на основе владения языковой системой, целей, знаний, психологических установок, коммуникативного опыта, представления о действительности, а не просто реагирует на адресованные ему знаки [14, с. 23]. С позиции коммуникативных ролей различают прямо адресованный дискурс и опосредованный, адресаториентированный (прототипический) и адресантоориентированный (аутогенный) [19, с. 9].

Рассматривая указанную проблематику, необходимо отметить, что реализация речевого поведения арабофонов происходит в условиях языковой ситуации, именуемой «*диглоссией*», состоящей в одновременном функционировании в арабских странах генеалогически родственных, но типологически различающихся языковых систем – относительно единого в арабском мире литературного идиома, нормированного книжно-письменного арабского литературного языка (АЛЯ) и многочисленных региональных идиомов – некодифицированных арабских разговорно-диалектных языков (АРДЯ), отличающихся один от другого и служащих в качестве повседневного средства устного общения всех арабофонов в каждой отдельно взятой стране. При этом понятие «арабский язык» является обобщённым наименованием для всех форм существования языка арабов — АЛЯ и территориальных АРДЯ.

Речевое поведение русскоязычных коммуникантов реализуется в условиях социально-функционального доминирования русского языка над рядом других языков, что обусловлено его демографической и коммуникативной мощностью, высокой престижностью и безусловным господством во всех сферах общения. Русский литературный, язык как нормированная форма общенародного языка, стилистически неоднороден, основную его часть составляют элементы, употребляющиеся во всех формах общения. Кроме того, в отличие от арабской разговорной речи, типологически отличающейся от АЛЯ, русская разговорная речь близка к литературному языку по своим морфологическим, синтаксическим и лексическим характеристикам.

Рассмотрим и сопоставим исполнение коммуникативной роли говорящего и слушающего, реализуемой арабофонами и носителями русского языка в ситуациях повседневного общения.

Коммуникативную *роль говорящего* можно рассмотреть на примере эпизода из романа Н. Махфуза «السمان والخريف» (Осенние перепела), в котором главный герой Иса случайно встречается старого знакомого (АЛЯ):

– Добрый вечер, господин Иса, مساء الخير يا أستاذ عيسى، أو صباح
 хотя лучше сказать, доброе утро! Смотрите
 рите, ещё немного – и ночь кончится! الخير فقد انتصف الليل منذ دقائق!

Иса взглянул на соседа, едва освещённого слабым светом уличного фонаря, и холодно ответил: رفقہ بنظرة باردة على ضوء مصباح غير
 قريب وقال:

– Доброе утро. Но кто Вы? – صباح الخير، من حضرتك؟!
 – Неужели Вы забыли меня? – لا شك أنك تذكرني!
 – Очень сожалею, — пробормотал فقال عيسى مصطنعا الدهشة:
 Иса, разыгрывая крайнее удивление. – أسف جدا، من حضرتك?!

- Молодой человек рассмеялся: فضحك ضحكة كأنها تقول «أنت عارف وأنا
 – Самым последним забывают своего   عارف». ثم قال: الخصم هو آخر من تتسى!
 врага!   – لا أفهم شيئاً.
 – Не понимаю Вас.   [8, с. 195; 9, с. 111]

Исполнение роли говорящего русскоязычным коммуникантом рассмотрим на примере одного из эпизодов романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»:

– Возмутительные порядки, — трусливо забормотал Ипполит Матвеевич, — форменное безобразие! В милицию на них нужно жаловаться.

Остап молчал.

– Нет, действительно это ч-черт знает что такое! — продолжал горячиться Воробьянинов. — Дерут с трудящихся втридорога. Ей-богу!.. За какие-то подержанные десять стульев двести тридцать рублей. С ума сойти...

– Да, — деревянно сказал Остап.

– Правда? — переспросил Воробьянинов. — С ума сойти можно!

– Можно. [4, с. 160]

В данном диалоге мотивация речевого поступка говорящего обусловлена потребностью оправдать себя перед адресатом и выражается в дальнейшем последовательном развёртывании речевой активности в ходе коммуникативного акта с помощью высказываний «возмутительные порядки», «форменное безобразие! В милицию на них нужно жаловаться». Говорящий ориентируется на действительность, отражающуюся в его высказывании, и выбирает стилистический субкод, соответствующий сложившейся коммуникативной ситуации на фоне использования тактики возмущения, проявляющейся в таких высказываниях,

как: «Нет, действительно это ч-черт знает что такое! Дерут с трудящихся втридорога. Ей-богу!.. За какие-то подержанные десять стульев двести тридцать рублей. С ума сойти...». Адресант также использует тактику переспросов и повторов: «Правда?», «С ума сойти можно!», наделённую экспрессивным компонентом.

Роль слушающего в процессе общения может исполняться коммуникантами в виде следующих реакций: 1) согласующиеся реакции (приветствие – приветствие); 2) совпадение антиципаций партнеров (упрёк – извинение); 3) конкурирующая реакция (упрёк – упрёк); 4) отсроченная реакция (упрёк – переспрос); 5) корректирующая реакция («вы не совсем правы»); 6) игнорирующая реакция [16, с. 2].

Рассмотрим реализацию *роли слушающего* на примере одного из фрагментов сирийского кинофильма «حب للحياة» («Любовь к жизни»), где девушка Инас беседует с матерью, которая ушла из семьи к новому мужу, а теперь тщетно ищет понимания у дочери (перевод наш. — А.К., АРДЯ Сирии):

– Инас, Инас, Инас!	– إيناس ، إيناس ، إيناس!
– Да.	– نعم.
– Вот как встречаешь ты свою мать?	– هيك بتستقبلي أمك؟
– Свою мать? После всего того, что ты сделала?	– أمي؟ بعد كل اللي عملتيه؟
– Ладно, давай постараемся понять друг друга...	– طيب ، تعالي لتفاهم ...
– Спасибо, я очень обрадовалась.	– شكرا ، إنبسطت كثير.
– Прошу тебя, нам надо понять друг друга.	– أرجوكي ، لازم نتفاهم.
– Нам не о чем договариваться... Честь имею!	– ما في شي نتفاهم عليه ... عن إذنك! [6]

В рассматриваемом примере мы видим исполнение роли слушающего в виде конкурирующей реакции (упрёк-упрёк):

– Вот как встречаешь ты свою мать? هيك بتستقبلي أمك؟

[ħe:k btistà'bili 'úmmik]

– Свою мать? После всего того, أمي؟ بعد كل إلهي عملتيه؟
что ты сделала? ['úmmi báʕad kúlli 'lli ʕaméltih]

Далее коммуникант использует тактику уговора в рамках стратегии кооперативного взаимодействия, говоря: طيب، تعالي لنتفاهم [tayyib taʕa:li linitfa:ħam] (ладно, давай постараемся понять друг друга); أرجو، لازم نتفاهم [ʔarǧu:ki la:zim nitfa:ħam] (прошу тебя, нам надо понять друг друга). Адресат отвечает с сарказмом в голосе: شكراً، إنبسطت كثير [šúkran 'inbasátti kti:r] (спасибо, я очень обрадовалась) и завершает беседу фразой с интонацией, не терпящей возражений عن إنك نتفاهم عليه ... [ma fi ši nitfa:ħam ʕaléih ʕan 'iznik] (нам не о чем договариваться... Честь имею!)

В приведённом ниже коммуникативном акте между носителями русского языка происходит совпадение антиципаций партнеров:

– Да ну тебя, Аська, — Юра расстроено махнул рукой, — никогда не дашь удовольствие получить. Я-то хотел тебя порадовать, а ты...

– Извини, так получилось [7].

В рассматриваемом фрагменте диалога героиня использует тактику извинения в ответ на упрёк адресанта, действуя в рамках принципов кооперативного общения и реализуя один из видов реакций слушающего на высказывание говорящего. Стилистическая дифференциация языковых средств адресата определена ты-формой этикетного извинения «извини», так как диалог происходит в неофициальной обстановке.

Как отмечает Н.И. Формановская, «всякая речь адресована» (даже в редких случаях самоадресации), однако наличие адресата в речевом произведении скорее постулируется. Общение же, в отличие от речи, предполагает активность адресата [18, с. 174]. Адресат является таким

же активным участником коммуникации, как и адресант, так как от его коммуникативной реакции зависит продолжение коммуникативного акта. Во время общения между адресантом и адресатом происходит постоянная смена коммуникативных ролей. Так, выделяются три ипостаси адресата как активного субъекта коммуникации: соавтор дискурса, интерпретатор коммуникативного продукта и смена коммуникативной роли адресата на адресанта.

Природа общения как коммуникативного взаимодействия определяется адресатом. Адресат как субъект восприятия, понимания и интерпретации дискурса инвертирован с адресантом – автором сообщения.

С позиций невольного *соавтора* текста адресат может классифицироваться как внедиалоговый, прогнозируемый, массовый публичный конкретизированный, единичный конкретный [18, с. 157].

Внедиалоговый адресат проявляется в ходе обращения коммуниканта к богу, высшим силам, покойнику, во время самоадресации или адресации сообщения неотвечающему реципиенту и характеризуется отсутствием речевых экспектаций. Рассмотрим речевые ситуации проявления внедиалогового адресата в речевом поведении арабофонов и носителей русского языка.

Исполнение коммуникативной роли внедиалогового адресата в повседневном речевом общении арабофонов находим в одном из фрагментов египетского кинофильма «يوم ما لوش لازمة» («Ненужный день»), в котором героиня привела своего жениха Яхью на кладбище к могиле отца. Молодые по очереди обращаются к усопшему со следующими словами (перевод наш. – А.К., АРДЯ Египта):

– Папа, я очень скучаю по тебе. Я верила, что ты сегодня со мной. Но сегодня день свадьбы.

– بابا، إنت وحشتني قوي. أنا كنت بعتمد أنك معي النهارده. بس النهارده يوم فرح. انا جيت من خصوص علشان اقدم لك العريس.

Я пришла, чтобы представить тебе жениха.

– Добрый вечер, дядя. Перед Вами Яхья, работающий бухгалтером в Абу-Даби. Дядя, ты для меня как сам отец вместе с нами сегодня. Да он и недалеко от Вас: две-три улицы. Да смилуется над Вами Аллах! Воистину, мы принадлежим Аллаху и к Нему вернёмся.

– مساء الخير يا عمي. معك حضرتك يحيى، بيشغل محاسب بأبو ظبي. وانا كمني عمي كنفس بابا يكون معنا النهارده. بس هو يعني مش بعيد عن حضرتك: شارعين ثلاثة. الله يرحمكم وإنّا لله وإنّا إليه راجعون [10].

В данном диалоге внедиалоговость адресата обусловлена отсутствием речевых экспектаций со стороны адресантов. Один из коммуникантов в конце своего высказывания ровным, спокойным тоном произносит фразу *’allá: yarhámkum wa ’inna lillá: wa ’inna ’iláihí ra:giéú:n*] — «Да смилуется над Вами Аллах! Воистину, мы принадлежим Аллаху и к Нему вернёмся», что указывает на степень религиозности адресанта и связь с традицией, восходящей к тексту Корана: «...которые, когда их постигает беда, говорят: “Воистину, мы принадлежим Аллаху и к Нему вернёмся”» (2:156) [15, с. 27].

В повседневном речевом общении носителей русского языка коммуникативную роль внедиалогового адресата отмечаем в сообщении, адресуемом усопшему: «Витенька мой, бедный ты мой, родной, что же ты натворил, зачем? Снова весна без тебя... Ты жди меня... Помню все дни с тобой...» [12]. В этом примере адресант сообщения не ожидает ответной реакции со стороны адресата, что говорит о его внедиалоговости.

Адресат, с которым автор сообщения вступает в опосредованное дистантное общение, является *прогнозируемым*. При этом под образом

адресанта можно понимать имплицитно или эксплицитно отражённую в тексте информацию об общих свойствах отправителя, а под образом адресата — имплицитно или эксплицитно отражённую в сообщении информацию об общих характеристиках получателей, на которых ориентирован дискурс.

Рассмотрим проявление прогнозируемого адресата в речевом поведении арабофонов на примере одного из эпизодов кинофильма «النظارة السوداء» («Чёрные очки»), в котором инженер Омар, придя домой, начинает писать книгу о том, как он на одной вечеринке повстречал девушку Мади, носившую чёрные очки (перевод наш. – А.К., АЛЯ):

Я никогда не был любителем вечеринок. Но судьба занесла меня именно на эту вечеринку, где я встретил именно эту девушку... Чёрные очки всего лишь маска, за которой прячется ненасытное животное, поселившееся в женском теле...

لم أكن من هواة الحفلات ولكن الاقدار هي التي ساقنتني إلى هذا الحفل بالذات لألتقي بهذه الفتاة بالذات.. النظارة السوداء ما هي إلا قناع يخفي وراءه حيوان شره يعيش في جسد امرأة ... [20]

В рассматриваемом примере автор текста надеется вступить с адресатом (гипотетическими читателями) в опосредованное дистантное общение. Дискурс адресата ориентирован преимущественно на представителей молодого поколения или людей среднего возраста, способных адекватно воспринимать художественный текст.

В речевом поведении носителей русского языка прогнозируемый адресат может проявиться следующим образом. В «Занимательной орфографии» М.В. Панова автор ведёт диалог с выдуманном персонажем:

«Я говорю:

– Вот какая неясность, Иван Семеныч. Я про пиктограмму думаю. В одних книжках написано, что пиктограмма всегда должна быть наглядной, она рисует предмет...

– Конечно. Как же иначе? Тут сомнений нет, — решительно сказал Полупшенный.

– А в других книжках сказано, что у пиктограммы важно другое. Она не связана с определенным словом, ее можно прочесть по-разному.

– Именно так! Сознайся, что это убедительно! — воскликнул Полупшенный» [11, с. 13].

В данном примере адресат является прогнозируемым, так как автор сообщения вступает с ним в опосредованное дистантное общение, используя выдуманный персонаж.

Публичный конкретизируемый адресат характеризуется обобщённой коммуникативной ролью для множества получателей дискурса. Эту роль могут исполнять участники конференции, митинга, родительского собрания, представители учебной аудитории, офицерского собрания.

Рассмотрим и сопоставим проявление публичного конкретизируемого адресата в повседневном общении арабофонов и носителей русского языка.

Проявление данного типа адресата мы видим в одном из фрагментов сирийского кинофильма «Любовь к жизни», в котором учитель истории Назих читает лекцию своим ученикам (перевод наш — А.К., АЛЯ):

– Итак, с Аравийского полуострова начались древние арабские завоевания, которые распространились на восток до границ Китая, затем на север за горы Торос, а потом на запад в на-

إذاً، من الجزيرة العربية انطلقت الفتوحات العربية القديمة واتجهت شرقاً إلى حدود الصين ثم شمالاً إلى ما بعد جبال طورس ثم انطلقت باتجاه مصر غرباً حتى وصلت حدود المحيط

правления Египта, пока не достигли Атлантического океана. Арабская империя, таким образом, протянулась от границ Китая на востоке до Атлантического океана и Испании на западе.

الأطلسي. فالإمبراطورية العربية إذا امتدت من حدود الصين شرقا إلى المحيط الأطلسي وإسبانيا غربا [6].

В данном примере коммуникативную роль публичного конкретизируемого адресата исполняют ученики школы, слушающие лекцию учителя. В своем речевом поведении адресант использует *информативную* стратегию.

В повседневном общении русскоязычных коммуникантов проявление публичного конкретизируемого адресата можно рассмотреть на следующем примере:

– Товарищи офицеры! Мы с вами сегодня обсуждаем проступки, совершенные нашим сослуживцем, командиром пятой роты, старшим лейтенантом Дорониным Александром Владимировичем [17, с. 5].

Здесь публичным конкретизированным адресатом являются офицеры, присутствующие на собрании, реализующие обобщённую коммуникативную роль.

Единичный конкретный адресат может выступать в контактном непосредственном общении, а также в дистантном опосредованном в таких жанрах, как посвящение, послание, эпистола, эпиграмма [18, с. 176]. Рассмотрим и сопоставим коммуникативную роль единичного конкретного адресата в повседневном общении арабофонов и носителей русского языка.

Выражение единичного конкретного адресата в речи русскоязычных коммуникантов отмечаем в следующем диалоге, происходящем на вокзале:

– Вы мне по ошибке продали вчерашний билет, — говорю кассирше, — а мне нужен сегодняшний. Для родственника.

– Никакой ошибки нет, — отвечает она, — на билете проставлено сегодняшнее число.

– А рейс указан семнадцатый.

– Ну и что? Этот билет мне кто-то вчера по телефону заказал, а сам не пришёл. Я число исправила, а про рейс забыла [13, с. 47].

В данном примере кассирша выступает в роли единичного конкретного адресата, реализуя её в контактном непосредственном общении. Адресант выбирает этикетную вы-форму обращения, подчёркивая официальность обстановки, но в то же время смягчает претензионный фон, используя словосочетание «по ошибке». Адресат выражает равнодушие с оттенком пренебрежения фразами «никакой ошибки нет» и «ну и что».

Наряду с говорящим и слушающим в процессе коммуникации могут принимать участие *косвенный (вторичный) адресат* и *наблюдатель*.

Косвенный (вторичный) адресат является участником коммуникативного акта, в адрес которого непосредственно не отправляется сообщение, но для которого строится дискурс. Косвенный (вторичный) адресат может реализовать свою роль в различных коммуникативных ситуациях повседневного общения, в рамках публичных жанров телевизионного интервью, круглого стола или радиопередачи, где телезрители или радиослушатели являются косвенными, но при этом основными адресатами. Рассмотрим данную роль в ситуациях повседневного общения арабифонов и носителей русского языка.

В речи носителей русского языка роль косвенного (вторичного) адресата реализуется в одном из эпизодов романа М. Булгакова «Мастер

и Маргарита», где Стёпа Лиходеев занимает позицию пассивного участника коммуникативного акта:

– И свита эта требует места, — продолжал Воланд, — так что кое-кто из нас здесь лишний в квартире. И мне кажется, что этот лишний именно вы!

– Они, они! — козлиным голосом запел длинный клетчатый, во множественном числе говоря о Степе, — вообще они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение, ни черта ни делают, да и делать ничего не могут, потому что ничего не смыслят в том, что им поручено. Начальству втирают очки!

– Машину зря гоняет казенную! — наябедничал и кот, жуя гриб [1, с. 350].

В данном примере высказывания длинного клетчатого и кота не адресованы непосредственно Стёпе Лиходееву, но дискурс построен именно для него, т. е. ориентирован на косвенного (вторичного адресата) с целью оказания определённого перлокутивного и эмоционального воздействия.

Роль *наблюдателя*, не участвующего в коммуникативном процессе, состоит в восприятии не ориентированных на него сообщений и принятии решений на основании полученной информации. Наблюдатель частично выступает в качестве субъекта общения, даёт оценку речевым поступкам коммуникантов. При этом наблюдаемая коммуникативная ситуация изменяет информационное поле наблюдателя, его эмоциональное состояние. Наблюдатель не имеет коммуникативных прав на уточнение, переспрос, коррекцию речевого высказывания и может быть вовлечён в общение коммуникантов либо отторгнут.

Сопоставим реализацию роли наблюдателя в речевом общении арабов и русскоязычных коммуникантов.

Роль вовлечённого в процесс коммуникации наблюдателя отмечаем в одном из эпизодов романа Н. Махфуза «السمان والخريف» («Осенние перепела»), в котором главный герой Иса стал свидетелем беседы сенаторов (АЛЯ):

– На все воля божья. Близок إنتهينا والأمر لله! – наш конец.

Иса, сидевший поблизости, воз- غضب وقتذاك وهو يجلس لصقه بالنادي
мутился: وصاح:

– Эх вы, сенаторы! Что вас ин- هكذا أنتم أيها الشيوخ لا يهمكم إلا
тересует, кроме собственной выго- مصالحكم ...
ды?!

Повернувшись к Исе, старик فقال له بتوكيد وبلهجة لم تخل من سخرية:
убеждённо повторил:

– Конец, а вы что думали? هذه هي النهاية والأمر لله! –
Аллах знает, что делает. [8, с. 10; 9, с. 13]

В данном примере речь одного из участников коммуникативного акта оказала воздействие на информационное поле наблюдателя и его эмоциональное состояние. Реакцией последнего стало построение речевого дискурса с использованием тактики упрёка, выраженной косвенным рогативным высказыванием: هكذا أنتم أيها الشيوخ لا يهمكم إلا مصالحكم [ħa:kaza 'ántum euu:ħa aššuyu:ħ la yaħúmmukum 'illa maša:lihukum] — «Эх вы, сенаторы! Что вас интересует, кроме собственной выгоды?!».

Роль наблюдателя, вовлечённого в процесс коммуникации носителей русского языка, мы видим в одном из фрагментов романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

– Извините меня, пожалуйста, — заговорил подошедший с иностранным акцентом, но не коверкая слов, — что я, не будучи знаком, позволяю себе... но предмет вашей учёной беседы настолько интересен, что... Тут он вежливо снял берёт, и друзьям ничего не оставалось, как приподняться и раскланяться [1, с. 276].

В этом примере наблюдатель вовлекается в речевое общение коммуникантов, так как предмет беседы кажется ему интересным. Вежливый тон обращения «извините меня, пожалуйста» «что я, не будучи знаком, позволяю себе» характеризует адресатов сообщения как людей образованных и интеллигентных и служит перлокутивной цели наблюдателя — быть принятым в качестве нового участника коммуникативного акта.

Роль наблюдателя-носителя русского языка, не принятого в процесс коммуникации, рассмотрим на примере фрагмента кинофильма «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещён», в котором наблюдатель совершает попытку вступить в акт коммуникации со сверстницами:

– А чё это вы тут делаете, а?

– Да иди отсюда быстрее! [3].

В данном случае наблюдатель не принят в акт коммуникации и грубое выражение в его адрес «Да иди отсюда быстрее!» свидетельствует о коммуникативной неудаче.

Рассмотрев и сопоставив особенности исполнения коммуникативной роли говорящего и слушающего, реализуемой арабофонами и носителями русского языка в ситуациях повседневного общения, мы подтвердили положение о том, что всякая речь адресна, что составляет сходство в плане содержания речевого поступка. Адресат является таким же активным участником коммуникации, как и адресант, так как от

его коммуникативной реакции зависит продолжение речевого акта. Во время общения между адресантом и адресатом происходит постоянная смена коммуникативных ролей. Различия содержатся в плане выражения речевого поступка и связаны с формой репрезентации вербальной и невербальной коммуникации между говорящим и слушающим.

В ходе речевого акта происходит постоянная реализация ролевых признаков и переменных ситуативных ролей, оценка официальности или неофициальности обстановки общения. При этом построение высказывания арабской и русской языковых личностей во многом зависит от объективных социально-экономических условий, а его реализация предполагает владение стратегиями и тактиками межличностного взаимодействия, соответствующих коммуникативной цели говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М.А. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: – Минск: Маст. Лит., 1988.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философ. Герменевтики. – М.: Прогресс, 1998.
3. Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен, кинофильм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=e-r9XNmQNHk> (дата обращения 3.01.2021).
4. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. – М.: АСТ, 2005.
5. Леонтьев А.А. Психология общения. – М.: 2005.
6. Любовь к жизни, худ. фильм на араб. яз. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yandex.ru/video/preview/?filmId=5565218003026704182&parent-reqid=1609779147104013-82576356959399854400107-production-app-host-man-web-p300&path=wizard&text=الحياة+الحب+سوري+فلم&wiz_type=v4thumbs

7. Маринина Александра «Мужские игры» [Электронный ресурс].
Режим доступа: [http://booksonline.com.ua/view.php?book=48618
&page=121](http://booksonline.com.ua/view.php?book=48618&page=121)
8. Махфуз, Нагиб. Осенние перепела. На араб. яз. – «Мактабат Мыср»,
«Дару Мыср ли т-тыбаа», 4-е изд., 1967.
9. Махфуз, Нагиб. Осенние перепела. – М.: «Прогресс», 1965.
10. Ненужный день, худ фильм. На араб. яз. [Видеозапись]. – Египет,
2015.
11. Панов М.В. Занимательная орфография. – М.: Просвещение, 1984.
12. Помним, скорбим [Электронный ресурс]. Режим доступа:
<http://www.pomnim-skorbim.ru/grave.php?pid=44631>
13. Семёнов М.Г. Весёлый поток. Приходите вчера. – М.: Московский
рабочий, 1972.
14. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
15. Смысловой перевод священного Корана на русский язык. / Пер.с араб.
Кулиева Эльмира. – Медина, Саудовская Аравия.: Комплекс им.
Короля Фахда по изданию священного Корана. – 1423 г. [по хиджре].
16. Сухих С.А. Языковая личность в диалоге [Текст] // Личностные
аспекты языкового общения. – Калинин: КГУ, 1989. – С. 104–132.
17. Тамоников А.А. Грозные ворота (Один к десяти) [Электронный
ресурс]. Режим доступа: <http://www.litmir.co/br/?b=35321&p=5>
18. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация
и прагматика. – М.: 2007.
19. Шеловских Т.И. Речевой акт совета: Функционально-прагматиче-
ский анализ: (на материале французского и русского языков):
автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1995.
20. «Чёрные очки», худ. фильм. – 108 мин. На араб. яз. [Видеозапись]. –
Египет, 1963.

Переводческие трансформации в переводах арабско-русских текстовых структур

Лингвистические аспекты межъязыковой речевой деятельности, вопросы перевода занимают важное место в современных исследованиях самых разных научных направлений – психологического, литературоведческого, этнографического и др. Рост интереса к проблеме межкультурного речевого общения, к учению науки о переводе связан также с интралингвистическими факторами, с новыми достижениями в области коммуникативных, прагматических, когнитивных, культурологических исследований.

В широком смысле перевод можно рассматривать как способ преодоления определённых языковых, культурных и ментальных сложностей в процессе международного сотрудничества на разных уровнях и в различных сферах деятельности для достижения взаимопонимания между коммуникантами. Лингвистический механизм перевода есть достаточно сложный творческий речемыслительный процесс, в котором реализуется целый комплекс правил, методов и приёмов, применяя которые переводчик, владеющий достаточными знаниями, навыками, умениями и учитывающий весь набор лингвистических и экстралингвистических факторов, сопровождающих процесс передачи смысла с одного языка на другой, в состоянии успешно решать поставленные задачи. Как указывал В.Н. Комиссаров, в процессе перевода «...сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки» [9, с. 11].

Характерной чертой современного языкознания, переживающего полипарадигмальную стадию развития, стал антропоцентризм с его особым вниманием к человеку – творцу и участнику коммуникативного акта, центральной фигуре в лингвистических исследованиях [23, с. 356–358]. Исследование речемыслительной деятельности человека в процессе дискурса и функционирования языковых и речевых структур способствует развитию смежных областей языкознания, среди которых переводоведение. Отмечая интердисциплинарность теории перевода, А.Д. Швейцер констатировал, что *«общая теория перевода является междисциплинарным направлением, лингвистическим в своей основе, тесно смыкающимся с сопоставительным языкознанием, психолингвистикой, социолингвистикой, этнолингвистикой, лингвистической географией»* [13, с. 172].

По определению Э.Н. Мишкурова, перевод – это «удваивающийся ментальный процесс межъязыковой коммуникации, протекающий, как правило, в условиях когнитивного диссонанса». Методологический конструкт философской герменевтики и понятийно-терминологический аппарат когнитивистики является в этом смысле основой для герменевико-переводческого методологического стандарта переводческой рефлексии, при котором передача смысла происходит путём реализации «четырёх базовых когнитивных констант – предпонимания, понимания, интерпретации и переводческого решения» [15, с. 103, 105–109]. На примере данной четырёхступенчатой матрицы «демонстрируется эффективность трансдисциплинарного слияния филолого-философской герменевтики и классической теории перевода и формирование современной инновационной транслатологии» [13, с. 7].

Для передачи функционально-стилистических и семантических особенностей перевода и достижения адекватности при передаче смыс-

ла текстовых структур в арабско-русской паре языков используются различные переводческие трансформации, что связано с существенными системно-структурными различиями между двумя языками в сфере лексики, грамматики, стилистики. Целью нашего исследования является рассмотрение особенностей использования переводческих приёмов и трансформаций в рамках арабско-русских текстовых структур различных жанров.

В процессе перевода, как отмечает А.Д. Швейцер, одновременно происходит реализация семантических, стилистических и прагматических характеристик, при этом автор выделяет семантические (добавление, опущение, смещение, сужение, перегруппировка или повтор семантических компонентов; замена семантических категорий; перенос и др.), синтаксические и стилистические (антонимический перевод, генерализация, конкретизация, замены и др.) трансформации [22, с. 40–41].

По Я.И. Рецкеру, «сущность трансформаций заключается в замене переводимой лексической единицы словом или словосочетанием иной внутренней формы, актуализирующим ту слагаемую иностранного слова (ту сему), которая подлежит реализации в данном контексте» [19, с. 38]. Лексические трансформации автор делит на такие, как дифференциация, конкретизация и генерализация значений, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование и др. [Там же, с. 39]. К средствам грамматической трансформации обычно относят перестановки, замены, опущения, дословный перевод, добавления и др., к стилистическим приёмам – опущение, повтор, использование синонимов и др.

Используя перечисленные выше лексико-грамматические и стилистические трансформации при переводе различных текстовых структур, переводчик создаёт текст перевода, способный оказать на читателя

воздействие, аналогичное тому, как влияет текст оригинала на своего читателя. Достижение адекватного перевода требует от переводчика высокого мастерства, умелого использования приёмов трансформации для передачи национального колорита исходного языка, его жанровых характеристик.

Прежде чем приступить к рассмотрению использования приёмов трансформации в частной арабоязычной и отечественной транслатологии, скажем несколько слов об истории арабско-русской и русско-арабской переводческой традиции.

Арабская переводческая традиция восходит к эпохе династий Лахмидов, Гассанидов, Омейядов, Аббасидов, когда совершались переводы с таких языков, как персидский, греческий, китайский, санскрит, а тематика переводческой деятельности охватывала философию, астрономию, медицину и другие направления.

Первые шаги в истории арабско-русского перевода связаны с переводом смыслов Священного Корана (в исполнении Д.Н. Богуславского, Г.С. Саблукова, И.Ю. Крачковского). Среди отечественных востоковедов, переводчиков известны имена О.Б. Фроловой, А.А. Долининой, В.Н. Кирпиченко, Л.И. Медведко, В.Э. Шагаля и многих других, внесших неоценимый вклад в развитие культурных и научных связей с Арабским Востоком.

Особое место в области арабско-русской и русско-арабской переводческой деятельности принадлежит художественным переводам. Контакты между арабскими странами и Россией в области литературы, берущие начало с середины XIX в., сыграли важную роль в развитии межкультурных связей между нашими народами. И здесь нельзя не отметить деятельность таких отечественных арабистов, как А.В. Крымский, И.М. Фильштинский, А.Б. Куделин, К.В. Оде-Васильева и др.

Переводом арабской художественной литературы активно занимались такие арабисты, как О.А. Власова, И.А. Ермаков, А.П. Андриюшкин, Н.М. Шуйская и др.

Процесс перевода в арабско-русской паре языков требует умения преодолевать лингвистические и культурологические сложности, существенные различия в нормах создания литературного текста, отражать художественные и стилистические тонкости оригинала. Переводчик, по определению Н.Б. Ковыркиной, должен «чувствовать и понимать, как автор конструирует свой стиль. Для этого необходимо знать биографию автора, проникнуться “духом” его творчества. Успех переводов – результат сочетания знаний, умений, эрудиции с любовью к арабской литературе, своей профессии арабиста» [8, с. 204–205].

Для рассмотрения приёмов переводческой трансформации при переводе текстов художественной литературы мы выбрали фрагменты из произведений арабских авторов, переведённых на русский язык.

Приведём некоторые примеры, выбранные из текста книги Нагиба Махфуза «Осенние перепела» на арабском языке («السمان والخريف») и его перевод на русский язык в исполнении И. Рабиновича и В. Шагаля. Так, фрагмент текста произведения وأبوها العظيم لم . أن لك أن تتزوج، فتاتك في الانتظار، يضن بموافقته. [11, с. 20] «Тебе давно пора подумать о женитьбе. И девушка есть на примете. Её отец, безусловно, будет согласен» [12, с. 19], буквально звучит как «Тебе пришло время жениться. Девушка твоя в ожидании, её знатный отец не поспеет на согласие».

Учитывая серьёзные системно-структурные лексико-грамматические и семантико-стилистические расхождения между двумя языками, переводчики для адекватной передачи смысла фрагмента оригинального текста использовали широкий набор трансформационных приёмов. При переводе предложения أن لك أن تتزوج . «Тебе давно пора поду-

мать о женитьбе» реализованы приёмы замены («давно пора» вместо «тебе пришло время»), добавления («подумать о...») с компонентом смыслового развития; смысл фрагмента " فتاتك في الانتظار " (И девушка есть на примете) передан с помощью приёма семантической замены («девушка есть на примете» вместо «девушка твоя в ожидании»); наконец, фрагмент «وَأبُوها العَظِيم لم يَضن بموافقتَه» «Её отец, безусловно, будет согласен» переведён посредством трансформационных приёмов опущения («её отец» вместо «её знатный отец» в буквальном переводе текста оригинала, где словом عَظِيم «знатный, важный» выражается традиционное уважение и почтение к отцу невесты, при том что для языка перевода, передающего смысл этикета данной речевой ситуации, такое определение является избыточным), добавления (...безусловно...) и смыслового развития («...безусловно, будет согласен» вместо «...не поспеет на согласие»), что вполне соответствует смыслу передаваемой речевой ситуации).

О переводе фрагмента لم يَضن بموافقتَه «безусловно, будет согласен» хочется сказать отдельно. Оригинал отрывка буквально переводится как «не поспеел на согласие», в чём видится выражение завершенности и предопределённости, отражённой в формировании смысла. Переводчики учли эту традиционную предначертанность, характерную для «бытовой логики» арабского мышления, связанного с этно-культурными особенностями мусульманского социума, тонко подметили различие между ретроспективностью арабского и проспективностью русского языкового мышления, проявившееся в данной речевой ситуации [2, с. 14], и блестяще передали смысл этого фрагмента словами «безусловно, будет согласен».

В следующем фрагменте произведения تصويري أنني لم أكن رأيتها منذ الصغر! [11, с. 21] (букв.: «Представляешь, я не видел её с детства!»); в

тексте перевода — «Представляешь, я не видел Сальву уже целую вечность!») [12, с. 20], налицо такие лексико-грамматические трансформации, как дословный перевод (Представляешь, я не видел), замена с конкретизацией значения (вместо «не видел её» — «не видел Сальву», девушку, о которой идёт речь в данном контексте), замена со смысловым развитием (фраза «не видел... уже целую вечность» звучит намного экспрессивнее, чем сочетание «не видел ... с детства», и подчёркивает глубину переживаний персонажа произведения).

Интересные трансформационные приёмы использованы при переводе на русский язык ряда фрагментов из произведения Дж. Х. Джебрана «Сломанные крылья» в исполнении В. Волосатова.

Смысл фрагмента произведения كنت في الثامنة عشرة عندما فتح الحب عينيّ (в переводе «Мне было восемнадцать лет, когда любовь открыла мои глаза своими волшебными лучами и огненными перстами коснулась моего духа» [3, с. 10]) передан в виде буквального перевода, а также приёма опущения слова لأول مرة «впервые», которое переводчиком опущено, т.к. из контекста анализируемой ситуации понятно, что, вероятнее всего, в восемнадцатилетнем возрасте глаза открыть любовь может только впервые. Использование переводчиком общеславянского слова «перст» добавляет тексту перевода художественных достоинств и значительно повышает уровень эстетического воздействия данного отрывка на читателя.

В следующем фрагменте произведения وبيروت في الربيع اجمل منها في ما (букв.: «Весной Бейрут прекраснее, чем в остальные времена года потому, что {тогда, в то время} он лишён грязи зимы и пыли лета»; в тексте перевода — «Весной Бейрут, лишенный грязи зимы и пыли лета, прекраснее, чем в другие времена года» [3, с. 12, 13]), налицо как элементы дословного перевода,

так и перевода с использованием грамматической трансформации: вместо придаточного предложения причины لأنها تخلو فيه من أحوال الشتاء وغياب الصيف (букв.: «...потому, что он лишён грязи зимы и пыли лета») смысл фрагмента передан причастным оборотом «...лишенный грязи зимы и пыли лета». Используются также приёмы замены: фрагмент في ما بقي من الفصول (букв.: «в остальные времена года») в тексте перевода оформлен как «в другие времена года», перестановки синтаксических конструкций (переводчик поменял местами порядок изложения мысли: в тексте перевода фрагмент لأنها تخلو فيه من أحوال الشتاء وغياب الصيف «...лишённый грязи зимы и пыли лета» в отличие от текста оригинала поставлен вслед за подлежащим, а фрагмент أجمل منها في ما بقي من الفصول «...прекраснее, чем в другие времена года» завершает текст перевода.

В другом фрагменте произведения جلسنا إلى المائدة نأكل ونشرب ونتحدث جلسنا في تلك الغرفة نتلذذ بألوان الطعام الشهية وأنواع الخمر المعتقة. ولم تنته من العشاء حتى دخلت علينا إحدى الخاديات وخاطبت... (букв.: «Мы сидели за столом, ели, пили и беседовали – сидели в той комнате, наслаждались разными вкусными блюдами и выдержанными винами. Мы ещё не закончили ужин, как к нам вошла одна из служанок и сказала...»); в тексте перевода: «За столом мы беседовали, наслаждаясь вкусными блюдами и выдержанными винами. Мы ещё не закончили ужин, когда одна из служанок, войдя в комнату, сказала...» [3, с. 22, 23]), мы видим использование трансформационного приёма опущения: جلسنا إلى المائدة «Мы сидели за столом» передано как «За столом мы...» — слово «сидели» оказалось избыточным, что вполне понятно в данной речевой ситуации, как и слова نأكل ونشرب «ели, пили», т.к. последующее «...наслаждаясь вкусными блюдами и выдержанными винами» всё исчерпывающе объясняет. Опускание при переводе этого предложения претерпел и оборот جلسنا في تلك الغرفة «мы сидели в той комнате», оказавшись тоже избыточным, но в следующем

предложении переводчик путём грамматической трансформации в виде перестановки с приёмами замены и добавления уточняет для читателя место действия данной речевой ситуации, преобразуя отрезок دخلت علينا ... إحدى الخاديات وخطبت... «к нам вошла одна из служанок и сказала...» в такой текст перевода: «одна из служанок, войдя в комнату, сказала...». Остальные компоненты текста оригинала نتلذذ بألوان الطعام الشهية وأنواع الخمر ...المعتقة. ولم ننته من العشاء حتى... «...наслаждаясь вкусными блюдами и выдержанными винами. Мы ещё не закончили ужин...» переданы посредством дословного перевода с незначительными опущениями: опущены избыточные слова أنواع الخمر «виды, разновидности» в сочетании ألوان الطعام «различные вина» и ألوان – ألوان الطعام «различные блюда».

Наконец, во фрагменте данного произведения كل شيء عظيم وجميل في هذا العالم يتولد من فكر واحد أو من حاسة واحدة في داخل الإنسان. (в тексте перевода: «Все великое и прекрасное в этом мире рождается от одной мысли или от одного чувства в груди человека» [3, с. 24, 25]) налицо элементы дословного перевода на русский язык, кроме сочетания في داخل الإنسان (букв.: «внутри человека»), переданного с помощью приёма замены сочетанием «в груди человека», что соответствует стилистическим нормам языка перевода.

В качестве примеров переложения смысла текстов стихотворных произведений художественной литературы с арабского языка на русский мы выбрали несколько фрагментов из стихов известных сирийских поэтов Ильяса Хадая и Низара Каббани в переводе российского поэта и арабиста Е.В. Дьяконова. Здесь следует отметить, что перевод поэтических текстов относится к наиболее сложным видам художественного перевода. Такие тексты отличаются наличием подтекстовой информации, содержат некий «скрытый смысл», обладающий особой силой выразительности и эстетического воздействия на читателя. Задача пере-

водчика состоит не только в передаче смысла, но и в воссоздании языком перевода особенностей стиля оригинального стихотворного текста, преодолении различий в строевой структуре контактирующих языков, специфических культурных реалий и т.д.

Анализ использования переводческих трансформаций, предпринятый в данной работе, строится с учётом понимания сложности проблемы достижения максимальной адекватности при переложении ассоциативно и ритмически организованных поэтических арабских текстов на русский язык, что в значительной степени связано с особенностями сходств и различий тропеических и ритмических фрагментов ассоциативных картин мира у арабоязычных и русскоязычных коммуникантов. Такие стихотворные произведения – это тексты, содержащие большое разнообразие образных тропеических средств, имеющие метрическую структуру, как рифмованные или нерифмованные.

Рассмотрим некоторые трансформационные приёмы, отмеченные в переводе отдельных строк фрагмента стихотворения И. Хадая «Чрево кита» (بطن الحوت), представленного ниже.

Возможно, наш Отче,	لعلّ أبانا
Отец наш небесный	أبانا الذي في السموات
К нам голубем спустится с кручи небесной...	يأتي إلينا حمام سلام...

[5; 20].

Так, фрагмент стихотворения *لعلّ أبانا أبانا الذي في السموات يأتي إلينا حمام* (букв.: «Возможно, наш Отец, Отец наш, который на небесах, придёт к нам голубем мира...») в тексте перевода: «Возможно, наш Отче, Отец наш небесный к нам голубем спустится с кручи небесной...») содержит элементы дословного перевода (لعلّ أبانا أبانا) «Возможно, наш Отче, Отец наш...») с употреблением церковно-славянского слова «Отче», переда-

ющего смысл и атмосферу обращения к Господу, Отцу Небесному, а также приём грамматической трансформации: вместо определительного придаточного предложения (الذي في السموات «который на небесах») использовано определение «небесный». Смысл следующего фрагмента يأتي إلينا حمام سلام «...к нам голубем спустится с кручи небесной...» передан с использованием приёмов замены, добавления, смыслового развития с конкретизацией значения: вместо буквального «придёт к нам голубем мира» в тексте перевода отмечаем употребление лексики высокого стиля («...голубем спустится с кручи небесной») как средства эмоциональной и эстетической выразительности.

Проникновенные строки из стихотворения Н. Каббани «Я тебя люблю, я тебя люблю... Остальное придёт» والبقية تأتي أحبك .. أحبك также содержат разнообразные трансформационные приёмы, позволяющие русскоязычному читателю ощутить всю глубину чувств, экспрессии и выразительности богатого метафорами и фигурами речи поэтического текста.

Твои слова, твои слова — узоры حديثك سَجَادَةٌ فارسيّة ..

для персидского ковра.

Твои глаза, твои глаза — воробушки وعيناك عُصْفَرَتَانِ دمشقيتان ..

дамасского двора.

Порхают от стены к стене. تطيران بين الجدار وبين الجدار ..

[7; 6]

Фрагмент стихотворения حديثك سَجَادَةٌ فارسيّة .. وعيناك عُصْفَرَتَانِ دمشقيتان .. (букв.: «Речь твоя – ковёр персидский, глаза твои — два воробушка дамасских, которые летают от стены к стене ...»); в тексте перевода: «Твои слова, твои слова — узоры для персидского ковра. Твои глаза, твои глаза – воробушки дамасского двора. Порхают от стены к стене») содержит такие трансформационные приёмы, как

конкретизация значения (сочетание "حديثك" — «речь твоя» заменено на «твои слова, твои слова»), добавление («узоры», «дамасского двора»), смысловое развитие с добавлением (вместо عُصْفَرَاتَانِ دِمَشْقِيَّتَانِ «два воробушка дамасских» в тексте перевода читаем «воробушки дамасского двора»), а также в целом дословного перевода с лексико-стилистическим преобразованием («порхают от стены к стене»).

Перевод с арабского языка на русский прозаических или поэтических текстовых структур художественной литературы относится к особому виду творческой переводческой деятельности, представляющему собой фактически настоящее искусство, когда переводчик, обладающий художественным даром, практически заново создаёт яркие, многогранные образы литературного произведения в тексте перевода, передаёт содержание и атмосферу сюжета, художественный стиль автора и всю глубину человеческих эмоций и чувств персонажей оригинала произведения, оказывая на читателя или слушателя сильное эстетическое воздействие.

Представляет интерес анализ применения переводческих трансформаций и в таком особом виде искусства, как публичное ораторское выступление. В качестве примера перевода ораторской, публичной речи с арабского языка на русский мы выбрали отрывок из известного выступления Г.А. Насера в Каирском университете перед представителями интеллигенции, в котором египетский президент общался с аудиторией на разговорно-диалектном языке Египта и коснулся вопросов военно-политической обстановки в его стране: كان من الضروري جدا قبل ما نتحرك ... [17; 4, с. 16] على الأرض أن نحن نخلي الأرض إلي بنتحرك عليها صلبة تتحمل حركتنا... [ka:n min aḏ-da`ru:ri `giddan ``abla ma nat`harrak `eala l-`ard an `nihna ni`halli al-`ard ``illi bnt`harrak ea`leyha: `salba titi`hammal hara`ketna]

«Было необходимо, прежде чем начать перестройку, убедиться в том, что под ногами у нас твёрдая почва, что мы не провалимся» [16, с. 192].

В переводе данного отрывка вызывает интерес использование приёма лексического преобразования в предложении قبل ما نتحرك على الأرض (букв.: «прежде, чем мы начнём действовать...»), смысл которого передан на русский язык с учётом экстралингвистических факторов и контекста словами «прежде чем начать перестройку». Приёмом семантической трансформации (смыслового развития) передан смысл определительного предложения تتحمل حركتنا (букв.: «...{почва}...которая выдержит наши действия») словами «... что мы не провалимся», такая же трансформация применена и при переводе остальной части отрывка. Помимо этого, в данном фрагменте был использован приём опущения: слово "جدا" (крайне, очень) оказалось избыточным: كان من الضروري جدا (букв.: «Было крайне необходимо...»).

Интересным представляется рассмотрение приёмов и способов перевода лексических единиц, относящихся к категории фразеологии: несвободных, идиоматических словосочетаний, междометных фразеологических единиц, пословиц и поговорок в рамках арабско-русской комбинации языков. Данные лексические средства репрезентации эмоций широко используются в различных функциональных стилях и представляют значительную сложность для перевода. Применение переводческих трансформаций в этом случае отличается специфическими особенностями.

Обеспечивая акт общения арабоязычного и русскоязычного монолингвов, переводчик обязательно учитывает лингвокультурологическое своеобразие употребления фразеологических единиц (ФЕ), их связь с контекстом. Из практики переводческой деятельности известны следующие *основные способы перевода* данных единиц:

1) использование эквивалентов ФЕ, полностью совпадающих в контактирующих языках, а также устоявшихся калькированных выражений, сохраняющих адекватную выразительность: طولاً وعرضاً، بالطول «вдоль и поперёк», لا دخان بلا نار «нет дыма без огня», نَزَّ الغبار في العيون «пускать (пустить) пыль в глаза», كعب أخيل «ахиллесова пята» [21, с. 57, 189, 378, 379] и др. Такие ФЕ отличаются интернациональным характером, их образная структура при переводе полностью сохраняется;

2) использование эквивалентов ФЕ, имеющих некоторые изменения в лексической структуре или грамматической форме: نقطة في محيط «капля в море» (букв.: «точка в океане»), جلد على عظم «(одна) кожа да кости» (букв.: «кожа на кости»), اشترى سمكاً في الماء «купить кота в мешке» (букв.: «купить рыбу в воде»), لعب بذيله «вертеть хвостом» (букв.: «играть хвостом») [21, с. 220, 228, 244, 499] и др.;

3) использование аналога ФЕ, имеющего иную образную основу и адекватно передающего смысл и экспрессию высказывания. В данном случае адекватная замена передаваемого понятия выполняется с помощью приёма компенсации [18, с. 105–106]: الجوعان يحلم بسوق العيش «у кого что болит, тот о том и говорит» (букв.: «голодный мечтает о хлебном базаре»), واضح وضوح الشمس «как дважды два» (букв.: «ясно ясностью солнца»), طار فؤاده «душа ушла в пятки» (букв.: «сердце его улетело, унеслось»), ركب ذئب الريح «одна нога здесь, другая там» (букв.: «хвост ветра оседлал»), طلع من المولد بلا خُمص «оставаться (остаться) с носом» (букв.: «ушел с базара без гороха»), من كثرة الملاحين غرقت السفينة «у семи нянек дитя без глазу» (букв.: «от избытка матросов утонул корабль»), [21, с. 48, 154, 181, 309, 323, 327] и др.;

4) применение описательного перевода, при котором точно передаётся смысл, но обычно снижается или теряется образность и выразительность исходного текста, так как не передается национальный коло-

рит, экзотика, экспрессия языка оригинала: "وما حيلتي في هذا؟" – «Что я могу сделать?» (букв.: «что {т. е. «какой смысл?»} тут в моей хитрости?») [1, с. 204], «صدري طاهر!» «У меня и в мыслях такого не было!» (букв.: «Грудь моя {т. е. «совесть моя». – А.К.} чиста») [21, с.141], عاش على الصليب «жить тяжёлой жизнью» (букв.: «жить на кресте») [14, с. 31], «العريان في القافلة مرتاح» «Голому в караване безопаснее всего» (букв.: «голый в караване доволен») [10, с. 11] и др.

Для обеспечения межкультурной коммуникации в рамках такой пары контактирующих языков, как арабский и русский, точного толкования экспрессивно-семантического компонента арабских ФЕ переводчику важно понимать специфику образной системы арабского языка, отражающую и формирующую особенности менталитета арабоязычного монолингва.

В результате проведённого исследования можно констатировать, что в условиях расширяющихся межкультурных контактов России со странами Арабского Востока переводческая деятельность в арабско-русской паре языков приобретает всё возрастающее теоретическое и практическое значение.

Самоотверженным трудом учёных и переводчиков – представителей отечественной арабистической школы перевода — выработаны теоретические и практические основы, богатый научный инструментарий для успешного решения переводческих задач в области арабско-русской переводческой деятельности.

В процессе перевода текстов художественных произведений, публичных ораторских выступлений, эмоционально-экспрессивно окрашенных фразеологизмами, в арабско-русской паре языков для достижения адекватности при передаче смысла переводчику необходимо широко использовать возможности приёмов лексико-грамматической транс-

формации, успешно преодолевать лингвокультурологические различия между арабоязычным и русскоязычным социумами, системно-структурные расхождения в нормах создания литературного текста, передавая содержание, художественные и стилистические тонкости исходного текста, особенности авторского стиля с целью оказания на реципиента воздействия, аналогичного тому, что испытывает реципиент оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1985.
2. Боднар С.Н. Язык арабских документов торгово-экономической деятельности. – М.: ТЕЗАУРУС, 2012.
3. Джебран Халиль Джебран. Сломанные крылья // Хрестоматия по современной арабской литературе. В 2 ч. Ч. 1/ Н.М. Шуйская/ М.: МГИМО-Университет, 2018.
4. Игнатъев А.С. Обучение использованию фигур стилистического синтаксиса в публичных выступлениях на арабском языке: Учебно-методические рекомендации по использованию фонограмм публичных выступлений на арабском языке. М.: ВКИ, 1982.
5. Ильяс Хадая. Чрево кита // Река Перемен /Пер. Е. Дьяконова. [Электронный ресурс]. / Режим доступа: <https://roland-expert.livejournal.com/438481.html>.
6. Каббани Низар. Избранная лирика / пер. Е.В. Дьяконова. – М.: Ладомир: Библос консалтинг, 2007.
7. أحبك أحبك والبقية تأتي قباني نزار. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nizar.ealwan.com/poetry.php?id=285>
8. Ковыршина Н.Б. К вопросу о переводах иорданской литературы в России // Актуальные проблемы арабской филологии: сб. науч. трудов: к 125-летию со дня рождения Х.К. Баранов и К.В. Оде-Васильевой / – М.: МГИМО-Университет, 2018. – С. 200–207.

9. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) . – М.: Высшая школа, 1990.
10. Кухарева Е.В. Клише как отражение национального менталитета (на примере арабских паремий) // автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 2005.
11. محفوظ نجيب. السَّمَان والخريف. الناشر: مكتبة مصر. دار مصر للطباعة. ١٩٦٧.
12. Махфуз Нагиб. Осенние перепела. / пер. с араб. И. Рабиновича и В. Шагаля. – М.: «Прогресс», 1965.
13. Мишкурое Э.Н. Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт). – М.: Воен. ун-т, 2018.
14. Мишкурое Э.Н. Основы теоретической грамматики современного арабского литературного языка: курс лекций. Часть II. – М.: Воен. ин-т, 1979.
15. Мишкурое Э.Н. Что полезного даёт современная когнитология теории и методологии перевода? // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Выпуск № 3. Том 2 / Язык. Коммуникация. Перевод: материалы XII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. Москва. Военный университет. 29 июня 2018 г. – М.: ИД «Международные отношения», 2018 г. – С. 102–111.
16. Насер Г.А. Речь в Каирском университете перед представителями интеллигенции 25 апреля 1968 г. // Проблемы египетской революции: Избранные речи и выступления. 1952–1970 гг. – М.: Международные отношения, 1979. – С. 191–194.
17. Насер Г.А. Речь в Каирском университете перед представителями интеллигенции. 25.04.1968 г. [Звукозапись]
18. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). – М.: Флинта: Наука, 2009.

19. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: «Международные отношения», 1974.
20. Стихи Ильяса Хадая (на араб. яз.) / пер. Е.В. Дьяконова. – [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.atranews.com/literature/Iias%20poems.htm>.
21. Фавзи А.М., Шкляров В.Т. Учебный русско-арабский фразеологический словарь: – М.: Рус. яз., 1989.
22. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973.
23. Шулежкова С.Г. История лингвистических учений. – М.: Флинта: Наука, 2007.

Арабская фразеология и паремиология — важный элемент литературной и социальной жизни арабского общества

Иногда может показаться, что, приезжая в арабские страны и общаясь с людьми, мы слышим, как в разговоре собеседники в основном приводят стихи из Корана, цитируют хадисы или строфы из стихотворений известных арабских поэтов, которыми часто щеголяют арабы, а пословицы и поговорки остаются лишь содержимым толстых сборников с комментариями или без, служащих учебными пособиями для подрастающего поколения или исследовательским материалом для любителей национального фольклора и менталитета. Однако это не совсем так. В обиходной речи арабы, как и представители других народов, употребляют все эти обороты для придания разговору большей эмоциональности, выразительности, а иногда и ясности мысли, когда пространные объяснения не приводят к пониманию того, что хочет довести до сведения собеседника говорящий.

В данной статье автор хочет привести примеры использования пословиц и поговорок в литературных произведениях некоторых арабских и неарабских авторов или как способ оживить жизнь обычных арабских городов в различных ситуациях, когда эти пословицы, например, можно увидеть в качестве рекламы, или даже в политических дискуссиях, где эти выражения находят своё достойное место и служат либо подтверждением мыслей автора, либо аргументом во время дебатов.

Данная тема стала и остаётся актуальной в век быстро развивающейся международной коммуникации, которой способствует появление всё более совершенных технических средств, позволяющих мгновенно

соединить двух собеседников, находящихся на расстоянии сотен, а то и тысяч километров друг от друга, и которые хотят как можно быстрее и правильнее понять друг друга. А извечное недопонимание, часто существующее между представителями разных культур, осложняет межкультурное общение. Поэтому нахождение общих точек соприкосновения, понятных для коммуникантов близких по форме и смыслу средств выражения основных жизненных устоев и принципов может способствовать преодолению трудностей в общении людей, принадлежащих к разным культурам. Недаром российские ученые-лингвисты Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров считают, что межкультурная коммуникация — это «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [3, с.26].

Этот же подход важен и для жизни внутри одного общества, для взаимодействия между представителями разных поколений, возрастных, социальных, этнических, религиозных и других групп населения. Таким вот средством преодоления различий, разногласий, недопонимания могут служить пословицы, поговорки, фразеологизмы и идиомы, пущенные в оборот в различных видах дискурса.

Общими проблемами фразеологии, пословицами и поговорками, особенностями формирования психолингвистических и этнокультурных стереотипов занимались Н.Н. Амосова, А.В. Кунин, А.И. Молотков, Г.Л. Пермяков, Л.В. Полубиченко, Ю.А. Рубинчик, З.К. Тарланов, В.Н. Телия и др. [1, 4, 5, 8, 9, 12, 15, 16].

Зависимости важных для арабского менталитета явлений жизни, обозначаемых теми или иными лексемами, входящих в систему определённых понятий либо содержащихся в различных языковых оборотах, посвящены работы отечественных арабистов Е.А. Резвана, М.А. Родионова, В.Э. Шагаля, Б.Я. Шидфар и др. [10, 11, 17, 18].

Арабские учёные также не обошли этот вопрос стороной. В своих монографиях современные арабские исследователи, например, Ахмед Мутавакиль, Накыб аль-Атас [6, 7] также касаются этой темы в разделах «балага» и «тафсир», связанных с искусством красноречия и комментариями к Корану. Найти неоспоримый аргумент, эффектно преподнести его, одним метким словом или оборотом убедить собеседника в своей правоте — это то, что было и остаётся важным элементом дискуссии у арабов. И неважно, какая она — политическая, поэтическая, религиозная. Главное, чтобы было *кратко*, но *убедительно*. Как говорит арабская пословица: «مَا قَلَّ دَلٌّ» [«Ма калля далля»].

И в наше время этот вопрос не исчезает из повестки дня. Так, языковым и речевым афоризмам в политическом дискурсе посвящена работа Ф.Я. Хабибуллиной и К.А. Владимирова «Языковые и речевые афоризмы и афористические высказывания в политическом дискурсе французских и российских СМИ» [20]. В статье авторы дают характеристику таким понятиям, как «политический дискурс», «власть», «политик», а также рассматривают использование афоризмов, как эмоционального и яркого средства речевого воздействия на участников политических дискуссий. В работе проанализированы выступления российских и французских политиков, в которых были использованы языковые и речевые афоризмы и афористические высказывания, опубликованные в СМИ, и проведён их анализ. Другая работа «Фразеология политического дискурса в аспекте международной коммуникации», автором которой является Н.В. Баско, посвящена анализу политического дискурса с точки зрения использования фразеологических оборотов при общении представителей различных культур. Автор справедливо считает, что понимание иностранцами материалов, публикуемых в российских СМИ, затруднительно без знания часто используемых в них фразеологических

оборотов. В статье приводятся и подвергаются всестороннему рассмотрению наиболее популярные в политических материалах российских журналистов русские языковые и речевые обороты и устойчивые выражения [2]. В диссертационном исследовании Е.К. Сыщиковой «Пословицы и поговорки в испанской периодической печати» автор описывает, как функционируют пословицы и поговорки в испанской прессе, используя лингвистический подход. По её мнению, пословично-поговорочные изречения играют важную роль в испанской публицистике, неся значительную смысловую нагрузку и выполняя в газетных и журнальных статьях разнообразные функции. Автор видит в них инструмент эмоционального воздействия на читателя, чтобы привлечь его внимание к той или иной теме, затронутой газетным или журнальным изданием [14].

Тема использования фразеологизмов в арабском политическом дискурсе поднимается в статье Ж.Р. Сейтметовой и И.В. Давыдовой «Фразеологизмы в арабском политическом дискурсе и особенности их перевода». В этой работе авторы концентрируют особое внимание на переводе арабских фразеологизмов, встречающихся в арабской периодической печати, выступлениях ораторов, и трудностях передачи этих языковых единиц на другие языки, поскольку они несут, как правило, специфическую национальную окраску не только в содержании, но и в форме выражения [13].

Данную работу мы также начнём с использования пословиц в жарких политических дебатах и посмотрим, как выражение, характеризующее конкретную ситуацию, в силу своего обобщающего характера может быть применено в политическом контексте. В качестве примера хотелось бы привести «войну пословиц», как это было названо в одном периодическом арабском издании. Эта ситуация возникла в 2017 г.

в египетском парламенте во время обсуждения вопросов, связанных с состоянием дел в области здравоохранения. По-видимому, это был незаурядный случай, так как на него обратили внимание в египетских СМИ, подойдя к данному событию с некой философской точки зрения. В издания «Аль-яум ас-сабиа» была напечатана заметка Мухаммеда Салеха, посвящённая этому заседанию [23]. Автор статьи начал её с указания на особое место арабских (в том числе и египетских) пословиц и поговорок, которое они занимают в общем ряду паремического наследия народов мира. Он считает, что это связано с тем, что арабские пословицы содержат бесконечное количество картин жизни, уходящих корнями в историческое прошлое, традиции и обычаи арабских народов.

Однако на заседании никто не ожидал, что обсуждение рабочих вопросов выльется в удивительное филологическое состязание между министром здравоохранения и народонаселения Египта и депутатом парламента, которые, не задумываясь, сумели привести народные пословицы, отражавшие их отношение к происходящему во время парламентских дискуссий.

Когда министр здравоохранения, отвечая на запросы депутатов — членов парламентской комиссии по здравоохранению, привёл народную египетскую пословицу: «*Служанка, приготовь еду! — Раскошешься, господин!*» (جارية اطبخي... كلف يا سيدي), имея в виду недостаток средств для реализации требований законодателей, один из депутатов тут же парировал, приведя другую народную пословицу: «*Умелая, ловкая (мастерица) будет прясть с помощью хоть ослиной ноги*» (الشاطرة تغزل برجل حمار)» Таким образом он намекнул, что надо думать о том, как находить выход из сложившейся ситуации, не прибегая к казне и опираясь на те средства, которые предоставлены министерству для решения стоящих перед ним проблем.

Безусловно, использование политиками различных афоризмов, фразеологизмов, крылатых слов не является чем-то необычным, но обмен уколами «паремических шпаг» — это уже, наверное, новое, в прямом и переносном смысле, слово в политическом дискурсе

Ещё один пример готового афоризма появился на свет в период, когда турецкий лидер Эрдаган поддержал решение меджлиса преобразовать знаменитую Айа София из музея в мечеть. Тогда митрополит Бейрута в своей проповеди, которую он произнёс в ливанской столице, обращаясь к своему турецкому оппоненту, сказал: *«Того, кто не признаёт тех, кто был до него, не признают те, кто будет после него»* (من ينكر من سبقه سينكره من يخلفه). И добавил: *«Политическое и религиозное признание не строится на разрушении церквей, а в непризнании исторических фактов нет ничего героического»*

(الشعبية السياسية لا تبنى على أنقاض الكنائس وإنكار التاريخ ليس بطولة) [24].

По поводу исторической правды можно также привести высказывание известного ливанского писателя Джубрана Халиля Джубрана, который говорил: *«Тот, кто считает, что его душит прошлое, не может говорить с будущим»* (من يشنقه صوت الماضي لا يستطيع مخاطبة المستقبل) [24]. А известный советский и аварский поэт Расул Гамзатов выразился ещё более эмоционально: *«Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее ударит по тебе из пушек»*

(إذا أطلقت نيران مسدسك على الماضي أطلق المستقبل نيران مدافعه عليك) [24].

Следует отметить, что слова Гамзатова приводятся в арабском интернет-издании, которое специализируется на популяризации пословиц и поговорок народов разных стран, а также мудрых изречений известных людей многих национальностей. Это позволяет арабскому читателю оценить глубину и силу воздействия высказываний, принесённых из другой культурной среды, сравнить их со своими представлениями о

жизни и стать участником упомянутой выше межкультурной коммуникации.

Пословицы и поговорки могут, как это ни странно, служить даже рекламой. В египетском городе Шарм эш-Шейхе на стене одного из го-

родских ресторанчиков висят три таблички с пословицами. Верхняя говорит о том, что *«тот, кто может съесть лепёшку, не является слабым и немощным»* (اللي ياكل الرغيف ما هو اسن ضعيف) [26]. Сирийский аналог гласит: *«Слабый, слабый, а съест сто лепёшек»*

(ضعيف بل بياكل مية رغيف) [26]. Арабы используют эти пословицы, чтобы описать человека, который жалуется на слабость и немощь, чтобы ничего не делать, но как только ему предлагают лепёшку, он сразу оказывается здоровым и крепким. Можно сравнить эти пословицы с песенкой про Антошку, который не хотел копать картошку, говоря, что «это мы не проходили, это нам не задавали». А когда ему предложили взять большую ложку, он тут же заявил, что «это, братцы, мне по силе, откажусь теперь едва ли». В данном случае, по-видимому, хозяин заведения хотел сказать, что вкусная еда может поднять на ноги даже слабого и больного.

Вторая пословица гласит: *«Луковица от любимого, как целый барашек»* (بصل المحب خروف). Возможно, это своего рода реклама меню данного заведения, однако такие пословицы о любви, где сравниваются не сравнимые вещи, довольно широко используются в арабском фольклоре. Взять хотя бы пословицу: *«Колотушки любимого, как изюм, а его камни из мёда»* (ضرب الحبيب زبيب وحجارته من العسل). Мы видим в этих пословицах гипертрофированное восприятие влюблённым знаков внимания любимого человека или попытки уменьшения и оправдания небла-

говидных поступков возлюбленного. Недаром арабы говорят, что «*глаз любви слеп*» (عين الحب عمياء).

Третья табличка, приглашая зайти в ресторан и утолить голод, гласит: «*Если они голодны, то они ворчат, а если сыты, то поют*». Возможно, это переиначенный и очень нетолерантный в наше время хадис, в котором рассказывается о том, что Мухаммаду как-то сказали, что ничего не мешает представителям одного эфиопского племени прийти к нему, но они боятся, что Мухаммад их прогонит, на что пророк ответил, что «*в неграх (эфиопах) нет ничего хорошего. Когда они голодны, они воруют, а когда сыты, то распутничают. Их характерной чертой является чревоугодие (живот) и разврат*»

إن من شر رقيقكم السودان، إن جاعوا سرقوا، وإن شبعوا زنوا لا خير في الحبش، إن شبعوا زنوا، وإن فيهم لخصلتين إ طعام الطعام، وبأس عند البأس [22].

Отношение к неграм вообще, и эфиопам в частности, у арабов времён Мухаммада было неоднозначно. Эфиопы в подавляющем большинстве были христианами и не спешили переходить в новую веру. Это с одной стороны, а с другой — негры в большинстве своём были рабами. И даже принятие ислама, когда все мусульмане становились братьями, не изменило отношения чистокровных арабов, представителей белой расы, к темнокожим единоверцам на, так сказать, бытовом уровне.

Показательна в этом плане история одного из самых знаменитых поэтов и воинов доисламского периода Антары Бен Шаддада аль-Абси (525 – 615гг.). Его мужественность и храбрость легли в основу арабской пословицы «*Не всякий со смуглой кожей Антара (герой) (палест.)*», а предания о его жизни были объединены в знаменитый арабский эпос «Антара».

Однако для нас интересна личность Антары и как его жизнь отражает отношение арабов доисламской и ранней исламской эпохи к пред-

ставителям чёрной расы, исходя из приведённого выше хадиса. Он родился в Неджде. Его родителями были Шаддад из знатного рода племени Абс, а мать, Забейба, была эфиопской рабыней, которую Шаддад захватил в одном из походов. Внешность Антары выдавала его африканское происхождение, — цвет его кожи был почти чёрным, а черты лица указывали на принадлежность к негроидной расе. Будучи сыном рабыни, Антара оставался рабом, пас верблюдов и лошадей отца, который не признавал его как сына. Однако это, как ни странно, помогло ему стать прекрасным наездником, смелым и решительным человеком. Его жизнь протекала среди диких зверей и опасностью в любой момент подвергнуться нападению враждебных племён или разбойников.

Однако однажды судьба предоставила ему шанс обрести свободу. Отец обещал освободить Антару, если тот вернёт угнанных воинами враждебного племени отцовских верблюдов и проявит себя в бою, наказав врагов. Антара успешно выполнил поручение и стал свободным человеком. Более того, он стал военачальником своего племени, получив за свою отвагу, силу и воинскую удачливость прозвище «разящий меч народа» [19, с. 132-134].

Однако вернёмся к указанному высказыванию на третьей табличке с пословицами на стене ресторана в Шарм эш-Шейхе. Используемый в хадисе глагол «воровать» (سرق) в пословице стал глаголом «звенеть, зд. ворчать» (زَنَّ), а «прелюбодействовать» (زَنَى) превратился в глагол «петь» (غَنَى). И теперь в этом выражении осуждающее и презрительное отношение к неграм сменилось на нейтральный призыв ко всем вкусно поесть, получить удовольствие и прийти в хорошее расположение духа.

Такое своеобразное использование пословиц и поговорок является убедительным свидетельством того, что ни смена исторических эпох, политических режимов, социальной структуры общества не имеют ни-

какого значения для хождения паремий различных типов, ибо в них закреплены фундаментальные представления народов о всех сторонах жизни, которые составляют основу национального менталитета.

Именно поэтому, на наш взгляд, пословицы часто бывают важной частью литературных произведений. Литература — это художественное переосмысление жизни автором, его эмоциональная оценка событий, о которых идёт речь в рассказе или романе. Поэтому обращение писателя или поэта к ярким образам или кратким по форме, но ёмким по содержанию выражениям, которыми в том числе являются народные пословицы и поговорки, не только украшает, но и придаёт экспрессию авторской мысли. Большое количество пословиц и поговорок мы находим в повести ливанского писателя Жоржа Ханна «Жрецы храма» [21], в которой речь идёт о событиях середины 40-х годов прошлого века в Ливане. Так, во время обсуждения забастовки рабочих, требующих улучшения условий труда, некоторые лидеры стачкома хотели побыстрее «испытать правительство на прочность». Но другие считали, что первые стачки научили власть, поэтому «*Учить учёного, только портить*» (من جَرَّبَ المَجْرِبَ كان عَقْلُه مَخْرِبَ), досл. «Тот, кто испытывает прошедшего испытание, не дружит с головой» [21, с. 21]. В другом месте, говоря о расточительности правящего класса в отношении своих прихотей, например, направления многочисленной делегации за счёт казны в период тяжёлой экономической ситуации, автор пишет, что Казначейство «*щедрее Хатима ат-Тайи*» (أَكْرَمُ من حاتمِ طي) [21, с. 46], доисламского поэта и вождя одного из аравийских племён, прославившегося своей щедростью. В другом эпизоде, когда один из активистов рабочего движения выражает возмущение по поводу того, что полиция обыскивает участников демонстраций на предмет наличия оружия, а кто-то из автобуса открывает по ним огонь, и при этом полиция только стоит и наблюдает

за происходящим, ему отвечают, что он начал *«путать рамадан с шаабаном»* (بدأ يخلط شعبان برمضان) (сравнивать божий дар с яичницей) [21, с. 47]. Если бы у этого активиста была должность с вытекающими отсюда последствиями, он не стал бы так горячиться.

В другом месте одна из главных героинь повести использует выражение: *«Он знает, откуда едят лопатку (имеется в виду баранью)»* (يعرف من أين تؤكل الكتف) [21, с. 65], характеризуя ум, знания и образованность одного из персонажей. Это выражение соответствует русскому *«Он дока в этом деле. Он знаток этого дела»*.

Кроме того, в повести используется много образных выражений. Например, *«разочароваться, испытывать разочарование»* — по-арабски *«тащить хвост неудачи»* (جرّ اذيال الخيبة) [21, с. 113]. Или другое выражение: *«Убеждали по-хорошему»*. В арабском варианте *«убеждали и Богом (прекрасными именами Аллаха), и обещаниями»* (أقنعوا بالحسنى والوعود) [21, с. 61]. В повести мы встречаем и такие слова одного из персонажей, который говорит про судьбу: *«Чему быть, того не миновать»*, *«Как на роду написано»* (المكتوب مكتوب) [21, с. 115]. Это лишь часть образных высказываний, которые использовал писатель, чтобы придать повествованию яркость и выразительность. Кроме того, такие обороты дают характеристику как героям этой повести, так и описываемым событиям. Они также позволяют понять отношение автора к тому, о чём он пишет в своём произведении.

Но не только арабские авторы обращаются к арабскому народному творчеству. Так, арабскую пословицу о том, что *«верблюд не выдержал веса птичьего пёрышка»* (القشّة التي فصمت ظهر البعير), досл. *«Соломинка, которая сломала хребет верблюда»*, мы встречаем не только в арабской притче о человеке, который захотел переехать в другой оазис и так нагрузил верблюда, что маленькое пёрышко, положенное в конце

на его спину, привело к гибели животного, но и в сборнике Пауло Коэльо «Мактуб». В нём автор обращается к сказаниям, притчам, легендам разных народов, которые он приводит в качестве подтверждения своих мыслей. Упомянув эту притчу и пословицу, которая выражает степень удивления хозяина верблюда, который так и не понял, как маленькое пёрышко свалило сильного верблюда, Коэльо пишет: «Иногда мы думаем так же, как и некоторые — не понимая, что наша маленькая шутка *может быть той каплей*, которая переполнит бокал страдания» [28, с. 13]. Данное выражение имеет смысловые синонимы: «*Последняя капля, переполнившая чашу*», «*Последний гвоздь в крышку гроба*». Коэльо увидел в этой притче указание на то, что силы человека не беспредельны. Человек может вынести многое, но окружающие должны быть тактичны и знать, где находится черта, у которой следует остановиться.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

- пословицы, поговорки, афоризмы и другие крылатые образные выражения не утрачивают своего значения несмотря на то, что история их возникновения часто уходит корнями в глубокое прошлое;
- кроме того, они всё больше становятся элементом эмоционального воздействия на зрителя/слушателя/читателя в информационном поле, где действуют различные СМИ;
- фразеологизмы, пословицы, поговорки и другие паремические выражения всё чаще становятся неотъемлемой частью политического дискурса, используются в выступлениях лидеров государств, руководителей различных организаций для придания выразительности и привлечения внимания к тем или иным проблемам;
- их применение в быту можно наблюдать в отдельных случаях не только в устной форме, но и как агитационные материалы рекламного характера;

•арабские пословицы и поговорки, другие образные выражения используются в литературных произведениях арабских и неарабских авторов для более яркой характеристики персонажей или описываемых событий.

Данная тема весьма обширна и охватывает большое количество направлений, поэтому нуждается в дальнейших исследованиях, которые способны внести вклад в развитие и укрепление межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963.
2. Баско Н. В. Фразеология политического дискурса в аспекте межкультурной коммуникации. // Политическая лингвистика, 2017, № 5 (65). — С. 175-180.
3. Верещагин Е.М., В.Г. Костомаров. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство. — М.: Русский язык, 1990.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. — М.: Высшая школа, 1986.
5. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка — Л.: Наука, 1977.
6. Moutaouakil Ahmed. Reflexions sur la théorie de la signification dan la pensée linguistique arabe. — Rabat, 1982.
7. Накыб аль-Атмас, Сейд Мухаммед. Введение в метафизику ислама. Изложение основополагающих элементов мусульманского мировоззрения. — М.: Институт исламской цивилизации, Куала-Лумпур: Международный институт исламской мысли и цивилизации, 2001.

8. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. (Заметки по общей теории клише). — М: Наука, 1970.
9. Полубиченко Л.В., Егорова О.А. Традиционные формулы народной сказки как отражение национального менталитета. // Вестник МГУ. Сер. 19, №1. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — М.: 2003. — С. 7-22.
10. Резван Е.А. Этические представления и этикет в Коране // Этикет у народов Передней Азии. — М.: Наука, 1988. — С.38-59.
11. Родионов М.А. Мурувва, асабийя, дин: к интерпретации ближневосточного этикета // Этикет у народов Передней Азии. — М.: Наука, 1988. — С.60-68.
12. Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка — М.: Наука, 1981.
13. Сейтметова Ж.Р., Давыдова И.В. Фразеологизмы в арабском политическом дискурсе и особенности их перевода. // Вестник КазНУ. Серия востоковедения, 2014, No3 (69). — С. 89-92.
14. Сыщикова Е.К. Пословицы и поговорки в испанской периодической печати. // Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. — М.: 2007.
15. Тарланов З.К. Очерки по лексикологии. — Л.: ЛГПИ, 1973.
16. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
17. Шагаль В.Э. Языковой аспект национальных процессов в арабских странах. — М.: Наука, 1987.
18. Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.) — М.: Наука, 1974.

19. Аль-Фахури Ханна. История арабской литературы. — М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
20. Хабибуллина Ф.Я., Владимиров К.А. Языковые и речевые афоризмы и афористические высказывания в политическом дискурсе французских и российских СМ // Актуальные проблемы романо-германской филологии и преподавания европейских языков в школе и вузе, сборник статей V заочной Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. — Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2016. — С.108-113.
21. Ханна, Жорж. Куххан аль-Хейкаль. Жрецы храма — Бейрут: Дар аль-Илм ли ль-малайин. 1953. (на арабском языке).
22. أحاديث الراوي: هلال. ابن حجر العسقلاني. المطالب العالية بزوائد المسانيد الثمانية لابن حجر. لابن حجر. هلال / hadith.maktaba.co.in/narrators-hadith/41722/
23. حرب الأمثال الشعبية في مجلس النواب المصري [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://arabic.rt.com/middle_east/906292
24. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://arabic.rt.com/middle_east/1135996
25. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://حكم.net//> الماضي-عن-حكم
26. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://arz.wikipedia.org/wiki/ليستة_الامثال_المصريه_اليستة HYPERLINK
27. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://ar.wikiquote.org/wiki/أمثال_سورية_أمثال HYPERLINK
28. Пауло Коэльо. Мактуб. [Электронный ресурс] / Режим дооступа: <https://fullbooks.info/books/proza/klassicheskaja-proza/page-13-136640-paulo-koelo-maktub.html>

Дифференцированные синонимы арабского языка

Целью настоящей статьи является обобщение причин и путей возникновения дифференцированных синонимов арабского языка и наблюдений, сделанных в ходе работы над «Дифференцирующим словарем синонимов арабского языка» [2]¹. Несмотря на преимущественно практический характер указанной тематики, без небольшого экскурса в теорию не обойтись.

Теоретическое языкознание так и не пришло к окончательным и непротиворечивым выводам относительно синонимии. В.М. Белкин пишет: «У части представителей арабского традиционного языкознания существовал и существует взгляд, что всякий язык содержит синонимы и слова со сходными значениями, однако полной синонимией существовать не может» [3 с. 146-147]. Выделяют две группы синонимов: 1) абсолютные, лексические или стилистические, полные и частичные; 2) идеографические или «ложные». За критерий синонимичности принимается возможность взаимозамены. Такое определение синонимов признается как В.М. Белкиным в арабской лексикологии [3, с.152], так и Т.И. Арбековой [4, с. 123] — в английской.

Жёсткое следование указанному критерию приводит к возникновению внутренних противоречий у самых разных авторов.

Так, В.М. Белкин, со ссылкой на арабских лексикографов, положительно решающих вопрос о существовании синонимии и полного смыслового тождества отдельных словарных пар, приводит примеры таких пар: ذهب — مضى (*zāhaba* — *mādā*) «уходить» или جلس — قعد

---

¹ Здесь и далее — Словарь.

(*ġálasa* — *qá'ada*) «садиться» [3, с.145], но вскоре после этого пишет, что Ибн Фарис выявляет различия в значениях, заключающиеся в том, что действие *قعود* (*qu'úd^m*) выполняется из положения стояния, а действие *جلس* (*ġulús^m*) — из положения лежания [3, с. 148]². Отсюда только один шаг до вывода арабских же языковедов о том, что полной синонимии существовать не может [3, с. 147]. К такому же выводу можно прийти и проанализировав первую пару глаголов, которая предположительно в процессе исторического развития языка стала «комбинаторно нетождественной», поскольку второй глагол указанной пары (*مضى* *máḍā*), в отличие от первого, теперь применяется главным образом в сочетании с понятием времени.

Издаваемые в современном арабском мире словари синонимов напоминают традиционный справочник дикторов радио и телевидения, дающий возможность выбора взаимозаменяемых синонимов с целью избежать считающегося неблагозвучным повторения одного и того же слова. Поэтому это довольно скромные по размеру и содержанию издания, где в каждом синонимическом ряду не более двух единиц, к нему обычно добавляют еще и список антонимов [6]. Этим современная арабская лексикография разительно отличается от европейской (к примеру, толковые словари французского языка Robert или Larousse, «Яндекс-переводчик»), где центральное место в словарях занимают не взаимозаменяемые синонимы, а дифференцированные.

Задачей Словаря, таким образом, стал не поиск тождесловов, тем более что эта задача выполнена многими поколениями арабских лексикографов, а нахождение дифференцированных толкований — значений слов, объединённых в синонимические группы.

---

² Далее будут приведены выводы семантического анализа указанной пары, сделанные автором и отличные от упомянутых выше.

Почему? Ответ ясен из личного опыта изучения иностранных языков, в ходе которого неизбежно задаешься вопросом: какое из трёх-четырёх слов выбрать, если они в родном языке переводятся одним и тем же словом. И это не следствие субъективной любознательности, поскольку задача перестать путать невазаменяемые синонимы и научить не путать их является одной из центральных задач многочисленных пособий для иностранцев, изучающих, например, европейские языки.

Таким образом, дифференциация синонимов — это метод правильного подбора слова при переводе как с родного на иностранный, так и с иностранного на родной. Но семантикой её функции и задачи не ограничиваются. Дифференцирование синонимов — способ расширения словарного запаса, метод запоминания, основанный на ассоциативном принципе.

Этим и определяется практическое значение первого в российской арабистике словаря синонимов.

Каков же основной параметр или критерий дифференцированных синонимов в Словаре? Таким критерием, позволившим объединить в синонимические ряды арабские слова, часто даже не воспринимаемые носителями арабского языка в качестве синонимов, стала возможность их перевода одним и тем же русским словом. Это похоже на принцип квантовой механики: когда кто-то наблюдает за происходящим событием, оно действительно происходит. Как в доквантовых теориях частицы существуют ещё до их измерения, а в квантовой теории они возникают только в момент измерения, так и арабские слова, включённые в наши синонимические ряды, становятся синонимами, когда их переводят на русский язык.

Но даже те арабские лингвисты, которые не признают такие лексические единицы в качестве синонимов, говорят о необходимости диф-

ференциации слов, тем самым косвенно признавая их близость по смыслу, но не взаимозаменяемость.

Один из лидеров общественного мнения ОАЭ, журналист и культуролог Насер аль-Захери в своей «8-ой колонке» издающейся в Абу-Даби газеты «Аль-Иттихад» объясняет, что внук от сына и внук от дочери в арабском языке обозначаются двумя разными словами: внук от сына — это *حفيد* *ḥafīd^{un}* а внук от дочери — *سبط* *sibṭ^{un}*. Очевидно, что два этих арабских слова невзаимозаменяемы (шиитских мучеников Хасана и Хусейна, являющихся сыновьями дочери Пророка, называют именно *السبطان*), но также очевидно, что между ними есть тесная связь, у них есть нечто общее. Эта связь и общность проявляются при переводе на русский язык одним и тем же словом — «внук». Поэтому для русскоязычного восприятия эти два слова — синонимы. Но и для носителя языка они настолько тесно связаны, что их нужно дифференцировать, что и делается в указанной колонке эмиратского культуролога под титром *تقاسيم على اللغة* *taqāsīm^u ‘ala l-lūġa^{ti}* «языковая дифференциация»³.

Справедливости ради надо сказать, что в ряде переизданных в наше время работ средневековых и прошлого века авторов по арабской лексикологии идея дифференциации семантики отдельных единиц в группах арабских слов, объединённых тематически, тоже встречается. Но это скорее относится к составлению тезаурусов, характерно и для современных «он-лайн» толковых словарей арабского языка⁴.

Типология и генезис дифференцированных арабских синонимов

1. Объединение семантических полей в русском языке в противовес дроблению полей в арабском, когда семантический объём русского слова шире арабского.

---

³ amood8@alIttihad.ae

⁴ almaani.com

2. Прикрепление к основному значению слова в арабском дополнительного значения, либо не входящего в семантическое поле русского слова-перевода, либо являющегося дельтой в сравнении двух арабских синонимов этого ряда: (1) مزج *mázaġa* «смешивать + соединять» в противовес (2) خلط *hálata* «приводить к контакту, соприкосанию, меняя местами», но без связывания (отсюда и переносное значение خلط «смешивать, путать»), т. е. здесь дополнительным значением является «связывание», которое косвенно подразумевается в русском семантическом поле. После смешивания разъединение невозможно в первом случае, возможно — во втором.

3. «Переносность смысла», метафоричность употребления арабского слова приводит его в унитарное семантическое поле русского эквивалента: (1) فهم *fáhima* «понимать, понять» и (2) استوعب *'istáw'aba* «понять». Второй синоним имеет первоначальное значение «поглощать, вмещать, вбирать в себя». Но в переносном смысле означает «понимать». Семантическая разница с первым синонимом в том, что второй подчёркивает то, что понимание произошло вследствие восприятия, усваивания полученной информации, а не в силу, например, озарения. В последнем случае объём семантического поля арабского эквивалента шире, чем у русского эквивалента за счёт переносности значения.

4. Стилиевые и региональные различия (этот аспект больше подходит к традиционному пониманию синонимов). Так, глагол شاف (1) *šāfa* обычно рассматривается как диалектный эквивалент глагола رأى (2) *rá'ā* «видеть». Но на самом деле شاف — это глагол, употребляемый в Коране и хадисах, то есть самый, что ни на есть глагол классического арабского языка. Однако развитие современного языка привело к тому, что второй синоним перешёл в разряд лексики высокого стиля, а первый стал общеупотребительным, вплоть до диалектного.

5. Опорный русский глагол (его корень) может быть омнивалентен в плане совершенного или несовершенного вида, но его арабскими эквивалентами могут выступать разнокоренные глаголы в силу того, что в их толковании может содержаться дополнительное значение совершённости или несовершённости действия. Например, в синонимический ряд «бежать» включены в том числе два глагола, отличающиеся по видовому признаку: 1) جرى *ǧárā* «бежать наперегонки, догоняя» (акцентируется ускорение при движении) и 2) عدا *‘adā* «пробегать определённое расстояние» (содержит в себе смысл завершенности). Одновременно отметим, что другие единицы данного синонимического ряда имеют дополнительные, «прикреплённые» смыслы, не присутствующие в опорном русском слове: 3) ركض *rakḍ^{unn}* «спортивный бег» (акцент на физическом характере процесса); 4) فر *fārra* «убежать»; 5) هرب *háraba* «убежать в поисках спасения»; 6) هرع *hára‘a* «броситься бежать» (обычно, под влиянием страха); 7) هرول *hárwala* «устремиться» (второе, более разговорное значение — «бежать рысцой»).

6. В связи с изменениями значений слов в процессе исторического развития языка происходит процесс семантической дифференциации [3, с.43]. В традиционной арабской лексикологии и словарях синонимов два главных глагола синонимического ряда «возвращаться» عاد (1) *‘áda* и رجع (2) *ráǧa‘a* не дифференцируются, признаются тождественными по смыслу. Между тем в современном употреблении произошла дифференциация: за первым глаголом закрепилось значение возвращения к себе, к месту своей принадлежности, а за вторым — возвращения в прошлое, к источнику. В качестве доказательства можно привести однокоренные слова или выражения: к (1) — حق العودة *ḥaqqu l-‘áwda^{ti}* (о праве палестинских беженцев на возвращение в свои дома); и к (2) — مرجع *márǧa‘^{unn}* — ссылка; инстанция; авторитетный источник. Предвидя

возражения оппонентов, надо признать, что в диалектном разговорном языке глагол رجع *rāġa‘a* не только взаимозаменяем с عاد *‘ada*, но и вытесняет последний. Это можно объяснить совпадением по звучанию некоторых глагольных форм глагола عاد с соответствующими формами глагола قعد «садиться» в диалектном фонетическом «исполнении». А, как известно, для диалектов характерна тенденция избегания вероятной двусмысленности в силу созвучия и вымывания из употребления одного из созвучных вариантов. По той же, видимо, причине, предлагая присесть и подождать, в разговорной речи употребят, скорее всего, глагол استراح *‘istarāħa* «отдыхать» в повелительном наклонении в значении «садитесь».

Применяемая в Словаре методика семантического анализа (доказательная база).

«Дифференцирующий словарь арабских синонимов», изданный в 2016 г. в издательстве МГИМО под редакцией Э.В. Яковенко, стал итогом перемежающихся периодов большей или меньшей активности работы над ним в течение более 40 лет. Базисом для словаря стал замысел, структура и контент «Материалов словаря синонимов арабского языка», изданных в двух частях в МГИМО в качестве учебного пособия в 1978 – 1979 гг. под редакцией проф. Б.Я. Шидфар. В ходе обсуждения концепции указанного учебного пособия, редактор отмечала, что ей импонируют подбор фактологического материала из арабской литературы и прессы, показывающий сочетаемость анализируемых синонимов, примеры их правильного употребления, но субъективными представлялись выводимые из приводимых примеров формулировки семантической дифференциации. Тогда мы провели семантический анализ однокоренных слов каждого из указанных двух основных глаголов синонимического ряда «сидеть» جلس *ġālasa* и قعد *ka‘ada*. Учёт семантики однокоренного глагола تقاعد *taqā‘ada*, имеющего значение «уйти на покой, вый-

ти на пенсию, сидеть дома», и другого однокоренного глагола сирийского диалекта جلس *ǧállasa* (масдар, имя действия — تجليس таджлис), относящегося к сфере авторемонта и означающего дословно «насаживание» на форму, сгибание из плоского и ровного положения («восстановление геометрии по контрольным точкам методом ковки») приводит к выводу о различии в значениях: в случае قعد *qá'ada* — это «сидеть, отдыхая, находясь в неизменном состоянии покоя», а в случае جلس *ǧálasa* — «изменить положение со стоячего/лежащего, прямого на сидячее, изогнутое», т.е. садиться. Именно эта аргументация убедила редактора первого издания и получила её одобрение. Более того, вышеизложенные замечания привели к убеждению о необходимости наличия доказательной базы для формулировки семантических различий между лексическими единицами, сводимыми в один синонимический ряд (главу Словаря).

Таким образом, в качестве доказательной базы в Словаре привлекаются следующие инструменты:

- 1) семантический анализ многозначного русского эквивалента;
- 2) однокоренные слова, значение которых явственно отдаляется от рассматриваемого синонимического ряда, но этимологически близко к исконной семантике корня;
- 3) различная сочетаемость слов с рассматриваемыми синонимами.

Пример использования всех трёх компонентов доказательного метода — семантический анализ (русский и арабский) и однокоренные слова в качестве индикаторов/инструментов выявления семантических различий показан ниже на примере синонимического ряда (и статьи Словаря) глагола «использовать». Анализ семантического поля русского слова показывает 3 основных его значения: «использование — употребление — извлечение пользы».

Два опорных элемента этого синонимического ряда: 1) استخدم *'istáhdama* и 2) استعمل *'istá'mala*. В первом случае толкование значения — использование в качестве орудия, средства труда, во втором случае — использование расходных материалов, употребление. Правда, между двумя синонимами существует взаимозаменяемость, когда речь идёт об использовании нематериальных объектов, что закономерно, поскольку нет ясности в том, исчерпывается ли этот нематериальный актив в результате его использования или употребления. Так, в сочетании с كلمة *kálima^{unn}* «слово» может использоваться как первый, так и второй синоним. А вот со словом «молоток» должен использоваться только первый синоним, если только молоток не прекращает своё существование, будучи употреблённым/использованным для переделки его в топор, например. Синоним 3) استغل *'istagálla* означает «эксплуатацию», подразумевающую принудительность использования, одностороннее несправедливое и неоправданное получение выгоды. Однокоренное слово غل *gall^{unn}* «оковы». Синоним 4) استهلك *'istáhlaka* означает «потребление, исчерпывающее использование». Однокоренное слово هلك *hulk^{unn}* — «разрушение, прекращение существования, гибель». Кроме того, в синонимический ряд включен глагол وظَّف *wázzafa* со значением «привлекать со стороны, вовлекать новые средства, орудия, методы». Однокоренное слово موظَّف *miwázzaf^{unn}* — «служащий», нанятый «со стороны» сотрудник.

Что касается различной сочетаемости и использования однокоренных слов для выявления семантических различий, достаточно убедительными примерами могут служить синонимические ряды «комната» и «стена».

Из двух эквивалентов (не считая диалектных) слова «комната» (1) — حجرة *húğra^{unn}* и (2) غرفة *gúrfá^{unn}* во фразе «спальная комната» (гарнитуры мебели) или «столовая» (гарнитуры мебели) используется второй

вариант, а не первый. Это позволяет предположить, что синоним (2) имеет значение «обустроенной, обставленной комнаты», а синоним (1) — «пространство, ограниченное стенами», тем более, что есть однокоренные слова с корнем حجر *ḥğr* — *ḥáğar^{mn}* «камень» и *ḥağr^{mn}* «запрет», хорошо показывающие семантические особенности синонима (1) в свете его этимологии.

В синонимическом ряду جدار – حائط – سور (*ğidâr^{mn} – ḥâ'it^{mn} – sūr^{mn}*) «стена», как отмечает В.М. Белкин со ссылкой на Абухилияля аль-Аскари, семантическое различие усматривалось в том, что первое — это «высокая стена», второе — «(она) окружает это место», третье — это «большая стена». Не говоря уже о том, что отличие между стеной «большой» и «высокой» весьма трудноуловимое, семантические сдвиги в исторически подвижном языке привели к появлению более существенных различий в значениях, толкования которых в Словаре на базе приведенных примеров из современной литературы и СМИ сформулированы следующим образом: «внешняя стена дома» — «(меж)-комнатная стена» — «забор, городская (крепостная) стена» [2, с. 193].

Место дифференцированной синонимии в учебном процессе и переводе

То, что изучение и обучение дифференцированным синонимам помогает запоминанию слов по принципу ассоциативности и позволяет выбрать правильное слово при письменном переводе с русского на арабский можно считать бесспорным. Однако помогает ли та же методика при синхронном переводе, когда у переводчика возникает дефицит времени? В этой связи Т.И. Арбекова считает, что «синонимы — лучшее выразительное свойство, когда они используются человеком, знающим язык. Для изучающего язык обилие синонимов — тормозящий фактор», в связи с чем даётся рекомендация «не заучивать много синонимов» [4, с. 131].

Практическое применение вышеприведенной рекомендации при переводе возможно только при условии существования тождественных, полных синонимов, а также на этапе первоначального изучения языка. Однако, поскольку само существование таких взаимозаменяемых синонимов оспаривается, то без дифференциации синонимов и их изучения искажение смысла при переводе неизбежно — оно может носить стилистический характер, а то и полностью исказить смысл, затруднить понимание. Кроме того, всякий переводчик или говорящий при выборе лексики вольно или невольно ориентируется на аудиторию, различную по социальному и географическому (в случае с арабскими странами — диалектному) характеру. Поэтому даже стилистически неправильный выбор может затруднить понимание.

Хотя проблемы, возникающие при синхронном переводе, — это вопрос психолингвистики. Попробую ответить на рекомендацию не заучивать много синонимов, исходя из своего личного опыта. Наличие в памяти целого синонимического ряда, единицы которого надо перебирать, чтобы выбрать нужную, естественно, может потребовать дополнительного времени, которого нет. Поэтому переводчику, особенно синхронному, который в процессе обучения ассоциативно запомнил связанные в цепочки синонимы, при выборе слова за крайне ограниченное время необходимо руководствоваться пониманием его семантики, изучить сочетаемость и запомнить различия значений. Для этого полезны примеры — цитаты, приводимые в Словаре.

Помимо функции справочника, решающего задачу дифференциации арабских синонимов, Словарь параллельно выполняет функцию тезауруса, то есть пособия по обогащению словарного запаса изучающих арабский язык в качестве иностранного, исходя из того, что ассоциативный метод является одним из лучших методов запоминания. Желание

использовать это преимущество естественным образом привело к расширению принятой в данном словаре концепции синонимов путем включения в синонимические группы арабских слов, близких по значению и объединённых общей темой, обозначенной главным словом в словарной статье.

Словарь состоит из 460 словарных статей, каждая из которых начинается с русского «флагманского» слова, которое может представлять собой как эквивалент для группы арабских синонимов, так и обозначать общую тему. В последнем случае «флагманское» слово сопровождается также рядом русских синонимов. В смежном гнезде приводится перечень арабских синонимов. Каждый из арабских синонимов снабжён в отдельном гнезде комментарием, который является не определением, а пояснением, толкованием оттенков и различий в значении единиц, включённых в данный синонимический ряд. Приводимые примеры из арабской художественной литературы и арабских СМИ призваны иллюстрировать эти различия и показать особенности употребления. Поскольку речь идет о семантической дифференциации синонимов, в ряде случаев в качестве иллюстрации использовались примеры с однокоренными частями речи (для синонимов-глаголов — масдары и причастия, для существительных — прилагательные и т.п.). В отдельных случаях в пояснительных гнездах приводятся однокоренные слова, если этимология арабского синонима помогает более яркой дифференциации значений. При переводе на русский язык указанных примеров предпочтение отдавалось максимальной близости к буквальному переводу, что, однако, не всегда удавалось в силу разности языковых систем. Критериями очерёдности арабских синонимов в статье являлись (по мере убывания значимости): частота употребления, широта покрываемого семантического поля, использование в прямом или переносном смысле.

Также частотой употребления в русском и арабском языках обусловлен выбор между глаголом или существительным-именем действия в качестве названия словарной статьи.

В некоторых случаях в названиях словарных статей допускалось отступление от принципа использования русских глаголов в совершенном виде, поскольку целый ряд арабских глаголов несёт в себе значение совершенного либо несовершенного вида («результат» либо «процесс»), хотя остальные совмещают в своём значении обе эти видовые формы. Для облегчения пользования Словарь снабжён русским алфавитным указателем — оглавлением, а также арабским алфавитным указателем. Словарь предназначен для специалистов и изучающих арабский язык на продвинутом уровне.

Конечно, работа заявленного масштаба не может быть свободна от недостатков, которые одновременно подсказывают пути дальнейшей работы над усовершенствованием Словаря. Прежде всего есть достаточно большой потенциал усиления полноты охвата и добавления недостающих синонимических рядов. Кроме того, возможно уточнение толкований различий в значениях элементов отдельных синонимических рядов, а также подбор новых примеров их употребления для более яркой и убедительной демонстрации этих различий.

Следует также ответить на вопрос, можно ли и целесообразно ли использовать Словарь для изучения русского языка арабофонами или арабского языка — носителями европейских языков? Очевидно, что для этого потребуется существенная переработка словарного контента в силу разницы семантической структуры арабского, русского и европейских языков, однако сами принципы составления дифференцирующего словаря синонимов вполне применимы для всех языков. Что касается арабоговорящих пользователей, то ознакомление со Словарем позволит

осознать многозначность русского слова, богатство оттенков и смыслов русской лексики.

С точки зрения носителя арабского языка, изучающего русский, интересен был бы «зеркальный» взгляд на проблему дифференцированной синонимии, особенно при установлении соответствия многозначного арабского слова ряду обычно невзаимозаменяемых русских эквивалентов, что может вызвать затруднения при переводе на русский язык. Приведём в качестве примера слово ضبط *dabt^{mn}*. Среди значений указанного арабского слова в данном русском синонимическом ряду: 1) сдерживание; 2) ограничение; 3) контроль; 4) задержание; 5) поимка; 6) конфискация; 7) точность; 8) дисциплина. Очевидно, что для арабоязычающего изучающего актуальным становится составление «зеркального» словаря-справочника русских дифференцированных синонимов с примерами употребления, снабжёнными переводом.

В заключение остается отметить, что с точки зрения мыслительной практики, дифференциация синонимов — увлекательнейшее путешествие в мир семантики, поиска смыслов и их сравнения. Это «бытие в роскошном саду слов» (*jardin des mots*, как у французов) сродни обнаружению ребенком самого себя в океане понятий, слов и предметов взрослого, нового мира.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М.: «Русский язык», 1989.
- 2) Меликян А.А. Дифференцирующий словарь синонимов арабского языка. М.: МГИМО–Университет, 2016.

- 3) Белкин В.М. Арабская лексикология. М.: Издательство Московского университета, 1975.
- 4) Арбекова Т.И. Лексикология английского языка (практический курс). М.: Высшая школа, 1977.
- 5) إبراهيم اليزجي. كتاب نجعة الرائد وشرعة الوارد في المترادف مكتبة لبنان، بيروت، ١٩٨٥ والمتوارد.
- 6) رضا ديب عواضة. قاموس المترادفات والعداد. "راشد برس"، بيروت، ٢٠٠٩
- 7) نجيب اسكندر. معجم المعاني والمتوارد والناقد. "الزمان" بغداد ١٩٧١
- 8) اميل بديع يعقوب. المعجم اللغوي العربي في نشأته وتطوره. المؤسسة الحديثة للكتاب، ٢٠١١ طرابلس،

**Роман-антиутопия палестинского писателя
Ибрагима Насраллы глазами критиков**

На сегодняшний день жанр антиутопии, получивший широкое распространение в западной литературе в XX веке, привлекает всё большее внимание арабских писателей. Арабская литература долгое время хранила и лишь частично преобразовывала традиционные жанры и формы, до середины XIX века оставаясь достаточно консервативной. Тем не менее значительные изменения в политической и экономической ситуации ряда стран ближневосточного региона, произошедшие после событий «арабской весны», послужили стимулом для развития нового для арабской литературы жанра антиутопии. Размышления о будущем региона, а также обострившиеся экономические и социальные проблемы общества вызвали у литераторов желание высказаться. Несмотря на то, что далеко не всегда сюжеты романов-антиутопий напрямую перекликаются с событиями «арабской весны», многие исследователи сходятся во мнении, что произошедшие события стали катализатором для развития нового жанра [1, с. 72].

В целой серии романов-антиутопий, появившихся в течение последних десяти лет, ярко представлены попытки арабских писателей найти ответы на самый важный вопрос: каким будет будущее через несколько десятилетий?

Интерес к новому жанру оказался настолько велик, что после событий 2011 г. в Египте появляется Египетское общество научной фантастики (The Egyptian Society for Science Fiction¹), главными целями ко-

---

¹ Официальная страница Египетского общества научной фантастики доступна в социальной сети Facebook по ссылке: <https://www.facebook.com/elzembely/>

того является изучение и популяризация романов арабских авторов в жанре антиутопии. В социальной сети Facebook также несложно найти несколько официальных групп, посвящённых арабской антиутопии, — например, Arab Dystopia – с количеством подписчиков более 50 тысяч человек.

На сегодняшний день большинство произведений-антиутопий создано египетскими авторами. Это связано, по-видимому, с тем, что литература Египта, наиболее передовая по сравнению с литературами других арабских стран на протяжении XIX-XX вв., всегда отличалась большей восприимчивостью, быстрее усваивала новые жанры и формы. Кроме того, значительные изменения, произошедшие в стране в последнее десятилетие, обеспечили дополнительный литературный стимул для египетских прозаиков. Тем не менее автором одного из самых шумевших романов в жанре антиутопии под названием «Вторая война собаки» является палестинец по происхождению, проживающий в Иордании, Ибрагим Насралла.

Будущий писатель родился в 1954 году в Аммане. Его детство и юность были непростыми — Ибрагим Насралла провёл ранние годы жизни в одном из лагерей для палестинских беженцев в Иордании. Ибрагим Насралла является автором стихотворных произведений, рассказов для детей и романов. В некоторых публикациях, посвященных Ибрагиму Насралле, его называют иорданским писателем [13], в других — палестинским [5] или палестино-иорданским [3]. Вопрос, по-видимому, остаётся открытым,² хотя следует отметить, что сам писатель никогда не забывал своего происхождения, о чём свидетельствует, например, создание одной из его крупнейших работ, посвященной истории Палестины, которая охватывает период более двух с половиной столетий. Литература

---

² Большинство источников всё же относит Ибрагима Насраллу к представителям палестинской литературной среды.

ратурные произведения Ибрагима Насраллы переводились на различные языки: английский, итальянский, датский, турецкий и фарси — и неоднократно отмечались престижными литературными премиями [12].

Роман «Вторая война собаки» впервые увидел свет в 2016 г. в Бейруте. Несмотря на то, что произведение в 2018 г. было отмечено престижной премией Арабский Буккер, мнения критиков и читателей по поводу него серьезно разделились. Сюжет антиутопии вращается вокруг событий, связанных с войной, но основная проблема, которую поднимает автор, — нравственная. Автор предлагает читателю представить скорое будущее, которое, по его мнению, ужасно и беспросветно. Как отмечал в своей статье-рецензии один из критиков, выбор основной темы неслучаен и созвучен с тяжёлыми годами юности, пережитыми Ибрагимом Насраллой [11]. Главный герой романа Рашид³ подвергается пыткам со стороны власти, попав в так называемую Крепость, внушающую ужас жителям города. Несмотря на перенесённые страдания, Рашид остаётся верен своим убеждениям, однако уже после освобождения внезапно решает полностью изменить свою жизнь и стать на сторону тех, кто пытал его. С этого момента читатель следит за превращением героя, его нравственным падением. Следует отметить, что в большинстве западных антиутопий можно проследить обратную схему построения сюжета, когда герой, постепенно осознавая происходящее, решает выступить против существующей системы.⁴

Повышенное внимание читателей к этой работе, в первую очередь, объясняется присуждением ей премии Арабский Букер, которая,

---

³ Интересно, что имена в романе есть лишь у главного героя (Рашид) и его жены (Салям). По мнению критика и писателя д-ра Тарика Аббуда, таким образом автор подчеркивает безликость окружающего мира в романе [7].

⁴ Таковы, например, антиутопии Е. Замятина «Мы», Дж. Оруэлла «1984», Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», О. Хаксли «О дивный новый мир» и многие другие.

по мнению многих, является маркером качественной литературы. Тем не менее, как среди критиков, так и среди простых читателей было немало тех, кто остался разочарован прочитанным. Так, на популярном литературном Интернет-портале Goodreads средняя оценка, выставленная роману, составляет лишь 3 балла: при этом учитывалось мнение 1500 проголосовавших и 410 рецензий. На сайте Амазона представлено всего четыре рецензии, а общая оценка читателей составляет 4 балла. Что же не понравилось, а что, наоборот, привлекло внимание читателей?

Большинство критиков, подчеркивая мастерский стиль автора, особенно удачно проявившийся в описаниях, а также общую идею романа, отмечают нелогичность сюжета, чрезмерное внимание к деталям и подражание другим произведениям этого жанра. Один из читателей по этому поводу пишет: «Весь роман с начала и до конца — это подобие научно-фантастического голливудского фильма. Очевидно влияние кинематографа на писателя» [11].

Следует подчеркнуть, что роман «Вторая война собаки» написан полностью на литературном языке, без вкраплений диалекта. К использованию диалектных форм в репликах героев при сохранении литературного языка в повествовательной части произведения авторы нередко прибегают сознательно — с помощью такого построения текста читателю проще почувствовать «реальность» происходящего. Ибрагим Насралла отказывается от этого приёма, возможно, тем самым подчеркивая фантазийный характер произведения.

Сам автор в интервью каналу аль-Джазира отмечал, что роман «Вторая война собаки» стал для него в жанре антиутопии дебютным. Как подчеркнул Ибрагим Насралла, «он (роман) поставил передо мной вопросы, которых я сам прежде перед собой не ставил» [3].

Однако, по мнению большинства читателей, оставивших рецензии на это произведение писателя, текст антиутопии оказался слишком перегружен различными метафорами и отстранёнными рассуждениями. С этим утверждением, пожалуй, стоит согласиться: если в начале романа автор пытается сохранять сюжетную линию, то впоследствии она часто оказывается слишком запутанной и сложной для понимания. Автор одной из рецензий отмечает: «Перед нами арабский писатель, превзошедший некоторых западных авторов, пишущих в этом жанре. Примечание: я совершенно не понял эпилог (произведения)» [11].

Звучали в адрес автора упреки в том, что ему не удалось придать своей идее конкретные черты. Так, «ужасное будущее», о котором пишет Ибрагим Насралла, по мнению, одного из критиков не слишком сильно отличается от нашей действительности, в которой бесконечные войны стали нормой [9]. Впрочем, несложно найти и абсолютно противоположное этому мнению. Один из читателей оставил даже не рецензию, а краткий комментарий к роману: «Ужас безумства и жестокость сродни убийству». Другой читатель, впечатлённый общей атмосферой романа, пишет: «Представьте себе ужас будущего. Оно взрывает ваше сознание, а потом отбрасывает вас в сторону... Всякая выдумка однажды может стать реальностью» [11].

В рецензии издательства, выпустившего роман на арабском языке, говорится: «Это фантасмагория, наполненная чудесами»⁵. Однако автор литературного обзора, посвящённого роману, в интернет-версии журнала «Аль-Кудс» так комментирует этот фрагмент: «В действительности в романе нет никаких чудес: камеры, машины, способные двигаться без водителя, — всё это привычно, мы видим это ежедневно» [6]. Автор этой рецензии Марван Абдурраззак, сирийский писатель и критик, на

---

⁵ Из аннотации к изданию романа «Вторая война собаки» на арабском языке.

наш взгляд, лучше прочих сумел понять то, что пытался вложить Ибрагим Насралла в свой роман. Антиутопию «Вторая война собаки», действительно, сложно назвать лишь фантазией, в ней автор описал безысходность, боль и бессилие простого человека. Не это ли чувствовали его родные и он сам, оставив дом в Палестине, чтобы спасти свои жизни? Марван Абдурраззак проводит параллели между описанием жестоких способов воздействия на людей, описанных в романе, и трагическими событиями в Ираке, а также на его собственной родине — в Сирии. Критик подчёркивает абсурдность большинства причин для развязывания войны: в романе бойня начинается после неудачной продажи собаки — отсюда и название произведения. Если же взглянуть глубже, то причиной практически любого конфликта является личная неприязнь к кому-то или чему-то.

Интересным также кажется замечание Марвана Абдурраззака по поводу роли интеллигенции во внутренних делах государства. Так, по его мнению, Ибрагим Насралла затрагивает немаловажный вопрос фальсификации истории и умышленного искажения действительности: «Они (интеллигенция) участвуют в убийствах и считают это победой над «терроризмом», которым можно охарактеризовать любого оппонента» [6].

В конце 2018 г. Ибрагим Насралла посетил Каир и дал интервью одному из старейших столичных изданий — газете «Аль-Ахрам» [10], арабская версия канала «Russia Today» также не обошла стороной новость о присуждении роману «Вторая война собаки» престижной премии [8]. В 2019 г. интерес к роману всё еще был достаточно высок, что позволило в рамках научно-культурной конференции провести семинар в Дубае, посвящённый произведению Ибрагима Насраллы. Приглашенная профессор Марьям аль-Хашими отметила, что, по её мнению, роман

можно назвать «литературой о войнах в ближневосточном регионе и последствиях арабской весны» [4].

В целом, если критики встретили роман более-менее благосклонно либо нейтрально, то большинство обычных читателей сошлись во мнении, что этот роман Ибрагима Насраллы нельзя назвать самой удачной работой писателя. Многие также подчёркивают, что, по их мнению, конкретно это произведение не следовало отмечать премией Арабский Буккер. Разумеется, немаловажную роль в формировании подобного мнения о романе сыграли завышенные ожидания читателей после награждения произведения Ибрагима Насраллы.

Роман «Вторая война собаки», скорее всего, не станет классикой арабской литературы, однако для исследователя это произведение представляет несомненный интерес, как пример первой работы, созданной в жанре антиутопии палестинским автором. Анализ романа позволяет яснее понять внутренние процессы, которые в настоящее время происходят в арабской и, в частности, в палестинской литературе. Нестабильность политической и экономической ситуации, ощущение безысходности и неспособности изменить жизнь своего народа заставляют писателя транслировать страхи-предупреждения, адресованные обществу, через слово. Создание соответствующей атмосферы произведения является чрезвычайно важным, но далеко не единственным залогом успешного романа-антиутопии. Романы, созданные в этом жанре, справедливо относят к интеллектуальной литературе, и поэтому читателю, знакомому с примерами антиутопий в западной литературе, кажется естественным наличие в тексте завуалированных намеков, метафор, отсылок, рефлексии главного героя, его «развития» на протяжении произведения. Не все из этих элементов присутствуют в романе Ибрагима Насраллы, что, тем не менее, не делает его менее значимым для читателя. Стоит вспомнить,

какие этапы развития в XIX в. проходил новый тогда для арабской литературы жанр романа и как быстро этот жанр был воспринят и адаптирован арабскими литераторами. За небольшой промежуток времени качество арабского романа достигло уровня, позволившего в 1988 г. Нобелевскому комитету отметить роман египетского писателя Нагиба Махфуза «Дети нашего квартала» престижной премией. Жанр антиутопии уже прочно вошел в арсенал арабских литераторов и, нужно полагать, совсем скоро их мастерство будет по праву оценено за пределами их родины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокрушина А.А. Будущее Египта глазами арабских писателей-антиутопистов // Азия и Африка сегодня. № 10. М., 2019. С. 71-76.
2. Насралла И. Харб аль-калб ас-санийа (Вторая война собаки). Бейрут, 2016. 517 с.
3. [Электронный ресурс] / Режим доступа:
<https://www.aljazeera.net/news/cultureandart/2018/4/25/>
4. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.alittihad.ae/article/>
5. [Электронный ресурс] / Режим доступа:
<https://www.almasryalyoum.com/news/details/2072173>
6. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.alquds.co.uk/>
7. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.almayadeen.net/books/>
8. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://arabic.rt.com/culture/>
9. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ar.qantara.de/content/>
10. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://gate.ahram.org.eg/News/>
11. [Электронный ресурс] / Режим доступа:
<https://www.goodreads.com/book/show/32049139>
12. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://mawdoo3.com>
13. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ar.wikipedia.org/wiki/>

Отражение исламской культуры в русской литературе

Исламская наука и культура оказала непосредственное влияние на развитие человечества. Европейская культура обогатилась за счёт достижений мусульманских учёных. Например, современная западная математическая наука – это продолжение исламской математики. То же самое можно сказать об астрономии, медицине, архитектуре и других областях. Ислам оказал огромное влияние на литературу западных писателей, которые принадлежали к другому вероисповеданию. Арабская классическая литература, священный Коран не оставили равнодушными таких писателей, как Пушкин, Бунин, Толстой, Достоевский, Лермонтов, Гоголь и других.

Влиянию исламской культуры на русских писателей способствовал и тот факт, что в составе России и в непосредственной близости с ней жили многочисленные народы, исповедовавшие ислам. Поэтому культурное взаимодействие России с исламским миром было фактически неизбежным.

В XVIII веке появились первые переводы священного Корана, с этого времени наблюдаются попытки осмысления исламской религии.

В 1722 г. Пётр Первый отдал распоряжение печатать книгу «Система или состояние Мухаммеданской религии» князя Дмитрия Кантемира. Она была срочно переведена с латинского языка на русский и опубликована в том же году. Князь Дмитрий Кантемир был чрезвычайно образованным человеком. Он провёл 20 лет в качестве заложника в Стамбуле, владел арабским, персидским, греческим, турецким, русским,

итальянским, французским языками и латынью, был советником Петра Первого по восточным вопросам. В его книге излагалась история ислама, обряды мусульман, обычаи, нравы и мусульманские науки [10].

Считается, что начало такого влияния в литературе прослеживается через творчество Державина, который родился в Казани, имел татарские корни и сам неоднократно подчёркивал своё происхождение.

Влиянию Корана и мусульманских традиций на русских писателей способствовало проникновение России на Кавказ. Коранические сюжеты, образы мусульман, их жизнь, традиции и нравы становятся неотъемлемой частью русской литературы.

Первым поэтом, который обратился к осмыслению Священного Корана в своём поэтическом творчестве был **Александр Сергеевич Пушкин (1799-1837)**, на которого неизгладимое впечатление произвёл перевод Корана, выполненный М.И. Верёвкиным в стиле текста Библии под названием «Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих», выполненный по изданию француза Андре дю Рие [11].

В 1824 году поэт пишет стихотворную композицию «Подражание Корану» [12, с. 110], которая состоит из восьми частей, каждая из которых передаёт одну из сур Корана или эпизод, связанный с жизнью Мухаммада. В ней рассказывается о том, как Бог дал пророку Коран:

С небесной книги список дан,
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!

О жёнах и друзьях пророка:

О, жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно...

И:

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего,
В пареньи дум благочестивых,
Не любит он велиречивых
И слов нескромных и пустых...

В следующей части говорится о человеческой гордыне, когда
падший ангел говорит:

На всё подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С Тобою, Боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева Твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его!

Одна часть посвящена воинам Аллаха, которые погибли за веру и
вошли в Эдем:

Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,

С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

И:

Блаженны падшие в сраженьё:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденьи,
Не отравляемом ничем.

В «Подражании Корану» поэт использовал отрывки из тридцати трёх коранических сур [12, с. 110]. Пушкин восхваляет Бога-творца. Однако он не стремился передать в своих произведениях правил шариата или подробно излагать суть ислама. Его задачей было обогатить русскую литературу новыми образами, отображавшими характер Востока. Долгие годы Коран служил источником вдохновения для великого русского поэта, в результате этого появилось такое произведение, как «Кавказский пленник» (1821 г.), в котором поэт воспевает природу, окружающую горные селения черкесов, описывает обычаи горцев, их нравы, рисует целый ряд ярких образов:

Но европейца всё вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И лёгкость ног, и силу длани...

Или:

Когда же с мирною семьей
Черкес в отеческом жилище

Сидит ненастною порой,
И тлеют угли в пепелище;
И, спрянув с верного коня,
В горах пустынных запоздалый,
К нему войдёт пришлец усталый
И робко сядет у огня, —
Тогда хозяин благосклонный
С приветом, ласково, встаёт
И гостю в чаше благовонной
Чихирь отрадный подаёт.
Под влажной буркой, в сакле дымной,
Вкушает путник мирный сон,
И утром оставляет он
Ночлега кров гостеприимный.

И:

Бывало, в светлый Байран
Сберутся юноши толпою;
Игра сменяется игрою. [12, с. 239]

Те же мотивы мы встречаем в произведениях «Бахчисарайский фонтан» (1823), стихотворениях «Пророк» (1826) и «Талисман» (1827). Вот что писал об этом периоде творчества великого поэта Н.В. Гоголь: «Его пленила вольная поэтическая жизнь дерзких горцев, их схватки, их быстрые, неотразимые набег; и с этих пор его кисть приобрела тот широкий размах, ту быстроту и смелость, которая так дивила и поражала только что начинавшую читать Россию» [3, с. 56]

Николай Васильевич Гоголь (1809-1852)

Известно также увлечение исламскими мотивами и самого Н.В. Гоголя. Писатель также выступал с лекцией об истории мусульманских государств.

В своём произведении «Арабески» (1835г.) он касается личностей Гаруна ар-Рашида и Аль-Мамуна. Это сборник, который наподобие арабских узоров объединил в себе совершенно разнородные литературные произведения: пьесы, очерки, статьи, рассказы. Гоголь писал о них: «Я не писал их по заказу. Они высказывались от души, и предметом избирал я только то, что сильно меня поражало». В статье «Аль-Мамун» представлена история Аравии времён Гаруна ар-Рашида и Аль-Мамуна: «...возьмем то блестящее время, когда появились аравитяне — краса народов восточных. И одному только человеку и созданной им религии, роскошной, как ночи и вечера Востока, пламенной, как природа, близкая к Индийскому морю, важной и размышляющей, какую только могли внушить великие пустыни Азии, — обязаны они всем своим блестящим, радужным существованием! С непостижимой быстротою они, эти смуглые чалмоносцы, воздвигают свои калифаты с трех сторон Средиземного моря» [3, с. 28].

Описывая Арабский халифат, писатель говорит: «Все части этой великой империи, этого магометанского мира, были связаны довольно сильно, и связь эта укреплена была волею необыкновенного Гаруна, который постигнул все разнообразные способности своего народа» [3, с. 80]. Гоголь отмечает мудрость внутренней политики этого халифа: «Просвещение чужеземное он прививал к своей нации в такой только степени, чтобы помочь развитию её собственного» [3, с. 80].

Гоголь высоко оценил роль Гаруна ар-Рашида как государственного деятеля и, сравнивая его с Аль-Мамуном, он несомненно отдаёт

предпочтение Гаруну: «Но просвещение, вводимое Ал-Мамуном, менее всего отвечало природным элементам и колоссальности воображения арабов ...Самый космополитизм Ал-Мамуна, открывавшего вход в государство ученым всех партий, уже зашел несколько далеко ...В правлении Ал-Мамун был больше философ-теоретик, нежели философ-практик, каким бы должен быть государь. Он знал жизнь своего народа из описаний, из рассказов других, а не изведал сам, как очевидец, как изведал его великий Гарун» [3, с. 85].

Гоголь критически оценивает реформаторскую религиозную деятельность халифа и пишет, что он умер, не поняв своего народа, не понятый своим народом. «Он показал собою государя, который при всем желании блага, при всей кротости сердца, при самоотвержении и необыкновенной страсти к наукам, был, между прочим, невольно одною из главных пружин, ускоривших падение государства» [3, с. 85].

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814 – 1841)

Он оказался на Кавказе ещё в возрасте 10 лет, когда впервые столкнулся с культурой мусульманских народов. Впоследствии судьба неоднократно возвращала поэта на Кавказ, и его культура и ислам оказали большое влияние на творчество поэта. Местные жители рассказали ему много легенд, некоторые из которых легли в основу его произведений. Среди них рассказ «Ашик Кериб», который повествует о настоящей любви, способной преодолеть все препятствия.

Другое произведение, которое несомненно должно быть упомянуто, — это роман «Герой нашего времени», глава «Бэла». В этой книге отображены психология, обычаи, образ жизни горцев. Она повествует о трагической любви, где верность и преданность девушки из черкесской семьи, её искренняя и открытая любовь сталкивается с эгоистичной натурой русского офицера, безрассудные действия которого приво-

дят к её гибели. Среди описаний обычаев черкесов, например, свадьба княжеской дочери.

Вот как штабс-капитан Максим Максимыч описывает свадьбу: «Сначала мулла прочитает им что-то из Корана; потом дарят молодых и всех их родственников, едят, пьют бузу; потом начинается джигитовка, и всегда один какой-нибудь оборвыш, засаленный, на скверной хромой лошаденке, ломается, паясничает, смешит честную компанию; потом, когда смеркнется, в кунацкой начинается, по-нашему сказать, бал. Бедный старичишка бренчит на трехструнной... забыл, как по-ихнему ну, да вроде нашей балалайки. Девки и молодые ребята становятся в две шеренги одна против другой, хлопают в ладоши и поют. Вот выходит одна девка и один мужчина на середину и начинают говорить друг другу стихи нараспев, что попало, а остальные подхватывают хором» [8].

В поэме «Измаил бей» нравы и обычаи черкесов возникают на фоне пышной, величавой природы, где «девы их» известны «красою чудной», где «старцы с белыми власами судили распри молодых», «стада теснились и шумели» «и каждый путник находил ночлег и пир гостеприимный», создавая особую, полную гармонии ткань произведения [9].

Фёдор Михайлович Достоевский (1821-1881)

В творчестве этого великого русского писателя ислам и мусульмане занимают особое место. Он был православным христианином и всей душой болел за судьбу России. У Достоевского, в отличие от Толстого, например, не было малейшего сомнения в роли православной веры в жизни русского народа. Но он был философом с широчайшим мировоззрением, который мог охватить и осмыслить весь вселенский религиозный опыт, ощутить глубинную связь авраамических религий.

Большое значение для этого осмысления имели события, связанные с пребыванием писателя в остроге на каторге, где ему приходилось

общаться со многими каторжными мусульманами. Вот как он описывает одного из них в своих «Записках из мёртвого дома» (речь идёт о татарине из Дагестана Алиии, с которым Достоевский прожил бок о бок несколько лет): «Трудно представить себе, как этот мальчик во все время своей каторги мог сохранить в себе такую мягкость сердца, образовать в себе такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загрубеть, не развратиться. Это, впрочем, была сильная и стойкая натура, несмотря на всю видимую свою мягкость» [4].

Писатель восхищается душевной чистотой этого молодого человека, которого не могли испортить даже жестокие нравы, царившие в каторжной жизни: «Вообще скажу заранее: я считаю Алея далеко не обыкновенным существом и вспоминаю о встрече с ним как об одной из лучших встреч в моей жизни. Есть натуры до того прекрасные от природы, до того награжденные Богом, что даже одна мысль о том, что они могут когда-нибудь измениться к худшему, вам кажется невозможной. За них вы всегда спокойны» [4].

Позднее в Омске и Семипалатинске судьба свела Достоевского с востоковедом Валихановым, который познакомил его с основами ислама, много рассказывал ему о культуре мусульман [5].

Известно, что в библиотеке писателя был Коран во французском переводе Казимирского (1864 г.) с предисловием переводчика, в котором были сведения о Магомете и исламе [5]. В это время были и другие работы, посвящённые истории ислама, о которых Достоевский наверняка знал. В годы ссылки образ Мухаммада очень интересовал его ещё и по причине эпилепсии, которая возникла у него в то время и также сопутствовала писателю всю его жизнь. В то время он воспринимал Мухаммада как великого поэта-эпилептика.

Безусловно, ислам интересовал Достоевского и с философской точки зрения, и с точки зрения основы жизни многих его героев. Но, как утверждают многие исследователи его творчества, он не посвятил этой религии ни одного конкретного текста. Тем не менее в его произведениях герои часто упоминают Магомета, его образ возникает как бы мимо­лётно — в спорах, рассуждениях на сложные философские темы. При этом невозможно утверждать, что эти рассуждения отражают точку зрения самого писателя. Вопрос об отношении великого писателя и философа к этой теме очень сложен и требует отдельного серьёзного исследования.

При этом можно отметить, например, такую деталь. Мотивом реминисценции у Достоевского становится «Кувшин Магомета», когда по преданию он совершает путешествие из Мекки в Иерусалим, а оттуда на спине крылатого существа на небо, где получает заповеди от Бога. Вернувшись, Мухаммад успевает остановить падающий кувшин, который он уронил перед путешествием. Это путешествие у мусульман называется «ми‘радж». «Кувшин Магомета» появляется в романе «Идиот» в пятой главе второй части и в пятой главе третьей части «Бесов», где проводится идея разграничения внутреннего и внешнего времени [1].

Несомненно, писателя волновала личность основателя ислама. В романе «Преступление и наказание» звучат слова Раскольникова о Пророке Мухаммаде: «О, как я понимаю Пророка с саблей на коне! Велик Аллах, и повинуйся, дрожащая тварь» [6].

Лев Николаевич Толстой (1828-1910)

Знакомство будущего писателя с исламом началось в тринадцатилетнем возрасте в Казани, где он учился в Казанском университете на

отделении восточных языков философского факультета. Некоторое время он учил арабский и тюркские языки.

В 1851 г. вместе со старшим братом Николаем Толстой уехал на Кавказ, где почти три года жил в казачьей станице на берегу Терека, выезжая в Кизляр, Тифлис, Владикавказ. Обычаи и нравы горцев-мусульман нашли отражение в автобиографических повестях «Казачьи», «Кавказский пленник», рассказах «Набег», «Рубка леса», а также в поздней повести «Хаджи-Мурат». Знаменитые «Севастопольские рассказы», написанные в Крымскую войну, отразили нравы коренного мусульманского населения края.

В повести «Кавказский пленник» мы встречаем совершенно уникальные картинки быта, которые великий писатель запечатлел, подмечая самые мельчайшие детали: «Видна ему из щелки дорога — под гору идет, направо сакля татарская, два дерева подле нее. Собака черная лежит на пороге, коза с козлятами ходит, хвостиками подергивают. Видит — из-под горы идет татарка молоденькая, в рубахе цветной, распояской, в штанах и сапогах, голова кафтаном покрыта, а на голове большой кувшин жестяной с водой. Идет, в спине подрагивает, перегибается, а за руку татарчонка ведет бритого, в одной рубашке» [14].

Образ жизни татар, обустройство их жилища, особенности интерьера привлекают внимание и создают яркий наглядный фон происходящим событиям: «Пришел Жилин в дом. Горница хорошая, стены глиной гладко вымазаны. К передней стене пуховики пестрые уложены, по бокам висят ковры дорогие; на коврах ружья, пистолеты, шашки — всё в серебре. В одной стене печка маленькая ровень с полом. Пол земляной, чистый как ток, и весь передний угол устлан войлоками; на войлоках ковры, а на коврах пуховые подушки. И на коврах в одних башмаках сидят татары» [14].

Образы мусульман, созданные в произведении, выписаны настолько рельефно и выразительно, что читатель легко воспроизводит их в своём воображении: «Был еще у них старик. Жил он не в ауле, а приходил из-под горы. Видал его Жилин только, когда он в мечеть приходил Богу молиться. Он был ростом маленький, на шапке у него белое полотенце обмотано, борода и усы подстрижены, — белые, как пух; а лицо сморщенное и красное, как кирпич» [14].

Это был старый джигит, который убил своего сына за то, что тот «передался» русским. «С тех пор он бросил воевать, пошел в Мекку — Богу молиться. От этого у него чалма. Кто в Мекке был, тот называется хаджи и чалму надевает» [14].

Что касается отношения Толстого к исламу, как к религии, то существует множество толков по поводу того, что он отдавал ему предпочтение перед православием. Некоторые исламские исследователи даже утверждали, что в свои последние годы он принял ислам. Но все эти утверждения не имеют документального подтверждения.

При этом несомненным является глубокий интерес писателя к мусульманской религии. Толстой написал целый ряд посланий, где объяснял действительные ценности, лежащие в основе ислама, в частности, призыв к деланию и распространению добра, а также проповедь простой жизни, такой, какую вёл Пророк: жизни благочестивой и аскетической. Толстой выбрал несколько рассказов-хадисов о жизни Пророка, взяв их из книги избранных хадисов индийского писателя Абдаллы ас-Сахруди, и перевёл с английского на русский, назвав сочинение «Власть пророка Мухаммада». Книга, якобы, дошла до имама Мухаммада Абдо, являвшегося в 1899-1905 гг. верховным муфтием Египта [2]. М. Абдо считался либеральным реформатором, основателем исламского модернизма.

Всё вышеизложенное говорит лишь о том, что великие русские писатели не довольствовались поверхностным изображением своих героев. Они понимали, что за каждым из них стоит своя историческая глубина, которая определяется прежде всего традиционным укладом, в основе которого лежит религиозное сознание. Они чувствовали это интуитивно. Поэтому проявляли такой интерес к мусульманской религии. Именно по этой причине образы, созданные ими, поражают своим своеобразием, индивидуальностью и они так детерминированы. Писателю не надо было придумывать, как поступит его герой в той или иной ситуации. Он чувствовал его, как реального живого человека, знал, какие мотивации движут его поступками. Поэтому, говоря словами Ф.М. Достоевского, он воплощался «в осязаемо реальном и понятном виде», потому что писатель понимал «дух народа, его создавший».

В своей речи на открытии памятника Пушкину Достоевский сказал: «И в европейских литературах были громадной величины художественные гении — Шекспир, Сервантес, Шиллеры. Но, обращаясь к чужим народностям, европейские поэты чаще всего перевоплощали их в свою же национальность и понимали по-своему. Даже у Шекспира его итальянцы, например, почти сплошь те же англичане». И ещё о Пушкине: «Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные» [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев П.В. Мусульманский Восток в поэтике Достоевского. Вестник Омского университета, № 4 — с. 298 – 301. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskiy-vostok-v-poetike-f-m-dostoevskogo>

2. Алтухов Роман. Мухаммед Абдо. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://roman-altuchov.livejournal.com/tag/Мухаммед>
3. Гоголь Н.В. / Собрание соч. в 7 томах. Т. 6. М.: Худлит, 1986 г. — с. 56.
4. Достоевский Ф.М. Записки из мёртвого дома. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://librebook.me/zapiski_iz_mertvogo_doma
5. Достоевский и ислам. Беседа с доцентом БГУ В. Борисовой. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://islam.ru/content/kultura/31274>
6. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/69/index.html>
7. Достоевский Ф.М. Речь Достоевского о Пушкине. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://онлайн-читать.рф/достоевский-речь-достоевского-о-пушкине/>
8. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://classica-online.ru/catalog/geroy-nashego-vremeni-chast1-glava1/>
9. Лермонтов М.Ю. Исмаил Бей. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://rustih.ru/mixail-lermontov-izmail-bej/>
10. Олтаржевский Георгий. Князь тишины: Дмитрий Кантемир и его роль в истории России. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://iz.ru/936229/georgii-oltarzhevskii/kniaz-tishiny-dmitrii-kantemir-i-ego-rol-v-istorii-rossii>
11. Переводы Корана на русский язык. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
12. Пушкин А.С. Сочинения. М.: Худлит, 1949 г.
13. Толстой Л.Н. Биография. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.culture.ru/persons/8211/lev-tolstoi>
14. Толстой Л.Н. Кавказский пленник. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://classica-online.ru/catalog/kavkazskiy-plennik-tolstoy/>

15. Толстой Л.Н. Письмо об исламе и христианстве. [Электронный ресурс]
/ Режим доступа: <http://www.diletant.ru/blogs/4142/2716/Толстой>

«Гонимый рока самовластьем ...»
(К проблеме эмиграции в современной арабской прозе)

По имеющимся данным, по миру рассеяны десять с половиной миллионов выходцев из арабских стран. И если палестинская диаспора, возникшая вследствие более чем полувековой нерешённости проблемы палестинского народа, лишённого родины, давно стала привычным фактором арабской и мировой социально-политической действительности, то переселение, а порой настоящее бегство граждан из таких стран, как Ливан, Сирия, Ирак и др., стало результатом внутривнутриполитических конфликтов зачастую, так сказать, с «международным участием» (как американская оккупация Ирака 2003-2011 гг.), начиная с последней четверти прошлого века (гражданская война в Ливане 1975-1990 гг., затем «чёрное десятилетие» в Алжире 1991-2001 гг., продолжающийся и поныне иракский кризис и т.д.). Арабские писатели не касаются вопроса о трудовой миграции, вызываемой неблагоприятным экономическим положением. Их внимание сосредоточено на теме эмиграции по причинам политического, религиозного и иного порядка, когда отъезд с родины становится средством экзистенциальной защиты, единственным способом остаться в живых.

Арабские авторы произведений по эмигрантской тематике зачастую стремятся излить на страницах своих сочинений неизбежную тоску героев по мирным годам детства и юности, неизменно представляющимся им теперь безусловно счастливыми. Память героини-эмигрантки иракской писательницы Ин'ам Качачи (роман «Американская внучка», 2011), проживающей в Детройте, хранит такие воспоминания из безмя-

тежного детства: «В начале апреля городские пустыри окрашиваются жёлтым цветом ромашек. Всё это обширное жёлтое пространство очаровывает, от запахов весенней природы кружится голова. В расселинах скал изумительно пламенеют анемоны, красные, как щёки у дочерей моего дяди, когда они выходят из бани. Как мне не любить Мосул, где все говорят на наречии моей бабушки?» [6, с.13). Восхищение природой родных мест, чувство единения с семьёй, безоблачность и защищённость бытия — постоянные мотивы эмигрантской литературы.

Ностальгия, безусловно, — серьёзное препятствие, осложняющее социокультурную адаптацию героев-эмигрантов с чувствительной душевной организацией. Однако важную роль здесь играют причины, по которым герои романов покидают отечества, при том что эмиграция преимущественно имеет вынужденный характер (поэтому в выбранной нами к качеству эпиграфа пушкинской строке ключевое слово «гонимый»). Так, например, молодой суданке Наджве, героине суданской писательницы Лейлы Абу-ль-Аля («Минарет в Риджентс-парке», 2012), приходится покинуть родину после государственного переворота в Судане 1985-го г. и гибели отца, сподвижника режима. На чужбине, в Лондоне, мать умирает, брата сажают в тюрьму из-за наркотиков. На родине Наджва была изнеженной девушкой из богатой семьи, близкой к президенту. В эмиграции, утратив прежний высокий социальный статус, она становится служанкой, работающей в арабских семьях. Писательница показывает, как её героиня, оказавшись в чужой стране, пытается найти духовную опору в религии и приходит к выводу, что причиной катастрофы её семья явилось то, что они не любили молиться, а соблюдали лишь внешнюю обрядовую сторону верования. Поэтому Наджва сосредоточивается на молитвах, посещает занятия по исламской религии, мечтает совершить хадж и из девушки, в Судане одевавшейся

по последнему слову моды, превращается в Лондоне в традиционного вида набожную мусульманку в хиджабе. Причём героиня стала правоверной мусульманкой именно в эмиграции, хотя к моменту госпереворота, переиначившего её жизнь, исламизация Судана шла полным ходом. Пережив оглушительный удар по личной судьбе, потеряв отца, а затем и остальных членов семьи, оказавшись перед жизненной необходимостью интегрироваться в чуждую этно-религиозную и культурную среду, волей или неволей накопив опыт вязких, нравственно небезупречных связей, оставшись на чужбине в «бесконтрольном» одиночестве, героиня делает выбор в пользу перехода из нерелигиозности в набожность, причём добровольно, осознанно в отличие от перехода из богатства в бедность, совершённого вынужденно. Она не стремится к самоутверждению, каким-либо поискам себя в новой для неё жизни, но ограничивается и довольствуется принятием того, что ей преподают на уроках религии. Причём автору важно подчеркнуть, что в этом повиновении религиозным учителям она отвергает свою арабскую и суданскую принадлежность, предпочитает считать себя только мусульманской женщиной, заявляя, что у неё нет иной идентичности, кроме исламской [2]. Героиня, таким образом, стремится отделить себя от родной страны, переломные события в которой стали причиной её изгнания. Поэтому воспоминания о родине, как и этническое самосознание, на период жизни в эмиграции оттеснены ею в самый дальний, «невостребованный», угол эмоциональной памяти. Она не только не может, но и не имеет желания возвращаться.

Тот же Лондон становится пристанищем героинь романа иракской писательницы Сальвы Джаррах («Без берегов», 2012), которая не забывает, что это — столица метрополии, оккупировавшей Ирак в 1917 г. Повествуя о судьбах своих персонажей, писательница непременно объ-

ясняет причины, заставившие покинуть родину. Одна из героинь потеряла сына, погибшего в ирано-иракскую войну (1980-1988), и уезжает из опасения, что и второго её сына отнимут войны, которые, как ей кажется, никогда не кончатся в этом регионе.

Другая женщина вступила на родине в неравный брак (она ниже мужа по социальному положению) и бежит с супругом в Лондон из-за возникшего скандала. Чета прожила на чужбине не один десяток лет. Но вот героине исполнилось 60 лет, и она решила вернуться на родину, чтобы посмотреть, каким стал Ирак, который она покинула, будучи молодой девушкой. Её все отговаривали, но она настояла на своём и вернулась. И погибла в результате ставшего привычным в Ираке эксцесса — взрыва заминированной автомашины.

Примечательно, что писательница не замалчивает тот факт, что её персонажи ищут спасения в государстве, некогда превратившем их страну в колонию. Осев в самом Лондоне, они обретают чаемые безопасность, свободу, получают доступ к образованию и здравоохранению. Автор акцентирует внимание на причудливом характере контактов, связывающих народы бывших колоний с их колонизаторами согласно известному парадоксальному феномену гуманизации отношений жертвы и палача. С. Джаррах считает важным напомнить, что, в частности, арабы всегда предпочитают помощь врачебного опыта государства, в прошлом державшего их в колониальной зависимости: жители Магриба едут лечиться во Францию, арабы Машрика доверяют опыту только британских эскулапов [3].

Следует отметить, что порой писатели уделяют внимание судьбам тех, кому в силу преклонного возраста трудно привыкать к новым, непривычным жизненным условиям. Ин‘ам Качачи в романе «Гашари» повествует о жизни героини, Вардийи Искандер, в молодости рабо-

тавшей женским доктором в южноиракском городе Ад-Диванийя, а в 80 лет оказавшейся в Париже, куда её перевезла проживающая там племянница. Одна дочь Вардийи в Канаде, другая — в Дубае, сын — в Африке. Это те самые «ташари» — «разлетевшиеся», «рассеявшиеся», которые и дали название роману. Тем самым писательница уподобляет своих сограждан жителям древнего Сабейского царства, которые вынуждены были уйти со своей земли и рассеяться по миру, когда на них обрушился мощный поток Ас-Сейль аль-Арем и разрушил их великую Марибскую плотину. Так и иракцы: американская агрессия 2003-2011 гг. снесла устои их налаженной жизни и заставила искать безопасность и стабильность вдали от Ирака. «Духтуру» Вардийю, спасавшую жизни иракских женщин и младенцев, которую в родном городе приветствовал каждый, по какой бы улице она ни шла, а теперь пожилого человека, к тому же с ослабленным слухом, привезли доживать свой век в страну, языка которой она не понимает, и довольствоваться минимумом прав, на которые могут рассчитывать беженцы [7].

Мотив оторванности от родных мест неустраимо присутствует и в произведениях египетских мастеров слова. Баха Тахер, автор романа «Любовь в изгнании» (2010), вкладывает в уста своего протагониста, журналиста-эмигранта, следующее рассуждение (его спутница нарвала букет цветов, но они тут же поникли и увяли): «Наверное, эти цветы не могут жить без земли». Как не могут жить, по-видимому, желает дать понять автор, в чуждой социокультурной среде люди, вырванные, подобно растениям, из своей почвы и перенесённые приживаться на чужую землю.

Однако эта сентенция подаётся не как безапелляционное утверждение: арабским писателям, имеющим в своём жизненном багаже опыт прожитых на Западе лет, опыт личного «паломничества на Се-

вер»¹, ведомы и счастливо, и неудачно сложившиеся судьбы эмигрантов. Очутившись в ином социуме, персонажи их произведений либо подстраиваются, смиряются с новым для них жизненным укладом, либо бунтуют, бросают вызов и, не обретя чуждых ориентиров в новой жизни, пополняют плотные ряды людей со сломанными судьбами. В романе Б. Тахера героиня подмечает, что её спутник как-то по-особенному разговаривает «со здешними людьми», а именно — «с преувеличенной вежливостью», причём везде: «в гостинице, в аэропорту, в магазинах», и предполагает, что так проявляется «комплекс иностранца». Мужчина отвечает, что и на родине, в Египте, он разговаривает с людьми так же. Однако женщина настаивает на своём мнении: «Здесь ты добавляешь каплю мёда. Думаю, это комплекс иностранца». Её друг не противоречит и обещает «следить за собой» [1, с. 19].

Такое поведение не может не выглядеть благоразумным. Но в случае с тахеровским героем замеченная вежливость, по-видимому, имманентна его природе; возможно, он действует безотчётно, без нравственных усилий, просто «по доброте душевной». В остальных случаях выдержка, терпение, самообладание — сверхценные для эмигранта качества. В новелле «Металлический крокодил» (сборник «Квадратная луна», 1999) известная сирийско-ливанская писательница Гада ас-Самман описывает стоящих в очереди людей, «колонну призраков», выстроившихся перед дверью полицейского управления ещё до рассвета при температуре пять градусов ниже нуля, чтобы получить (если не откажут) вид на жительство в Париже. «А кто придёт в девять утра, к началу рабочего времени, проведёт весь день в ожидании, к тому же может не попасть внутрь из-за давки». Герой новеллы, ливанец Сулейман, проходит через раму металлоискателя, раздаётся свист, мужчина освобождает карманы от ме-

---

¹ «Сезон паломничества на Север» — бестселлер 1967 г. суданского писателя Салеха ат-Таййиба о жизни его главного героя в Европе.

таллических предметов, его охватывает страх, и он признаётся себе: «Как я стал бояться полицейских и вообще всех, кто носит униформу, какой бы она ни была, полицейской или белым халатом врача!» [4, с. 33]. А «стал бояться» именно в эмиграции, оказавшись в статусе человека зависимого и могущего стать жертвой произвола любого местного начальника.

Гости французской столицы сначала должны попасть в тесную стеклянную комнатку с одним окошком, за которым выдают номера, чтобы потом пройти в зал ожидания, и Сулейман «чуть не задыхается в этой прозрачной человеческой банке сардин».

Сулейман оглядывает сотрудниц и замечает чернокожую женщину: «Она, конечно, сама подвергается притеснениям, поэтому будет приветлива с нами». Но сосед по очереди, негр, разъясняет: «Униженный и оскорблённый необязательно приветлив с себе подобными, напротив, может стать палачом, как эта служащая-негритянка. Я давно её знаю, как в сущности и все, кто приходил в этот земной ад» [4, с. 33-35]. И ведь нет способа избежать этого ада на земле, устроенного эмигрантам принимающей стороной.

Сулейман, слыша, как эта сотрудница «ада» грубо и сурово обращается с просителями, беспокоится за соседа, которому несчастливо выпало иметь дело именно с ней: «Она сдерёт с него кожу и повесит его худое тело у входа в свою палатку, отрубит голову и прильёт к дереву в своём лесу рядом с черепами тысяч чужестранцев, с которыми она расправилась» [4, с. 35]. Сулейман внешне не проявляет своего негодования, но в душе взывает к отмщению: «Если бы сосед был волшебником, следовало бы помешать этой полицейской вот так публично его унижать и наказать за то, что она оскорбляет своих же земляков, что предала свою кровь» [4, с. 36-37].

Так на примере «одного утра из жизни» ливанского эмигранта Г. ас-Самман, сама многие годы жившая в европейских столицах, стремится психологически достоверно передать состояние человека, испытывающего превратности совсем не безоблачного существования эмигранта в чужих краях. И злобная, аки тигрица, чернокожая служащая не ожесточилась ли душой и сердцем именно в результате жизни на чужбине? Или, наоборот, не исключено, что она желает порвать со своим историческим прошлым и мстит землякам — живым напоминаниям о её истинных корнях и потому вызывающим в ней особую неприязнь.

Нерадостные изменения в своём характере вынужден признать и герой романа алжирской писательницы Ахлям Мустаганми «Чёрное тебе идёт» (2012), тоже ливанец (и тоже бывший эмигрант), увлечшийся алжирской девушкой Халой. Он видит, что она мужественная и гордая и что у неё есть «национальное чувство», пыл которого сам он растерял, по его словам, из-за слишком долгой жизни и скитаний на чужбине (25 лет, проведённых в Бразилии) [6, с. 84].

А. Мустаганми, сама родом из страны, расположенной на побережье Средиземного моря, отделяющего Северную и остальную Африку от заветных европейских берегов, в своём сочинении описывает бесчеловечный по жестокости способ достижения этих желанных пределов — Европы. «Возникли группы самоубийц из числа потомков Тарека бен Зийада, сжёгшего за собой корабли, чтобы отрезать своим воинам путь к отступлению. Подобно им, самоубийцы не брали с собой спасательные жилеты, не подвешивали по бортам судна резиновые шлюпки, забыв, что коварство — первый инстинкт моря».

Беглецы, уничтожая возможность вернуться, сжигали паспорта. Это делалось для того, чтобы береговая охрана на европейском берегу не могла изгнать их из желанного западного рая, и это ещё при условии,

что они доберутся до суши живыми. А эмиграционной службе трудно придётся с разгадкой их национальной принадлежности и места рождения.

Если корабль с перебежчиками терпит крушение, то тело несостоявшегося эмигранта вернуть родственникам невозможно: требуется провести допрос оставшихся в живых, процедуру опознания. И то — в случае, если тело всплывёт вместе с десятками других трупов, а не станет добычей рыб. Если тело находят, то требуются «огромные расходы» по его возвращению. А тех, кого возвращают домой живыми, ждёт тюрьма.

Писательница обращает внимание, что перебежчики стараются выходить в море в Рамадан, отправляясь в путь, когда береговая охрана занята завтраком или не обращает внимания на суда, «отдающие швартовы» в час, когда раздаётся призыв на вечернюю молитву.

Беглецы не берут с собой еду: для неё нет места. «Вместо продуктов агенты смерти предпочитают получить 2000 евро за ещё одного пассажира», — продолжает насыщать свой текст признаками жуткой действительности алжирская писательница-реалист.

У бегущих с родины нет багажа, «даже в карманах у них ничего нет, ведь у савана нет карманов», — пишет А. Мустаганми, предрекая отчаявшимся соотечественникам неминуемую гибель в море. Она упрекает их за то, что те годами следят за жизнью на противоположном берегу, а выходят в море и направляются к городам, существующим только в головах мечтателей. «Смерть в них — единственная реальность», — заключает автор, укоряя безнадёжных романтиков за привычку к розовым очкам, зашоренность, преступное перед собой и родными непоправимое легкомыслие [6, с. 233-236].

Сулейман из новеллы Г. ас-Самман говорил: «Если бы какой-нибудь астролог сказал мне в тот день, когда я, молодой человек, уто-

павший в тепле морского побережья в Бейруте, через 15 лет, в 1985 г., буду стоять у полицейского управления в Париже в пять утра, утопая в унижении, а столбик термометра будет показывать пять градусов ниже нуля, я бы посмеялся над ним, уверенный в нерушимости своей бейрутской империи» [4, с. 26]. Большинство людей, как и герой новеллы, лишены провидческого дара и не могут достоверно знать, «что день грядущий им готовит». Современные арабские писатели, повествуя о судьбах персонажей, волею Большой истории, в результате войн и внутренних конфликтов вынужденных приживаться на чужой по жизненному укладу, менталитету, языку и т.д. земле, видят свою задачу в том, чтобы в художественной форме отобразить опыт таких принудительных перемещений, зачастую ломающих людей и их судьбы, и, говоря об эмиграции не как о возможной стратегии, но как о необходимом решении, прорисовать штрихи сложившегося дискурса описания изгнаннической доли и опыта эмигрантской жизни ливанцев, иракцев, суданцев и др. Главное внимание авторы уделяют причинам, по которым их героям приходится бросать родину и искать новую жизнь вдали от дома, а также изображению того, с какими трудностями сопряжена интеграция в чужой этнокультурный социум. Однако и такие житейские проблемы, как пересечение границы, бюрократические формальности, незнание местного языка, также порой находят освещение на страницах современных арабских романов об эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ибрагим Саналлах, Тахер Баха. Любовь в изгнании. Комитет. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, ИВ РАН, 2010.
2. عبد الرحمن لنا. نجوى السودانية تراقب حياتها المضطربة في لندن. «مئذنة في ريجنت بارك» رواية ليلة أبو العلاء. الحياة (لندن)، ٢ من أبريل «نيسان» ٢٠١٣ م.

- القصيفي ماري. ثلاث نساء عراقيات في وطن الحلم. رواية «بلا شيطان» لسلوى جراح. الحياة، (لندن)، ٤ من أبريل «نيسان» ٢٠١٤ م.
3. السمّان غادة. القمر المربع (منشورات غادة السمّان). بيروت، ١٩٩٩.
  4. كجه جي إنعام. الحفيدة الأميركية. الطبعة الثانية. بيروت: دار الجديد، ٢٠١١ م.
  5. مستنغمي أحلام. الأسود يليق بك. بيروت: نوفل، ٢٠١٢ م.
  6. الطويل كاتيا. عراق إنعام كجه جي لم يبق إلا على خريطة وهمية. الحيات (لندن)، ١٩ من يناير «كانون الثاني» ٢٠١٤ م.

А.А. ГАДЖИЕВА
Институт стран Азии и Африки
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова
Москва

**Лексико-грамматические особенности
«Русско-киргизского и киргизско-русского словаря
Ишъ-Мухаммеда Букина**

Роль и значение двуязычных словарей, созданных в определённый этап развития национального языка, несомненно, трудно переоценить. Большая культурно-познавательная и научная ценность таких изданий заключается в том, что они являются не только важным источником для изучения лексического состава языка, истории диалектов и процесса становления современного литературного языка, но и определения хронологических границ изменения словарного состава.

Одним из первых казахских двуязычных словарей, созданных на основе кириллической и арабской графики является «Русско-киргизский и киргизско-русский словарь» Ишъ-Мухаммеда Букина (Ташкент, 1883). Составил его воспитанник IV класса Туркестанской учительской семинарии¹ Ишъ-Мухаммед Букин. Как объясняет сам составитель, «отсутствие в печати киргизско-русского и русско-киргизского словаря, сознание крайней необходимости онаго, а равно практическая польза такого словаря служили для меня главным побуждением к составлению такового. Словарь этот не может представлять из себя цельного, законченного труда, а равно не имеет права претендовать на какое-либо

---

¹ Ташкентская учительская семинария была открыта в 1879 году в Ташкенте и первоначально называлась Учительская семинария Туркестана. Семинария готовила учителей для школ, в том числе для русско-туземных школ.

особенное научное значение. Этот словарь есть первая попытка привести в систематический порядок слова, составляющие лексикон киргизского народа» [4, с. 1]².

Словарь состоит из двух частей: русско-казахской и казахско-русской, — и содержит около 6000 слов и словосочетаний. В настоящем словаре отсутствуют парадигмы склонения имён и спряжения глаголов, так как издание представляет собой первый опыт составления двуязычного словаря, прежде всего, для практических нужд, с целью «облегчить возможность обмена мыслей на казахском и русском языках» [4, с. 2]. Из общего количества лексем Словаря 198 слов относится к арабским заимствованиям, 157 — к персидским. Наличие такого количества арабо-персидских заимствований в Словаре объясняется, скорее всего, тем, что город Туркестан, где был он составлен, находится на юге Казахстана и употребление арабо-персидских заимствований было особенно свойственно жителям южных регионов.

Кроме того, Словарь содержит диалектную лексику (59 слов). В ходе исследования диалектная принадлежность этих лексем была установлена в соответствии с диалектологическим словарём казахского языка.

Русские заимствования и слова, перешедшие через русский язык, составляют небольшой пласт Словаря — 22 лексем. Помимо этого, зафиксированы слова, имеющие отношение к устаревшей и этнической лексике.

В конце приводятся киргизско-русский алфавит, который включает 32 графемы, выраженные арабицей, и 24 кириллических графем, а также названия чисел, дней недели, месяцев и родственных связей.

---

² До революции казахов и киргизов называли одним этнонимом «киргизы».

Хотя некоторые специфические звуки казахского языка, такие как сонорный носовой **ң**, не нашли место в алфавите, тем не менее в словах он выражен лигатурой [нґ] [نك]. Например: *онгай* (ونكاي) – лит. каз. *оңай* ‘лёгкий’; *дангкь* (دانكى) – лит. каз. *даңқ* ‘слава’.³

Несколько переднерядных и заднерядных гласных имеют единое графическое изображение. Например, звуки **ұ, ү, у, о** выражаются одной буквой **у** (в арабской графике **و**): *буль* – лит. каз. *бұл* ‘это, эта, этот’; *куби* – лит. каз. *күбі* ‘бочка’; *ку* – лит. каз. *қу* ‘хитрый’; *булмак* – лит. каз. *болмақ* ‘быть’. В ряде случаев звуки **о, ө** также выражены одной графемой **о**: *коль* – лит. каз. *қол* ‘рука’; *коль* – лит. каз. *көл* ‘озеро’.

Звуки **і, е, ы** имеют одинаковое графическое выражение в словах *ись* – лит. каз. *іс* ‘дело’; *инь* – лит. каз. *ін* ‘нора’; *изь* – лит. каз. *із* ‘след’; *ишь кайда* – лит. каз. *ешқайда* ‘никуда’; *ишь кимь* – лит. каз. *ешкім* ‘никто’; *иклыкь* – лит. каз. *ықылық* ‘икота’; *ирысь* – лит. каз. *ырыс* ‘счастье’; *иссыкь* – лит. каз. *ыстық* ‘горячий’. Такое соотношение звуков указывает, скорее всего, на особенность произношения упомянутых слов жителями южных регионов Казахстана.

Звуки **з, г, к, қ** выражены в казахских словах соответствующими арабскими графемами **ك/گ/ق** и двумя кириллическими **з, к**. Несомненно, передача мягких и твёрдых согласных звуков казахского языка одними и теми же кириллическими графемами вызывает определённые трудности в распознавании лексемы. Тем не менее человеку, знакомому с арабицей, не составляет труда определить конкретное слово, так как для обозначения согласных звуков казахского языка арабская система письма является наиболее подходящей. Сравним для наглядности лексемы с указанными звуками, представленные в Словаре: *кабырга* (قاييرغه) – лит. каз. *қабырға*

³ Составитель словаря использует дореформенное правописание слов. Как известно, до революции твёрдый знак (он же ерь) писали в конце слов, оканчивающихся на согласную.

‘ребро’; *кайғы* (قايغى) – лит. каз. *қайғы* ‘печаль’; *когермекъ* (كوگيرميك) – лит. каз. *көгермек* ‘зеленеть’; *сыгаламакъ* (سيغالامق) – лит. каз. *сыгаламақ* ‘вперять, подглядывать’.

Среди других особенностей Словаря можно отметить использование глагольной формы на **-мақ/мек** в качестве инфинитива. В современных казахских двуязычных словарях эта форма представлена именем действия на **-у/ю**: *айқайламакъ* – лит. каз. *айқайлау* ‘кричать, крик’; *айтмакъ* – лит. каз. *айту* ‘сказать’; *блисмекъ* – лит. каз. *білісу* ‘знаться’; *сингбекъ* – лит. каз. *сіну* ‘впитываться’. В Словаре указанная форма реализуется с помощью четырёхвариантного аффикса **-мақ/мек/-бақ/бек**. В современном литературном казахском языке эта форма употребляется в значении будущего времени намерения⁴ и образуется с помощью шестивариантного аффикса **-бақ/бек/-мақ/мек/-нақ/нек**. Обращает на себя внимание то, что в словах с ауслуемыми глухими согласными употребляется аффикс **-мақ/мек** в отличие от правил образования этой формы в современном казахском языке, ср.: *агартмакъ* ‘белить’ – лит. каз. *агартпақ* ‘намерен побелить’; *болысмакъ* ‘заступаться’ – лит. каз. *болыспақ* ‘намерен заступиться’. В данном случае морфологические нормы современного казахского языка не допускают присоединения аффикса с анлаутным **-м** или **-б** к основам с конечными глухими согласными.

Любопытным оказался лексический материал, наибольший интерес в котором представляет диалектная лексика. Анализ показал, что в большей степени в Словаре встречаются лексемы, характерные для южного диалекта казахского языка. Например: *айбань* ‘терасса’; *амиянь* ‘бумажник’; *белькурекъ* ‘лопата’; *бойра* ‘циновка’; *даража* ‘должность’; *даракъ* ‘тополь’; *жапъ* ‘канал’; *жармакъ* ‘мелкая крупа’; *калетъ* ‘ошибка’;

⁴ В качестве инфинитива форма на **-мақ/мек** употреблялась в казахской книжно-письменной речи XIX в. [5, с. 231].

конгсы ‘сосед’; мыкъ ‘гвоздь’; шляпиинь ‘таз’; там ‘дом’; сым ‘брюки’ и др. В то же время Словарь содержит незначительное количество диалектизмов, свойственных западному, восточному и северному диалекту: бтегене ‘немножко’; дадандық ‘невежество’; женгсикти ‘влюбчивый’; инь ‘плечо’; жасьыл ‘молния’; жоткирмекъ ‘кашлять’; журунь ‘лоскут’; кебенъ ‘стог’; косынъ ‘война, отряд’; реуити ‘подобный’; селебе ‘меч’ и др.

Русские заимствования и лексика, перешедшая через русский язык, представлена в основном словами, которые относятся в большей степени к реалиям социальной и бытовой жизни казахов того времени, например: задатка ‘задаток’; капоста ‘капуста’; краница ‘граница’; крись ‘крест’; нагреть ‘награда’; нагреттемекъ ‘награждать’; опеика ‘опоек’; путь ‘пуд’; солькебай ‘целковый’; сухарь ‘сухарь’; копие ‘кофе’; марке ‘марка’; жанараль ‘генерал’ и др.

К устаревшей лексике можно отнести арабские заимствования, обозначающие названия месяцев: далю – лит. каз. қаңтар ‘январь’; хуть – лит. каз. ақпан ‘февраль’; хамаль – лит. каз. наурыз ‘март’; саурь – лит. каз. сәуір;көкек ‘апрель’; жауза – лит. каз. мамыр ‘май’; саратнь – лит. каз. маусым ‘июнь’; асядъ – лит. каз. шілде ‘июль’; сунбле – лит. каз. тамыз ‘август’; мизанъ – лит. каз. қыркүйек ‘сентябрь’; акрап – лит. каз. қазан ‘октябрь’; кус – лит. каз. қараша ‘ноябрь’; жади – лит. каз. желтоқсан ‘декабрь’. В эту группу также входят слова, выражающие понятия, которые вышли из практического употребления: ангазакъ ‘сильный зной’; алпадъ ‘боярин’; біягалар ‘деверь’; болысь ‘волостной’; дауэгеръ ‘подсудимый’; кадакъ ‘фунт’; кезъ ‘аршин’; кели ‘ступка’; керектенбекъ ‘нуждаться’; креу ‘залог’; кюндукиши ‘поденьщик’; мауэ ‘ягода’; отарба ‘поезд’; от қайық ‘пароход’ и др.

В Словаре немало терминов, связанных с зарождением в Казахстане капиталистических и торгово-денежных отношений. Как справедливо отмечает известный казахский языковед Р. Сыздыкова, «формирование словесных обозначений понятий, в которых нашли отражение явления и события общественной жизни казахов в XIX в., указывает на то, что основным источником терминообразования послужили лексико-грамматические ресурсы казахского языка» [3, с. 38]. Вот лишь некоторые примеры этого явления: *аренда* – ‘осим’; *аукцион* – ‘котере сауда’; *банкир* – ‘суть-хорь’; *заем* – ‘қарыз’; *заклад* – ‘кіреу’; *земь-темирь* – ‘землемер’; *убыток* – ‘залал’; *золотникь* – ‘мыскаль’; *крестьянин* – ‘кара-шекбень’; *меновый двор* – ‘мунанай’; *процент* – ‘усимь жюзь сумга’; *чиновник* – ‘рётбе ахли’ и др.

Относительно большой пласт составляют арабские заимствования религиозной тематики: *азань айтмакъ* – лит. каз. *азан шақыру* ‘призывать на молитву’; *азаниши* – лит. каз. *азанишы* ‘муэдзин’; *айтъ* – лит. каз. *айт* ‘мусульманский праздник’; *азазыль* – лит. каз. *әзәзіл* ‘дьявол, сатана’; *акырзамань* – лит. каз. *ақыр заман* ‘конец света’; *Алла* – лит. каз. *Аллах* ‘Бог’; *аруахъ* – лит. каз. *аруақ* ‘дух’; *аулия* – лит. каз. *әулие* ‘святой’; *садака* – лит. каз. *садақа* ‘милостыня’ и др.

Фонетическая форма арабо-персидских заимствований в большей степени соответствует чагатайскому тюрки:⁵ *никах* – лит. каз. *неке* ‘обряд бракосочетания’; *шахит* – лит. каз. *шаһит* ‘мученик’; *руза* – лит. каз. *ораза* ‘пост’; *устат* – лит. каз. *ұстаз* ‘учитель’ [3, с. 37].

Также в Словаре имеются слова, которые употребляются в современном казахском языке в другом значении либо в другой форме. Например, *жаханъ нама* – лит. каз. *география*; *душарь булмакъ* ‘являться’ –

---

⁵ Чагатайский тюрки — средневековый среднеазиатско-тюркский письменно-литературный язык. Принято считать, что на нём писали в Средней Азии начиная с XIII-XIV вв. и практически до начала XX века [6].

лит. каз. *душар болу* ‘натыкаться’; *дыбыс, үн* ‘молва’ – лит. каз. ‘звук’; *жосбарь* ‘указание’ – лит. каз. *жоспар* ‘план, график’; *аялсызъ* ‘холостой’ – лит. каз. *бойдақ; катынды* ‘женатый’ – лит. каз. *үйленген*; и т.д.

К сожалению, нам не удалось провести морфологический анализ лексем, так как в Словаре не представлены парадигмы слов. Тем не менее это нисколько не умаляет значимости данного словаря.

Таким образом, анализ «Русско-киргизского и киргизско-русского словаря» Ишъ-Мухаммеда Букина показал, что в нём содержится достаточно большой пласт арабо-персидской заимствованной лексики. В ходе исследования были определены соответствия диалектной лексике в диалектологическом словаре казахского языка с указанием ареала их распространения. Проведённый анализ подтвердил, что большая часть лексем представлена в современных южных диалектах.

В отличие от современных двуязычных словарей казахского языка, где словарной формой глагола является имя действия на *-у/ю*, в Словаре она представлена формой на *-мақ/мек*. Согласно мнению С.Аманжолова, составитель Словаря является представителем северо-восточной группы диалектов, не избежавший влияния книжно-письменного чагатайского языка. На это указывает употребление им формы на *-мақ/мек* в качестве инфинитива, а также форм слов *аның ушунъ* – лит. каз. *сол үшін* ‘ибо, потому что’; *басмахана* – лит. каз. *баспахана* ‘типография’; *кітаптар* – лит. каз. *кітаптар* ‘книги’; *мағлұмнама* – лит. каз. *хабарландыру* ‘объявление’; *козгельдрикъ* – *көзілдірік* ‘очки’; *аяль* – лит. каз. *әйел* ‘женщина’ [3, с. 85]. Однако, трудно согласиться с тем предположением учёного, что Букин является представителем северо-восточной группы диалектов, так как в соответствии с данными диалектологического словаря значительное количество диалектных лексем, встречающихся в Словаре, представлены в южном диалекте казахского языка. Из общего

количества диалектизмов 37 лексем встречаются в южном диалекте, в частности в говоре жителей Кызылординской области. Также для речи жителей южных регионов Казахстана характерно употребление арабо-персидских заимствований. Сам Букин в предисловии Словаря пишет: «Предлагаемый Русско-киргизский и киргизско-русский словарь есть результат моих ученических работ в свободные часы от учебных занятий во время обучения в Перовском городском училище и в Туркестанской Учительской семинарии» [4, с. 1]. Информация о том, что Букин учился в Перовском городском училище (*прим.* Перовск – прежнее название города Кызылорда) указывает на то, что, скорее всего, составитель Словаря был выходцем из этого южного города.

Несомненно, первые двуязычные казахские словари, прежде всего, были важным инструментом межкультурного общения. Но в то же время, с научной точки зрения, они являются ценным лингвистическим материалом, поскольку исследование таких изданий позволяют выявить особенности, свойственные языку в определённый отрезок времени его развития и сопоставить их с данными современного литературного языка, а также с особенностями современных говоров и диалектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диалектологиялық сөздік / сост. Ө.Айтбаев, С.Әбдірахманов, Ә.Кекілбай [и др.]. Алматы: Арыс, 2007.
2. Қазақ тілінің аймақтық сөздігі / под. ред. Ш.Ш.Сарыбаева. Алматы: Арыс, 2005.
3. Малбақов М. Қазақ сөздіктері. Алматы: Ана тілі, 1995.
4. Русско-киргизский и киргизско-русский словарь / сост. И.-М.Букин. Ташкент: Типо-Литография С.И.Лахтина, 1883.
5. Томанов М. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. Алматы: Мектеп, 1988.
6. Чагатайский тюрки [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1189473>

Лексико-семантические особенности функционирования арабских заимствований в современном языке иврит

Начальный этап возрождения иврита в качестве языка повседневного общения евреев в Палестине характеризовался тем, что заимствованные из других языков слова и выражения выполняли компенсаторную функцию ввиду отсутствия в иврите на том этапе соответствующих ивритских слов и выражений.

Евреи в течение длительного времени соседствовали и соседствуют с арабами. В первые годы существования Израиля в результате вынужденной эмиграции из арабских стран в Израиль прибыли сотни тысяч евреев, долгое время проживавших среди арабов, впитавших элементы арабской культуры и арабского языка. Эти факты оказали огромное влияние на язык иврит. Арабский язык стал важнейшим источником заимствований для языка иврит. Существует и обратный процесс — заимствование ивритских слов в лексикон израильских арабов.

Заимствования из арабского языка прочно вошли в иврит. Заимствуются, прежде всего, устойчивые речевые обороты, слова из разговорного арабского языка, приветствия, междометия, слова и выражения, используемые при прощании, для похвалы, одобрения, а также наречия. Неотъемлемой составляющей лексико-фразеологического корпуса иврита является сленг, в котором широко представлены заимствования из арабского языка. Более того, арабизмы проникли в общественно-политический дискурс языка иврит.

Присутствие арабизмов в иврите — естественное и объяснимое явление. Сейчас уже трудно представить разговорный иврит без слов

הָאֵלָהָא (а́хла), וְאֵלָלָהָא (ва́лла), יְאֵלָלָהָא (я́лла), סַבָּבָה (саба́ба). Эти слова фигурируют в израильских учебниках иврита для начинающих, создавая у них своеобразное впечатление о языке иврит.

Фразы, типа: **יְאֵלָלָהָא זָרִים!** («Ялла зазім») «Давай, пойдём!»; **יְאֵלָלָהָא בָּי!** («Ялла, бай!») «Пока! До свидания!» воспринимаются как неотъемлемая часть иврита.

Слово **יְאֵלָלָהָא** в иврите используется как призыв, как подбадривание «Давай!». Представляет собой сочетание двух слов: **אֵלָלָהָא** + **אָנִי** (Я + Алла).

Данное слово часто используется в редуцированной форме – **יְאֵלָלָהָא** – **יְאֵלָלָהָא** (я́лла-я́лла) как призыв ускориться в своих действиях.

Известные многим людям, и не только в Израиле, названия некоторых блюд **חֻמוֹס** (ху́мус) и **פְּלֵאפֵּל** (фала́фель), имеющие арабские корни, прочно вошли в иврит и воспринимаются говорящими на нем как ивритские. Кстати, в армейском сленге **פְּלֵאפֵּל** (фала́фель) означает «старший офицер».

Всем знаком амулет от сглаза в форме руки. В иврите он называется так же, как и в арабском языке – **חָמְסָה** (ха́мса). В Северной Африке, например, в Марокко, популярно восклицание, призванное защитить от дурного глаза, состоящее из троекратного произношения этого слова – «ха́мса-ха́мса-ха́мса», которое можно перевести как «тьфу-тьфу-тьфу» [3].

Разнится частотность употребления тех или иных заимствований в устной и письменной речи. Приводимые ниже примеры взяты как из повседневного разговорного языка, сленга, так и общественно-политического дискурса.

Заимствованиям из арабского языка способствовала деятельность Э. Бен-Егуды (Л. Перельмана) — «отца современного иврита», который считал два языка, арабский и иврит, родственными и допускал заим-

ствования. Многие слова, которыми мы пользуемся сейчас, попали в язык иврит именно благодаря деятельности Э. Бен-Егуды.

Заимствование из арабского языка в иврит осуществляется следующими способами: прямое заимствование слов и выражений, встраивание арабских слов в грамматическую систему образования ивритских глаголов и существительных, калькирование, десемантизация, суффиксация, редупликация.

Прямое заимствование – это заимствование слов и выражений из другого языка, в данном случае, из арабского: אָחְלָה (а́хла) «отлично, отличный», אֵינִשְׁאֵלָה (иншáлла) «Дай Бог!», סַבָּבָה (саба́ба) «отлично, нормально», מָסְטוּל (масту́ль) «обдолбанный, находящийся в состоянии наркотического опьянения», פֶּשְׁלָה (фа́шла) «промах, ошибка, ляпсус».

Очень распространённым и плодотворным способом заимствования арабских слов и их значений является их встраивание в ивритскую систему моделей образования глаголов, существительных и т.д. Образованные в соответствии с нормами ивритской грамматики новые слова представляются говорящим на иврите вполне ивритскими, сохраняя при этом значения, близкие или совпадающие со значениями в арабском языке.

Арабское слово פְּדִיחָה (фади́ха), имеющее значения «стыд, позор, неловкое положение», встроилось в грамматику иврита. От него по ивритским моделям образовали глагол לַפְדֵּאֵחַ (лефаде́ах) «поставить в неловкое положение», а также глагол לְהִתְפַּדֵּאֵחַ (легитфаде́ах) «оказаться в неловком положении».

От приведенного выше арабского слова מָסְטוּל (масту́ль) по модели образования пассивных глаголов в иврите образован глагол לְהִתְמַסְטֵל (легитмасте́ль) «обкуриться, торчать, забалдеть, улететь».

Очень часто в речи израильтян можно услышать арабское слово **פִּשְׁלָה** (фа́шла) «промах, ошибка, ляпсус». Например, **עָשִׂיתִי פִּשְׁלָה** (Ас́ити фа́шла.) «Я совершил глупость». От этого существительного по ивритской модели образуют глагол **לְפַשֵּׁל** (лефаше́ль) «совершать глупости, поступать глупо». Приведённую выше фразу можно выразить одним словом **פִּישְׁלָתִי** (Фишальти.) «Я совершил глупость».

От арабского слова **כֵּיף** (кеф) «кайф» под влиянием разговорного арабского языка в иврите появилось много слов. Наречие **בְּכֵיף** (бэке́ф) образовано добавлением ивритского предлога «בְּ» (бэ) «с» к арабскому слову и используется в значении **בְּעוֹנֵג רַב** (бео́нег ра́в) «с большим удовольствием» или **בְּשִׂמְחָה** (бесимха́) «с радостью».

יּוֹם כֵּיף (йом кеф) «день кайфа» это день экскурсии в составе рабочего коллектива или воинского подразделения и т.д., то есть тот день, когда можно расслабиться.

Арабское **עֲלָא כֵּיפֵק** (а́ла ке́фак) означает «Как ты хочешь», «То, что ты хочешь» и является аналогом ивритских выражений **כִּרְצוֹנְךָ** (кирцонха́) «Как Вы хотите!», **לְהִנְאָתְךָ!** (леганаатха́) «Для Вашего удовольствия!» Более того, в современном иврите данное выражение зачастую используется в значении прилагательного «классный, отличный». Например, **רוֹנִי הוּא בְּחוּר עֲלָא כֵּיפֵק** (Ро́ни гу баху́р а́ла ке́фак!) «Рони классный парень!» В разговорном иврите широко употребляется образованный от этого слова глагол **לְהִתְכַיֵּף** (легиткае́ф) «быть в кайф, кайфовать»: **מִתְכַיֵּפֶת לִי נְסִיעָה בְּמֵרְסֵדֶס.** (Миткае́фет ли несиа́ бемерсе́дес) – «Мне в кайф ездить на Мерседесе».

Калькирование чаще всего используется для передачи устойчивых выражений и словосочетаний. Примером является выражение **מִבְּסוּט וְחֵצִי** (мабсу́т вахе́ци) «более чем, сверх», состоящее из арабского слова **מִבְּסוּט** (мабсу́т) «довольный» и ивритского слова **וְחֵצִי** (вахе́ци) «и половина».

Довольно обширной является группа десемантизированных арабизмов, то есть слов, взятых не из разговорного языка, но получивших сленговое значение и используемых почти исключительно в этом новом значении. Примером может служить выражение דָּחִילָק (дахильяк) «попрошу тебя», употребляемое в нравоучительном или предупредительном тоне. Его оригинальное значение в арабском языке «Я прошу приютить меня»; «Разрешите войти в твой дом».

В процессе словообразования в иврите активно используется суффиксация. Наиболее часто используют суффиксы русского и английского языков: **-ник, -ист, -ия, -ер**.

מַג'בֵּנִיק (магавник) «пограничник», נוֹדְנִיק (нудник) «зануда», חַלְטוּרִיסְט (халтурист) «халтурщик», בַּרְדָּקִיסְט (бардакист) «неряха», סַחְבָּקִיָּה (сахбакия) «слишком дружеские отношения», חוּמוּסִיָּה (хумусия) «ресторанчик, специализирующийся на приготовлении хумуса», בְּלוֹפֵר (блэфер) «человек, который блефует, врёт».

Чаще всего к заимствованному арабскому слову прибавляется ивритский суффикс: חַפִּיפִּנִיק (хафифник) «дилетант, не профессионал». Слово образовано по ивритской модели от арабского חַפִּיף (хафиф) «лёгкий». С помощью суффикса **-ник** от него образуют существительное חַפִּיפִּנִיק.

Существует и обратное явление, когда к ивритскому корню прибавляется арабский суффикс второго лица единственного числа. Но такой способ словообразования встречается реже.

Редупликация не очень широко распространена среди арабских заимствований. Примером может служить звукоподражательное слово צָ'חָצ'ח (чэхчэх) «шпана». Когда-то так называли евреев – выходцев из Марокко, произносивших звук [ч] вместо [ц].

Говоря о заимствованиях из арабского языка в иврите, следует отметить, что есть масса слов, образованных от арабских корней, но

воспринимающихся говорящими на иврите как абсолютно ивритские. Например, прилагательное אָדִיב (адив) «вежливый» происходит от арабского корня, от которого в арабском языке образованы слова «литература», «культура». Арабское происхождение имеет ивритское слово מִבְרָק (миврак) «телеграмма».

Еще одна категория заимствованных слов – это слова, происхождение которых сложно определить однозначно: являются ли они сленговыми, заимствованными из арабского языка или исконно ивритскими, например, слова אֲלֶגְבְּרָה (алгебра) «алгебра», אֶקְלִים (аклим) «климат». Другим примером таких слов в современном иврите является арабско-ивритское слово כָּסַח (касáх), используемое в значениях «грубая ссора, словесная перебранка, словесные угрозы». Образовано оно от корня כ.ס.ח [к.с.х.], от которого происходят глаголы כָּסַח (касáх) и כִּיסַח (кисéах).

Глагол כָּסַח (касáх) встречается в Талмуде и используется в значении «обрезать колючки, деревья».

Глагол כִּיסַח (кисéах) чаще всего используется в первоисточниках в значении «косить траву». В этом значении он используется и в современном иврите. Помимо этого значения, данный глагол используется также в значениях «подрезать, срезать».

Существительное כָּסַח (касáх), глаголы כָּסַח (касáх) и כִּיסַח (кисéах) в их современном значении пришли в иврит из арабского языка. Глагол כָּסַח (касáх) в палестинском диалекте арабского языка означает «поричать, делать выговор». В иракском диалекте он означает «игнорировать кого-либо», а в литературном арабском языке означает «разрушать». Глагол כִּיסַח (кисéах) используется в значении «резко критиковать, применять силу против кого-то». Слово כָּסַח (касáх) в современном иврите означает «физическое насилие, словесная перебранка, конкурентная борьба в политике, в СМИ, в жизни».

Все эти слова ассоциируются в израильской культуре с насилием, грубостью, невежеством.

בְּכִנְסֵת כֶּסֶף הָיָה אֶתְמוּל (Этмоль хая кáсах ба Кнэссет) «Вчера в Кнессете все переругались».

Есть **כֶּסֶף דִּיאֵטָה** (диэтáт кáсах) «жёсткая диета», есть **רוֹק כֶּסֶף** (рок кáсах) «тяжёлый рок».

Очень часто встречается в спортивных репортажах и статьях о спорте.

מִכְבֵּי שִׁיחָקוֹ כֶּסֶף (Маккáби сихакú кáсах) «Команда “Маккаби” играла жёстко».

כֶּסֶףִּיט (касахíст) – это футболист, играющий жёстко, бьющий по ногам.

Переносное значение глагола **כִּיסָה** (кисéах) «побить кого-то, набить морду, применить физическую силу».

כִּיסָה לוֹ אֶת הַצֹּוֹרָה (Кисéах ло ет хацурá) «Он набил ему морду» [2, с. 80].

В данной работе автор хотел бы сосредоточиться на словах, которые воспринимаются говорящими на иврите как заимствованные из арабского языка, таковыми являются и широко употребляются в иврите.

Несомненно, в наибольшей мере арабизмы присутствуют в разговорном иврите. Отмеченное уже слово **אֶחְלָה** (áхла) употребляется в различных речевых оборотах и сленговых выражениях. Широко используются сленговые выражения **גֶּבֶר אֶחְלָה** (áхла гéвер) «классный мужик» или **גֶּבֶר אֶחְלָה שֶׁבְּעוֹלָם** (áхла гéвер шебаола́м) «самый классный мужик в мире». В этих выражениях, помимо прочего, интересен порядок слов, когда заимствованное слово, в статусе определения, вопреки правилам грамматики иврита, стоит перед существительным.

Широкому использованию этого выражения способствовала популярная израильская эстрадная группа «Гашашим» «следопыты».

(שֵׁית טְבָחִים) שְׂבַע עוֹלָם. חַיָּה אָחְלָה גְּבֵר שְׂבַע עוֹלָם (Хайя áхла гéвер шебао́лам)
«Он был самым классным мужиком в мире». (Беседа поваров).

וְאֵלֶּהָ (валла) в арабском языке представляет собой сочетание וַ (ва) как частицы клятвы и слова אֱלֹהֵהָ (Алла́) «Аллах». Выражение וְאֵלֶּהָ в арабском языке означает «Клянусь Аллахом».

В иврите это выражение имеет несколько значений. В зависимости от ситуации и интонации говорящего, оно используется для передачи разных чувств. Когда это слово произносят с удлинением обоих слогов וְאֵלֶּהָ (ва́л-ла), оно обозначает «восторг, восхищение». Короткое произношение וְאֵלֶּהָ (ва́лла) означает «изумление».

Много арабизмов в речи израильтян связано с приветствиями и ответами на них. Довольно часто можно услышать слово סְלַאמָתְךָ (са́ламтак) – «Привет тебе!». Происходит от арабского слова «са́лам», являющегося эквивалентом ивритского слова «шалóм» и суффикса принадлежности. סְלַאמָתְךָ равнозначно ивритскому לְךָ שְׁלוֹם (шалóм ле́ха) «Привет тебе!»

Весьма распространенным, особенно в речи молодых людей, является слово אָהֲלֶךָ (а́глян) – «привет». Оно имеет тот же корень, что и ивритское слово אוֹהֶל (о́гель) – «палатка, шатёр». Говоря человеку אָהֲלֶךָ (а́глян), мы как бы даём ему понять, что мы с ним в одной палатке, что мы друзья.

Слова סְלַאמָתְךָ (са́ламтак) и אָהֲלֶךָ (а́глян) используются в качестве приветствий в отношении хорошо знакомых людей.

Слово סָחָבָךָ (са́хбак) используется в значении «друг». По правилам ивритского словообразования от него образовано прилагательное סָחָבִיר

(са́хбаки) «приятельский, сердечный» и глагол по возвратной модели **להסתהבך** (лехистахбэк) «вести себя (с кем-то) по-дружески».

А словообразование идёт дальше, и в соответствии с ивритской морфологией образовано слово **סהבךיה** (сахбакия́), имеющее несколько значений «дружеские отношения, буфет или столовая в воинской части». Интересно, что выражение «Они устроили сахбакию́» имеет негативную коннотацию круговой поруки или безответственности [4].

אחמד (Ахмад) имя собственное «Ахмад». Собирательное и несколько пренебрежительное обозначение араба-палестинца [1, с. 90].

Слово **אחוק** (аху́к) используется для обозначения близкого, закадычного друга в израильской армии. Его значение «близкий друг, друган, братан». Дословно означает «твой брат» [1].

Вопрос **כיף האלק?** (Кеф ха́лак?) «Как дела?» соответствует ивритскому **מה נשמע?** (Ма нишма́?).

Если Вы довольны ходом вашей жизни, вы можете ответить **מבסוט** (мабсу́т), что означает «довольный». Более того, данное слово в иврите имеет формы женского рода **מבסוטה** (мабсу́та) «довольная» и множественного числа **מבסוטים** (мабсу́тим) «довольные».

Из иракского диалекта арабского языка пришло в иврит арабское слово **סבבה** (саба́ба) и закрепилось в значении, близком к **מצוין** (мецу́ян) «отлично, нормально». Это один из вариантов ответа на вопрос «Как дела?» Интересно, что данное слово используется в иврите как в области повседневно-бытового языка, так и в общественно-политическом дискурсе, как наречие и как прилагательное.

В разговорном иврите можно встретить выражение **הוא חי בסבבה** **שלו** (Гу хай басаба́ба шело́) «Он живет в своей сабабе», то есть «Он живет так, как ему комфортно».

Используется также образованное от этого слова прилагательное **סבביש** (саба́биш) «классный».

Прилагательное **אָסלי** (а́сли) заимствованно из арабского языка и употребляется в значении «эксклюзивный, превосходный, высшего качества». Его использование может вызвать у непосвящённых совсем иные ассоциации, учитывая, что в иврите есть существительное **אָסלָה** (асла́) «унитаз». Поэтому сочетание **אָסלי חומוס** (ху́мос а́сли) «превосходный хумус» может вызвать у невнимательного переводчика совсем другие ассоциации.

Если что-то идёт не так, как хочется, то используют арабское слово **בָּאָסָה** (ба́са), второй вариант его написания **בְּעָסָה** (ба́са), означающее «разочарование, несчастье».

Используется также слово **מַעֲאָפֶן** (маа́фан) «плохой, неудачный». Если что-то не получилось, говорят: **יָצָא מַעֲאָפֶן** (Яца́ маа́фан) «Вышло не очень».

Арабское слово **סַחְתֵּיין** (сахт́ён) используется израильянами как пожелание «побольше тебе вкуса к жизни, здоровья». Это аналог приведённого выше выражения **עַל בֵּיפֶק אֵלָא**. Это же слово с предлогом **עַל** будет означать «радоваться за кого-то». **אָנִי סַחְתֵּיין עֲלֶיךָ** (Ани́ сахт́ён а́леха) «Я рад за тебя» [4].

В ходе словесной перепалки евреи используют арабское слово **אָהְבָל** (а́гбаль) «дурак, тупица, тугодум». Например, **אֵיזֶה אָהְבָל אַתָּה!** («Эйзе а́гбаль ата́!») – «Какой же ты дурак!».

Могут также использовать арабское слово **שַׁרְמוּטָה** (шарму́та) «проститутка», употребив его как в отношении мужчины, так и женщины.

Когда кого-либо просят убраться из данного места, его просят «стать лёгким» – **לֶחִיתְחָפֶף** (лехитхаф́еф). Глагол образован по ивритской модели от арабского слова **خَفِيف** (хаф́иф) «лёгкий». С помощью суффик-

са –**ник** от этого слова образуют существительное **הַפִּיפֹּנִיק** (хафиффик) – «дилетант, человек делающий что-то поверхностно».

В речи израильтян довольно часто можно услышать слово **חָלַס** (халас) в значении «хватит». Оно употребляется вместо ивритских слов **דַּי** (дай) или **מִסְפִּיק** (маспик).

Не следует думать, что сфера использования арабизмов в иврите ограничена обиходно-бытовым языком. Заимствования из арабского языка стремительно проникают в общественно-политический дискурс.

В выпуске новостей от 5 октября 2020 г. корреспондент израильского новостного портала **כּאן** (Кан), говоря о конфликте в Нагорном Карабахе и его истории, сказал, что в XIX в. азербайджанцы и армяне жили здесь более-менее **סבבָּבָה** (саба́ба) «нормально». Использование данного заимствованного слова в видеосюжете на политическую тему свидетельствует о его вхождении в общественно-политический дискурс [5].

В общественно-политический дискурс иврита прочно вошли слова **דוּגְרִי** (дугри) «напрямую, непосредственно, без посредников» и **רְסָמִי** (расми) аналог ивритского слова **רְשָׁמִי** (ришми) «официально». Премьер-министр Израиля обратился однажды с трибуны ООН к арабам и призвал их говорить **דוּגְרִי** и **רְסָמִי**. Он сказал: **בּוֹאוּ נְדַבֵּר דוּגְרִי** (Боу недабер дугри) «Давайте говорить напрямую!» **בּוֹאוּ נְדַבֵּר רְסָמִי** (Боу недабер расми) «Давайте говорить официально!»

Одним из самых распространённых в общественно-политическом дискурсе иврита в 2003-2004 гг. было заимствованное из арабского языка и выражающее понятие в исламе слово **הוֹדָנָה** (худна) «перемирие, спокойствие». Использовали его вместо ивритского выражения **נְשִׁיתָה נִשְׁקָה** (швитат нешек) «прекращение огня». По мусульманской традиции ведущим «джихад» разрешается при определённых условиях объявлять «худну» – временное прекращение боевых действий в войне против

«неверных». О «худне» объявляет лидер одной из противостоящих сторон без каких-либо переговоров с противоположной стороной. Поэтому «худна» не является настоящим соглашением о прекращении огня между сторонами.

Появление слова **הוּדְנָה** (хўдна) в ивритском лексиконе дало повод для языковой игры как сторонникам, так и противникам временного перемирия. Одни ассоциировали его с английским словом «good», другие проводили аналогии с русским словом «худо».

«успокоение, уменьшение напряжения», являющееся синонимом арабского слова **תְּהִדְיָאָה** (тагдия) «умиротворение».

אַיְנִתִּיפָדָה (интифáда) «восстание, революционное выступление» – слово, которым палестинцы называли все свои действия против Израиля, начиная с 1987 г. Есть указание политического руководства и теле-радиовещательной службы Израиля не употреблять это слово.

אַל-אַקְסָה אִינְתִּיפָדָה (интифáдат Аль-А́кса) «интифада Аль-Аксы», используемое палестинцами название военных действий, сокрушило все ивритские альтернативные названия.

חִיזְבַּאלְלָה (Хизбáлла) — название известной террористической организации. Представляет собой сочетание двух слов **חִיזְבַּ** (хизб) «партия» и **אַלְלָה** (Алла) «Всевышний, Аллах».

נִקְבָּה (на́кба) — арабское слово, близкое по смыслу к ивритскому слову **שׁוֹאָה** (шоа́) «катастрофа». Термином **נִקְבָּה** арабы-палестинцы называют трагические события 1948-1949 гг. Для евреев это была «война за независимость», для арабов-палестинцев – **נִקְבָּה** (на́кба) «катастрофа». В 2009 г. израильский Кнессет обсуждал проект закона, получившего название **חוק הַנִּקְבָּה** (Хок ханáкба) «Закон о на́кбе». Согласно закону, израильские организации и учреждения, созданные израильскими арабами, финансируемые из бюджета, не могут отмечать День независимости

Израиля как день катастрофы. Более того, правительство приняло решение, удалить из учебников в арабских школах само слово נִכְבָּה.

Арабское слово מוֹקְטָעָה (мука́таа), обозначающее комплекс зданий палестинской администрации в Рамалле, широко используется в общественно-политическом дискурсе в иврите.

Слово שַׁבָּב (шаба́б) вошло в иврит и стало собирательным термином, обозначающим «участвующую в беспорядках арабскую молодёжь». Известна палестинская организация אֲשׁ שְׁבִיבָה (Аш шаби́ба). По иронии судьбы термин שַׁבָּב (шаба́б) используется сейчас для обозначения агрессивно настроенной еврейской ортодоксальной молодёжи. В иврите с помощью суффикса –**ник** от него образовано слово שַׁבְּבָנִיק (шаба́бник) «неопределившийся молодой ортодокс».

Однажды бывший руководитель ООП Я. Арафат сказал, что готов идти маршем на Иерусалим во главе миллиона *шахидов*. Арафат не был фанатично религиозным мусульманином. Тем не менее он воспользовался словом «шахид», для которого очень трудно найти точный эквивалент в других языках. Используемые иногда для передачи этого понятия слова מִתְאַבֵּד מִתְבַּל (мехабе́ль митабе́д) «террорист-смертник», טְרוֹרִיסְט (террорист) «террорист», רוֹצֵחַ (роце́ах) «убийца» не отражают его сути. Слово «шахид» очень близко по своему семантическому значению к ивритскому слову קָדוֹשׁ (кадо́ш) «святой». שְׁהֵאָדָה (шахада) – буквально «свидетельство» – это поступок шахида. В иврите синонимом этому понятию будет слово קִידוּשׁ (кидду́ш) «освящение, восхваление Всевышнего».

Оригинальное значение слова שְׁהֵיֵד (шахи́д) «свидетель». Погибший в войне свидетельствует этим о своей вере в Аллаха и называется שְׁהֵיֵד. Слово שְׁהֵאָדָה (шахада) может быть переведено как «свидетельствование». С течением времени понятие «шахид» расширилось и стало

включать также тех, кто погиб, защищая свое имущество или при совершении паломничества [2, с. 74].

Корень **ש.ה.ח** [с.х.д.] в подобном значении встречается и в иврите, но свидетелем является именно Всевышний, представленный редким словом **שָׁהָד** (сахэд). В Ветхом Завете в «Книге Иова» есть выражение **בְּמַרְוֵמַי שָׁהָדִי**, (Сахадí бамромíм), досл.: «Мой Бог в небесах», что в литературном переводе даётся как «видит Бог». Полностью данный отрывок звучит так: (19 **אִיּוֹב טו**) "**בְּמַרְוֵמַי שָׁהָדִי וְשָׁהָדִי עָדִי, בְּשָׁמַיִם עָדִי**" (Гам ата́ гинé башамáйм эд́и вэсахадí бамромíм). Досл.: «Вот ты тоже в небесах, свидетель мой, мой Бог» [Розенталь, 2004, с. 75].

В ходе палестино-израильского конфликта словом «шахид» арабы называют любого палестинца, погибшего в ходе интифады, а не только террориста-смертника. Интересно, что ивритский аналог слова «шахид» – **קָדוֹשׁ** «святой» почти не употребляется в современном языке, за исключением религиозного дискурса.

В иврит прочно вошло слово **הַמּוֹלָה** (хаму́ла) «большая семья, включающая всех родственников». Обозначает целое понятие в арабском языке. С этим словом в иврите есть выражения: **מִשְׁטָר הַמּוֹלָתִי** (миштáр хамулатí) «родовой строй», **הַצְּבָעָה הַמּוֹלָתִית** (гацбаá хамулатít) «семейное голосование».

Каждая война или военная операция пополняют не только военный, но и общественно-политический дискурсы. Это можно сказать и в отношении военного противостояния между израильтянами и боевиками ХАМАС. Как известно, последние обстреливают территорию Израиля «кассамами».

קָסָאם (кассам) или **רַקֶּטַת קָסָאם** (ракéтат кассам) «кассам» или «ракета кассам» представляет собой кусок трубы, наполненный взрывчаткой, которую запускают с помощью специальной направляющей. Даль-

ность полёта составляет несколько километров. Точности никакой. Запускают их в сторону близлежащих еврейских населенных пунктов. Где упадет «кассам» не знает никто, даже те, кто их запускает. Поражающая способность невелика. «Кассамы» производятся в большом количестве в секторе Газа. Наибольшую опасность представляет прямое попадание «кассама» в дом. Откуда взялось это название?

Изз ад-Дин аль-Кассам — влиятельный исламский священнослужитель времён Британского мандата в Палестине. Родился в Сирии, принимал активное участие в борьбе против французских властей. Бежал в Египет, учился в Каире. Какое-то время жил в Хайфе. Создал подпольную организацию «Чёрная рука». Призывал бороться не только против англичан, но и их «сионистских пособников». В Палестине считается национальным героем, поскольку боролся против французского владычества в Сирии, а затем против англичан и сионистов в Палестине. Его именем названа организация «Бригады Изз ад-Дина аль-Кассама», действующая в Газе, а также печально известные ракеты «кассам». Кстати, похоронен аль-Кассам на мусульманском кладбище в Хайфе.

Не отвергая заимствования слов и выражений из других языков, в частности, из арабского языка, живой разговорный иврит использует широкий набор своих синтаксических и морфологических норм для гебраизации заимствований, пополнения и расширения лексического запаса, делая более разнообразным его семантический окрас.

Семантика и коннотация заимствованных и вновь образованных сленговых лексико-фразеологических единиц могут достаточно широко варьироваться в зависимости от ряда факторов и конкретной коммуникативной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свет М. К вопросу о месте и роли арабизмов в современном ивритском сленге. Язык иврит и его преподавание. // Доклады на Восьмой Ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2001.
2. רוביק רוזנטל. הדוות הלשון. הוצאת עם עובד, תל אביב, 2004, ע' 80
// Розенталь Р. Радость языка. / Тель-Авив: «Ам Овед», 2004.
3. [Электронный ресурс]. Режим доступа:
https://www.newsru.co.il/israel/20dec2020/hamsa_202.html
4. [Электронный ресурс]. Режим доступа:
<https://www.youtube.com/watchv=ikKHTpWdfo>
5. [Электронный ресурс]. Режим доступа:
https://www.youtube.com/channel/UC_HwfTAcjBESKZRJq6BTCpg/-videos

Англицизмы в иракском диалекте

Общеизвестно, что современный арабский литературный язык является официальным языком СМИ, книг, документов и учебной литературы. Однако в повседневной речи используются диалекты арабского языка, в которых существуют значительные фонетические, лексические, морфологические и синтаксические особенности. Наиболее подвержена влиянию и изменениям оказывается лексика диалектов арабского языка. Многочисленные заимствования, трансформировавшиеся под влиянием языка-реципиента, нередко настолько прочно входят в речь, что носитель языка может не осознавать их как нечто чужеродное. Попадая в другой язык, новая лексема часто не только претерпевает фонетические и морфологические изменения, но способна также значительно расширить, либо, наоборот, сузить своё исходное значение. Встречаются отдельные заимствования, полностью изменившие первоначальную семантику [2, с. 136-137]. Длительное взаимовлияние языков, как правило, происходит естественно и объясняется различными факторами: географическим положением стран, политическими, экономическими или культурными факторами, военными действиями и пр.

Следует отметить, что изучением заимствованной лексики арабские лингвисты начали заниматься ещё в Средние века: авторы работ подобного рода не только собирали заимствованную лексику в словари, но и пытались проследить процесс её усвоения арабским языком [3, с. 468]. На сегодняшний день для исследователя изучение заимствованной лексики представляет особый интерес, так как даёт возможность наблюдать способность языка постоянно меняться, подстраиваясь под современные нужды.

На протяжении длительного времени арабский язык и, в частности, иракский диалект усвоили большое количество заимствований из персидского, турецкого и английского языков. Появление первых персизмов в арабском языке было зафиксировано еще в доисламскую эпоху и встречается в произведениях поэтов джахилии. Однако наиболее активно этот процесс начал развиваться в период расцвета Арабского Халифата. Заимствования из турецкого языка приобретают регулярный характер во время господства на этих территориях Османской империи. Помимо уже упомянутых факторов, способствовавших появлению персизмов и тюркизмов в иракском диалекте, немалую роль в процессе заимствования лексики из этих языков сыграло соседствующее положение стран. При этом наибольшее количество заимствований из персидского и турецкого языков пополнило объём бытовой лексики: названия предметов утвари, одежды, продуктов, строений и пр. [1], [5], [6], [7], [8], [9]. Появление большого количества заимствований из европейских языков — английского, французского, немецкого — происходило в колониальный период истории арабских стран.

Преобладание англицизмов в иракском диалекте по сравнению с заимствованиями из других европейских языков связано с целым рядом факторов. Прежде всего это колониальный период: к 1918 г. Британия контролировала практически всю территорию Ирака. Разумеется, столь значимые политико-экономические изменения не могли не получить отражения в языке. К этому периоду арабские лингвисты, например, относят появление в иракском диалекте лексемы تَمَنَّ *timmān* «рис». Существует две версии происхождения этого слова: согласно первой, в Басре была организована раздача провизии английским солдатам. В частности, на мешках с рисом стояла надпись на английском языке *Rice for ten men* «рис на десять человек». Сочетание слов *ten* и *men*, яко-

бы образовало форму تَمَن. Однако, согласно версии лингвиста Джаляля ал-Ханафи, лексема تَمَن появилась в диалекте гораздо раньше и имеет арамейское происхождение [7].

Трагические события последних десятилетий, происходившие в регионе, военные действия США против Ирака также способствовали появлению в иракском диалекте новых англицизмов.

Следует отметить, что бытовая лексика диалекта также подверглась некоторым изменениям ещё в колониальный период. Так, например, в иракском диалекте, наряду с другими языковыми формами, в качестве приветствия, а в некоторых случаях и прощания, используется слово هَلُو *hálu* «привет» от английского *hello* или слово بَاي *bay* «пока, прощай» от английского *bye*. Также распространена лексема أُوَكِي *okey* «хорошо, ладно» от английского *Ok*.

В некоторых случаях происходило заимствование целых выражений. Например: فص گلاص *foş glaş* (первоклассный), от английского *first class*, стало использоваться для обозначения чего-то высокого качества.

Заимствованную из английского языка бытовую лексику можно разделить на различные категории. Например:

1. Домашняя утварь:

أُوْفَن *óven* «духовка», от английского *oven*;

بُطْل *bútl* «бутылка», от английского *bottle*;

پاكيت *pakêt* «пакет», от английского *packet*;

كوب *kúb* «кружка», от английского *cup*;

گلاص *glas* «стакан», от английского *glass*.

2. Одежда:

چاكيت *tšakêt* «пиджак», от английского *jacket*;

شورت *šort* «шорты», от английского *shorts*.

3. Еда:

كيك *kek* «кекс», от английского *cake*;
لوف *lof* «булка», от английского *loaf*;
بسكت *bískit* «печенье», от английского *biscuit*;
چيبس *tšips* «чипсы», от английского *chips*.

4. Помещение:

بنك *bank* «банк», от английского *bank*;
بار *bar* «бар», от английского *bar*;
فيلا *villa* «вилла», от английского *villa*;
كمپ *kamp* «лагерь», от английского *camp*;
كراج *garâġ* «гараж», от английского *garage*;
أوتيل *utêl* «отель», от английского *hotel*.

5. Топонимы:

طويريچ *Tuveriġ*¹, от английского *two way reach*;
طربيل *Tarbîl*², от английского *trouble*;
كمپ الأرمن *Kamp al-Ārman*³ «армянский квартал», от английского *camp*.

Отдельного внимания требуют англицизмы-названия брендов или товаров, которые сумели прочно закрепиться в диалекте, значительно расширив свою семантику. Таковы лексемы:

پمپرز *pámperz* (подгузник), от названия американской торговой марки Pampers;

كلينيكس *kliniks* (салфетки), от названия американской торговой марки Kleenex.

---

¹ Город расположенный в центральной части Ирака на территории мухафазы Кербела. Другое название города — эль-Хиндия.

² Требиль или Тарбиль — деревня, расположенная близ ирако-иорданской границы.

³ Кемп ал-Арман или Камп ал-Кияни — квартал на востоке Багдада, где проживают преимущественно армяне.

На сегодняшний день оба слова используются в диалекте для обозначения соответствующего товара любого производителя.

Технический прогресс, подаривший человечеству новые изобретения, принёс и новые названия для них. Нужно понимать, что огромный пласт заимствованной из английского языка лексики, как в арабском языке, так и в иракском диалекте составляют специальные термины. Многие из этих названий стали универсальными и впоследствии были усвоены различными языками. Например:

راديو *râdiyu* «радио», от английского *radio*;

كمبيوتر *komyûtar* «компьютер», от английского *computer*;

مكروب *mikrôb* «микроб», от английского *microbe*;

فلم *film* «фильм», от английского *film*;

كارتون *kartôn* «мультфильм», от английского *cartoon*;

فولكلور *folklôr* «фольклор», от английского *folklore*.

Эпоха глобализации также значительно способствовала появлению новых слов не только в иракском диалекте, но и в арабском языке в целом. Наиболее активно на сегодняшний день заимствуется лексика из информационной сферы. Среди них, например: *Facebook*, *Messenger*, *Viber*.

В интернет-общении англицизмы встречаются постоянно. Среди них особое место занимают так называемые, акронимы⁴ (OMG, SYS⁵ и др.), однако это обширная тема для отдельного исследования.

Особый интерес представляют лексемы, не просто заимствованные из английского языка, но преобразованные иракским диалектом. Так, например, в диалекте широко используется суффикс *چی* *tši*, заимствованный из турецкого языка. Этот суффикс традиционно используется

---

⁴ Акроним — одна из разновидностей аббревиатуры.

⁵ OMG – oh my God (о мой Бог!), SYS – see you soon (скоро увидимся).

в словах, обозначающих название профессии. В иракском диалекте суффикс چی соединился со словами, заимствованными из английского языка, образуя новые формы, такие как:

پنچرچی *pantšartši* «человек, ремонтирующий колёса автомобиля», образовано от английского слова *punch* «прокол»;

فیترچی *fitartši* «автослесарь», образовано от английского слова *fitter* «слесарь»;

گولچی *goltši* «вратарь», образовано от английского слова *goal* «гол».

Большинство англицизмов, пришедших в иракский диалект, составляют имена существительные, однако, встречаются и глаголы:

بلف *bilaf* «обманывать», от английского *bluff*;

تترفز *tnarfaz* «нервничать», от английского *nervous*;

ریلاکس *rilaks* «отдыхать», от английского *relax*.

Следует также упомянуть некоторые устойчивые выражения на иракском диалекте, в которых присутствуют англицизмы. Например, лексема بريك *brek* «тормоз», от английского *brake*, используется в выражении ما عنده بريك *ma 'inde brek* «он без тормозов, ненормальный».

Про разорившегося человека или бедняка говорят:

فلان عالرنگات *flan ar-ringât* «досл. такой-то сидит на кольцах». Форма множественного числа رنگات образована от англицизма رنگ *ring* «кольцо», от английского *ring*.

Лексема سكراب *skrab* может использоваться в значении «старая железяка», от английского *scrap*. Одно из значений слова на английском языке — «металлический лом». Так, про человека могут сказать: صار سكراب *šār skrab* «он стал развалиной, он сильно постарел».

Устойчивое выражение عقله كویلات *'akle koilât* может быть переведено как «он с приветом, ненормальный». Лексема کویل *koil* была заимствована из английского языка: *coil* «змеевик, катушка».

Несмотря на достаточное количество англицизмов, арабский язык стремится к созданию собственных терминов. Этот процесс нельзя назвать искусственным ⁶, так как он касается отдельных лексем и не носит регулярного характера. Например, наряду с англицизмом كمبيوتر «компьютер», от английского *computer*, используется арабское слово حاسوب *hasûb*, а вместе с лексемой تلفون «телефон», от английского *telephone*, употребляется арабский вариант с полностью совпадающим значением — هاتف *hâtif*.

Иракский диалект, как и любой разговорный язык, продолжает постоянно меняться, воспринимая и ассимилируя новую лексику, иногда адаптируя её под нормы арабского языка, а иногда оставляя без изменений. Как отмечает Н. З. Котелова: «Появление лексических новообразований отражает изменения в инвентаре, составе и свойствах предметов и явлений объективного мира, общественную деятельность человека и работу человеческого сознания» [4, с. 181]. На сегодняшний день англицизмы воспринимаются как нечто естественное, отчасти это объясняется статусом английского языка как международного. Вследствие глобализации англицизмы продолжают активно внедряться и в литературный арабский язык, и в иракский диалект. Появление новых достижений в сфере науки и технологии также способствует постоянному пополнению лексики заимствованиями из английского языка.

Процесс усвоения языком новой лексики происходит постоянно, однако в различные периоды этот процесс становится более активным, либо, наоборот, практически стихает. Анализ заимствованной лексики позволяет исследователю делать выводы о характере взаимодействия разных стран, народов и культур, а также о степени их влияния друг на друга.

---

⁶ Речь не идёт о сознательном замещении заимствований словами своего языка, как это, например, происходило в некоторых странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордлевский В. А. К вопросу о влиянии турецкого языка на арабский // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. ТОМ V. Л.: 1930. С. 271-291.
2. Денмухаметова Э.Н. Арабские и персидские заимствования в синонимии тюркских языков // Научный Татарстан. 2015, № 2. С. 135-139.
3. Исаева Ф.А. К вопросу о словах персидского происхождения, представленных в произведениях Аль-Джахиза и памятниках арабской народной литературы, но не вошедших в общий лексический фонд арабского языка // Труды Института востоковедения РАН. 2018, № 19. С. 468-476.
4. Котелова Н. З. Избранные работы. СПб: 2015.
5. رفعت رؤوف البزرگان. معجم الألفاظ الدخيلة في اللهجة العراقية الدارجة. بغداد، 2000.
6. الشيخ جلال الحنفي البغدادي. معجم اللغة العامية البغدادية. معجم لهجي فولكلوري. الجزء الأول، بغداد، 1978.
7. الشيخ جلال الحنفي البغدادي. معجم اللغة العامية البغدادية. الجزء الثاني، بغداد، 1982.
8. الشيخ جلال الحنفي البغدادي. معجم اللغة العامية البغدادية. الجزء الثالث، بغداد، 1993.
9. عماد الدين حلوم. معجم الكلمات الوافدة. اللاذقية، 2000.

Особенности функционирования арабизмов в юридическом дискурсе турецкого языка

Арабизмы, играя в целом особую роль в системе турецкого языка, наряду с тем, что составляют значительную часть его лексического ядра, являются неотъемлемой частью также и целого ряда профессиональных дискурсов в турецком языке — политического, юридического, военного, медицинского и т.д. Динамические процессы развития турецкого языка наряду с его значительной консервативностью демонстрируют особые формы проявления в профессиональных формах языка, а внутри них — в пределах арабского лексического пласта. Наиболее простые и естественные, на первый взгляд, процессы замещения устаревшей лексики неологизмами или иными заимствованиями, как правило, западного происхождения, далеко не всегда актуальны для турецкого языка – многовековые усилия по вытеснению арабизмов не дали в полной мере планируемого результата. Более того, под влиянием ряда факторов арабизмы имеют свойство обратного движения, связанного с возвращением в активный тезаурус или определённую терминосистему с утратой архаичности.

Говоря об арабизмах в юридическом дискурсе турецкого языка, следует чётко понимать, что речь не о рядовых лексических единицах, а преимущественно о юридических терминах, которые в совокупности формируют категориально-понятийный аппарат очень важной, системообразующей отрасли и сферы деятельности не только и не столько отдельных индивидов, сколько государства в целом. Но уже с уровня

государства данный категориально-понятийный аппарат получает выход в сферу жизнедеятельности в том числе и каждого индивида.

Юридический дискурс турецкого языка по имеющейся статистике более, чем на 50% представлен арабизмами [1, с. 238].

Это в значительной степени обусловлено влиянием следующих факторов:

— юридический дискурс современного турецкого языка с точки зрения основ его категориально-понятийного аппарата был сформирован во времена Османской империи и строился на понятиях шариата;

— юридический дискурс является крайне консервативным, мало подвержен изменениям, он, как правило, строится не на появлении новых понятий, а на толковании уже имеющихся, поэтому и в лексическом плане изменение лексического состава юридического дискурса идёт преимущественно не вширь, а вглубь через образование различных производных от уже существующих терминов.

В контексте турецкого языка мы намеренно дистанцируемся от того, чтобы называть арабо-персидский лексический пласт заимствованиями, так как речь идёт о лексических единицах, которые за долгие столетия прочно ассимилировались в турецком языке и в большинстве случаев уже не рассматриваются и не воспринимаются носителями как заимствования, т.е. они только номинально представляют собой заимствования, но на самом деле являются неотъемлемой естественной составляющей лексического ядра и дискурсивных периферий турецкого языка.

Между тем, функционирование арабизмов за рамками повседневно-обиходного языка в профессиональных дискурсах заслуживает отдельного внимания и изучения, так как нередко арабизмы здесь проявляют особенности, выходящие за рамки традиционного понимания

сущности термина. Между тем справедливости ради следует отметить, что в принципе в современных условиях развития языков традиционное понятие термина и его характеристик в силу влияния целого ряда факторов как объективного, так и субъективного характера претерпело существенные изменения.

В данной статье в качестве задач планируется отдельно остановиться на общих вопросах, связанных с понятием термина, требованиях, предъявляемых к терминологии в контексте роли, места и особенностей функционирования арабизмов в юридическом дискурсе турецкого языка, а также попытаться провести некоторую систематизацию как самих терминов, образованных с участием арабизмов или выраженных арабизмами, так и речевых закономерностей их функционирования в рамках юридического дискурса.

Прежде всего следует отметить, что при всей востребованности турецкого языка в целом и его юридического дискурса в частности с точки зрения межгосударственных и межнациональных контактов системная подготовка международных с профессиональным юридическим компонентом и со знанием турецкого языка, а также комплексное изучение юридического дискурса турецкого языка пока не получили своего развития.

В МГИМО МИД России был разовый опыт подготовки юристов-международников со знанием турецкого и английского языков в бакалавриате, но, к сожалению, очень интересный, а главное, успешный опыт пока не получил дальнейшего развития. Восточные языки с трудом закрепляются за рамками профиля международных отношений, хотя конъюнктура рынка и спроса здесь абсолютно не дооценены и имеет колоссальный потенциал.

Образовавшаяся лакуна, как правило, заполняется практиками, причём зачастую не самого лучшего качества. В научно-методическом плане всё обстоит ещё хуже — научные работы, посвящённые анализу юридического дискурса, практически отсутствуют. За последние десятилетия опубликовано лишь несколько научных статей, среди которых особого внимания заслуживают две работы Костюхина А.А. и Баталовой М.Р. Одна из них рассматривает тенденции формирования и развития юридической терминологии в турецком языке [2], а вторая даёт возможность проследить процессы реформирования юридического языка в Турецкой Республике через призму подготовки юристов-международников со знанием турецкого языка [3]. Из более ранних работ уместно вспомнить научную статью одного из корифеев отечественной тюркологии Баскакова А.Н., которая анализировала турецкую юридическую терминологию и её лексикографическое оформление по состоянию на конец 60-х – начало 70-х гг. прошлого столетия [1].

В учебно-методическом и дидактическом плане дела обстоят не лучше. Имеется два учебных пособия по турецкому языку, одно из которых посвящено деловому турецкому языку [4], а другое ориентировано на формирование навыков перевода официально-деловых текстов [5].

И хотя юридическая терминология, без сомнения, в этих учебных пособиях присутствуют, всё-таки они не являются системными работами, посвящёнными юридическому дискурсу турецкого языка.

В 2020 г. вышло первое учебное пособие, которое имело своей целью охватить несколько актуальных отраслей юридического дискурса в системе подготовки юристов-международников, а именно международные договоры и соглашения в контексте международного частного права и международного гражданского процесса. В данном учебном пособии предпринимается попытка первичной систематизации актуальной

части категориально-понятийного аппарата юридического дискурса турецкого языка с параллельным формированием навыков владения юридической терминологией, а также навыков юридического перевода [8].

В рамках профессионального дискурса всё так или иначе в научном и методическом плане строится вокруг понятия термина. Ведь именно термин, как известно, обеспечивает точность, однозначность, ясность научной мысли и познания в целом, а также является ключевым звеном функционального использования языка в профессиональных целях.

При всей внешней изученности термина в системе координат, связанной с системно-структурным анализом, в функционально-смысловом плане в данной отрасли знаний имеется ещё много лакун.

В этой связи общепринятые характеристики термина, а также требования, предъявляемые к нему, продолжают оставаться полем для дискуссии, так как в значительной степени находятся в отрыве от реальной речевой практики и функционально-смысловой прагматики.

В этой связи в научном плане следует отметить крайне интересную точку зрения Александры Васильевны Суперанской и ее последователей, которые, признавая, например, существование полисемии, синонимов и антонимов, многокомпонентных терминов, выраженность терминов разными частями речи и т.д., считают, что «терминология образует автономный раздел лексики национального языка, имеющий мало общего с литературным языком, самостоятельную зону со своими закономерностями, порой не согласующимися с нормами литературного языка», а значение отдельного термина раскрывается лишь в системе понятий [7, с. 17-18].

Анализ терминологии через систему понятий, а не в отрыве от неё позволяет по-новому взглянуть на базовые требования, которым формально должен соответствовать термин: однозначность, точность, соот-

ветствие нормам литературного языка, краткость, отсутствие эмоциональности и экспрессивности, мотивированность, системность и др.

Указанные условия представляют собой требования к термину в идеале, однако на практике обнаруживаются термины, которые им не соответствуют, однако успешно вписываются в терминологические речевые поля — вопрос об обязательности тех или иных требований остаётся в настоящее время весьма дискуссионным.

Особенно данные замечания и выводы актуальны для арабизмов, формирующих юридическую терминосистему турецкого языка.

Общий подход к терминологии, заключающийся в том, что она составляет часть специальной лексики, к которой относят слова и словосочетания, называющие предметы и понятия различных сфер профессиональной деятельности человека и не являющиеся общеупотребительными, в рамках юридического дискурса турецкого языка лишь частично является применимым, хотя именно для турецкого языка актуальной является такая ситуация, при которой формирование критической массы слов-терминов, которые не являются общеупотребительными, приводит к тому, что речевые произведения юридического содержания когнитивно становятся недоступны для широкой массы людей. Здесь следует выделить группу лексических единиц из числа арабизмов, которые представляют собой:

1) Узкопрофильные термины, используемые исключительно в рамках профессионального дискурса и не имеющие актуальных синонимов. Например: *yedimin* (*yed* + *emin*) «доверенное лицо, на хранении у которого находится спорный товар (оспариваемый в суде)»; *mutat mesken* «место обычного проживания»; *gaip* «безвестно отсутствующее лицо»; *mirasın iktisabı* «получение наследства»; *irtifak hakkı* «право пользования чужой недвижимостью, сервитут»; *temlik* «передача в собственность,

ввод во владение»; *intifa* «использование, извлечение выгоды»; *sükna* «проживание в жилище» и т.д. Абсолютное большинство данных терминов являются когнитивно недоступными для людей, не имеющих профильное (юридическое) образование.

2) Узкопрофильные термины, как правило, используемые в рамках профессионального дискурса, но имеющие актуальные синонимы, которые также при определённых условиях могут использоваться в соответствующем терминологическом поле. Например: *tashiğ etmek* (*düzeltemek*) «исправлять, корректировать (документ), вносить правки»; *murakabe* (*denetleme, kontrol*) «контроль, наблюдение, ревизия» (производные — *murakıp / denetçi* «контролёр, ревизор»; *müsadere* (*zor alam / el koyma*) «конфискация»).

Проблема однозначности термина за рамками непосредственно терминологического ядра, о котором речь шла выше, как правило находится на стыке повседневного-обиходного языка и юридического дискурса, когда в рамках соответствующего терминологического поля повседневного-обиходная лексическая единица может становиться термином. Например: *iddia* означает «утверждение, заявление; притязание, претензия; упорство, упрямство», но в юридическом дискурсе данная ЛЕ проявляет терминологическую однозначность, ограниченную понятием «обвинение»: *iddia tarafı* «сторона обвинения»; *suç işlediği iddiasıyla* «по обвинению в совершении преступления».

В контексте явления однозначности термина (а точнее формирования однозначности исключительно терминологическим полем при естественной многозначности лексической единицы), распространённым для турецкого языка является клишированное использование совместно либо двух частичных понятийных синонимов, либо двух слов с близким значением. Например:

1. *Muvafakat* «согласие, разрешение, одобрение; соответствие, образность, согласованность» и *rıza* «согласие, одобрение»:

Velayetim altında bulunan oğlum 12.08.2010 doğumlu, 702635152 Pasaport Nolu, Mustafa Kıvanç'ın Annesi; Meliha Kıvanç ile birlikte Türkiye Cumhuriyetine gitmesine rıza ve muvafakat ederim. «Даю согласие и разрешение на выезд в Турецкую Республику находящегося под моей опекой сына Мустафы Кыванча, дата рождения 12.08.2010, номер загранпаспорта 702635152 в сопровождении своей мамы Мелихи Кыванч».

Термин *muvafakatname*, являющийся производным от *muvafakat* и образованным при помощи персидской лексической единицы *-name* «письмо», означает «письменное согласие», причём в именовании официальных документов, как правило, не уточняется вид согласия, т.е. то, на что даётся согласие, становится мотивированным уже из содержания самого документа. Приводимый выше отрывок из документа под названием *muvafakatname* позволяет понять, что речь идёт о таком документе, как «согласие на выезд ребёнка».

2. *Temsil* и *ilzam*:

– *temsil* означает в широком смысле «представительство, представление»;

– *ilzam*, имея в повседневно-обиходном дискурсе архаистическое значение «затыкание кому-либо рта; связывание кого-либо чем-либо, какими-либо обязательствами», а также имея устаревшее значение «признание за собой права сбора доходов какого-либо предприятия», в рамках юридического дискурса приобретает терминологическое значение «наложение обязательств на компанию».

При этом клишированная фраза *anonim şirketini temsil ve ilzama yetkili olan* означает «лицо с правом выступать от имени, являться официальным представителем акционерного общества» — уточнение само-

стоятельных сем слов *temsil* и *ilzam* здесь является неактуальным, т.к. в соответствии с официальными комментариями турецких юристов рекомендуется использовать в юридическом дискурсе именно сочетание двух слов, понимая при этом, что лексическая единица *temsil* включает в себя также понятие лексической единицы “*ilzam*”. Фактически в данном случае можно вести речь о том, что юридическим термином является вся лексическая единица *temsil ve ilzam*, в рамках которой слова *temsil* и *ilzam* утрачивают свою понятийную самостоятельность.

С требованием однозначности термина вступают в противоречия распространённые в турецком юридическом дискурсе случаи, когда термины являются полисемичными, образуя разные терминологические понятийные ряды. Например, *tasarruf* означает, с одной стороны «использование, владение», но также и «экономия, бережливость». В производных терминологических единицах актуализируются оба значения полисемичного термина: *tasarruf ehliyeti* «правоспособность, дееспособность»; *ölüme bağlı tasarruf* «завещательное распоряжение»; *tasarruf bankası* «сберегательный банк».

Пограничной с проблемой однозначности термина является **требование мотивированности термина**.

Под мотивированностью термина понимается его семантическая прозрачность, которая позволяет составить представление о называемом термином понятии [6].

В турецком юридическом дискурсе требование мотивированности нередко конфликтует с реальной когнитивной ёмкостью термина (правда, иногда данная ситуация может быть обусловлена предметной особенностью соответствующей сферы деятельности и представлять определённую сложность не для самого турецкого языка, а на стыке терминосистем разных языков). Например, слово *af*, имеющее широкое зна-

чение «прощение», в терминологическом плане может означать как «амнистия», так и «помилование». При необходимости чёткого разделения двух терминологических понятий, заключённых в слове *af*, в турецком языке используются уточняющие прилагательные *genel / umumî af* (досл.: «общее прощение») «амнистия» и *özel / hususî af* (досл.: «частное прощение») – «помилование».

Требование краткости также нельзя считать абсолютно обязательным для термина. Более того, требование краткости может противоречить требованиям точности и системности. Как справедливо указывает А.В. Суперанская, «термин не есть обиходное слово, и точность в нём важнее краткости. В связи с этим нельзя рассматривать многословность термина как его недостаток. Если какое-либо понятие обозначено с помощью фразы, состоящей из группы хорошо согласующихся друг с другом слов, это и обеспечивает системность термина, и показывает связь данного понятия с другими» [14, с. 131].

Это особенно актуально для турецких терминосистем и связано в первую очередь естественными когнитивными ограничениями морфем-аффиксов, которые для агглютинативного турецкого языка являются основным строительным материалом в словообразовательных процессах. Поэтому, во-первых, наличие заимствований, а, во-вторых, использование понятийно-описательного метода в ономаσιологических процессах являются крайне распространёнными явлениями в турецком языке, особенно в его различных терминосистемах, в том числе и юридическом дискурсе. Например: *kâr amacı gütmeyen kuruluş* (досл.: «организация, не преследующая в качестве цели прибыль») «некоммерческая организация»; *haksız fiil* (досл.: «противоправное действие») «деликт».

Между тем в юридическом дискурсе турецкого языка проявляют себя также некоторые частные закономерности функционирования ара-

бизмов, которые выходят за рамки рассмотренных выше общих требований, предъявляемых к термину.

1) Явление терминологической синонимии.

При том, что полная лексическая, тем более терминологическая синонимия, как правило, встречаются крайне редко, функционирование большого количества арабизмов в юридическом дискурсе турецкого языка вносит в это серьезные коррективы, образуя различные синонимичные ряды и группы:

— наличие функционально равнозначных терминологических синонимов арабского и турецкого происхождения (полное совпадение понятий при функциональной актуальности обоих терминов): *yükümlü (mükellef)* «обязанный, повинный что-л. делать»; *yaptırım (müeyyide)* «санкция, ограничение»; *uyrukluk (tabiiyet)* «гражданство; подданство»; *muhteva (kapsam)* «содержание»; *amme (kamu) hukuku* «публичное право»; *menkul kıymetler (taşınır mallar)* «движимое имущество»; *suistimal (görevi kötüye kullanma)* «злоупотребление»; *zilyetlik (eldecilik)* «обладание, владение; право владения недвижимым имуществом»; *selef (öncel)* «предшественник»; *tahkikat (soruşturma)* «предварительное расследование, следствие, дознание»; *suçun şahsiliği (bireyselliği)* «индивидуализация вины»; *müebbet (ömür boyu) hapis cezası* «пожизненное тюремное заключение»; *kötü muamele (davranma)* «плохое, жестокое обращение»;

— наличие равнозначных полных однокоренных терминологических синонимов арабского происхождения; *muhteva (ihtiva)* «содержание»; *varis (mirasçı)* «наследник»;

— наличие полных синонимов из числа арабизмов, которые представляют собой производные слова, образованные как по арабскому, так и по турецкому грамматическому типу: *malüllük (malül +*

турецкий словообразовательный аффикс абстрактно-собирающего значения *-lük*) и *malüliyet* (*malül* + арабская словообразовательный морфема абстрактно-собирающего значения *-(i)yet*) «потеря трудоспособности»; *mağdurluk* и *mağduriyet* (аналогичные словообразовательные модели) «гражданское правонарушение»; *masumiyet* и *masumluk* (аналогичные словообразовательные модели) «невиновность»;

— наличие частичных терминологических синонимов арабского происхождения: *miras* «наследство; наследие» — *tereke* «наследство», т.е. «наследуемое имущество, права»; *karar* «судебный приговор, вердикт; решение; постоянство; темп» — *hüküm* «судебный приговор, вердикт; сила закона; положение закона; власть, господство» — *ilam* «судебный приговор, вердикт; оповещение, уведомление»;

— наличие частичных синонимов арабского и турецкого происхождения (частичное совпадение понятий):

(ар.) *yetim* «сирота» — ребёнок, у которого умер отец;

(тур.) *öksüz* «сирота» — ребёнок, у которого умерла мама или оба родителя;

— участие арабизма в синонимичной парадигме, в состав которой входят равнозначные соответствия как турецкого, так и западного происхождения: *kistas* (*ölçüt, kriter*) «мерило, критерий»;

— наличие семантически параллельных служебных слов (вводные слова, союзы, междометия) как арабского, так и турецкого происхождения, имеющих, как правило, дискурсивное употребление с известными оговорками, отражающими особенности турецкого языка в плане окказионального использования лексики с учётом различных факторов — возрастного, регионального, социального и т.д. [9], например: *akabinde* (*sonra, ardından*) «после, вслед за»; *işbu* (*bu, özellikle bu*) «данный, настоящий»; *bilakis* (*tersine olarak, tam tersine, tersine, aksine*) «наоборот»;

– участие арабизма в терминологическом словосочетании, в рамках которого может использоваться синонимичный вариант, но не турецкого, а западного происхождения: *müspet (pozitif) hukuk* «позитивное право» (использование здесь синонима турецкого происхождения *olumlu*, который приемлем для повседневно-обиходного дискурса, является неактуальным с точки зрения юридического дискурса);

— равнозначное использование в терминологическом значении двух частичных синонимов-арабизмов: *malullük (sakatlık)* «инвалидность».

В вопросе терминологической синонимии в юридическом дискурсе турецкого языка с участием арабизмов в различных вариациях, указанных выше, не следует путать явление синонимии и омонимии с редкими, но, тем не менее, имеющими место случаями, когда речь идёт об однокоренных словах из числа арабизмов разных частей речи, у которых совпадает написание: *akit* «соглашение» — *âkit* «подписавший соглашение». В нынешней речевой практике турецкого языка знак *â* используется крайне редко и замещается стандартным знаком *a*, вследствие чего происходит совпадение графической формы слова. При этом долгота гласного *a*, обусловленная знаком *â*, при произношении сохраняется.

2) Вопросы семантической дифференциации понятий.

Арабизмы в юридическом дискурсе турецкого языка, если речь не идёт о классическом термине со всеми его обязательными характеристиками, позволяющими использовать его точно и однозначно, вступая в сочетания с другими словами как арабского, так и турецкого, а также западного происхождения, участвуют в традиционных семантических процессах, приводящих к различным видам дифференциации понятий, среди которых можно выделить следующие:

— изначально являвшиеся многозначными арабизмы со временем утрачивают общеупотребимое понятие, но сохраняют терминологическое: *nafaka* «средства к существованию» (ныне: *geçim kaynakları*, «алименты»); *butlan* «тщетность, бесполезность» (ныне: *boşunalık*; *yaramazlık* «ложность, недействительность»), *evlenmenin butlanı hâlinde* «в случаях признания брака недействительным»;

— лексическая единица арабского происхождения может представлять собой гипероним, но получать ситуативную конкретизацию, в том числе и в рамках соответствующего терминологического поля: *kabul etmek* «принимать» – (аналогичная гиперонимия и в русском языке) — *kabul edilen keyfiyet* «презюмируемое, т.е. предполагаемое в силу закона существующим обстоятельство»;

— лексическая единица арабского происхождения может представлять собой многозначное слово, которое среди большого количества повседневно-обиходных понятий в сочетании с другими словами может также актуализировать терминологическое понятие юридического дискурса. Например, термин *gelir kalemi* «статья дохода» образован лексической единицей арабского происхождения *kalem*, которая может означать: «ручка, карандаш; резец, долото; кисточка, тонкая кисть; канцелярия, бюро; черенок; сорт, вид» (актуальной является данная сема);

— использование арабизма вместо лексической единицы повседневно-обиходного ряда позволяет конкретизировать терминологическое понятие, отделив его от обыденного: *kendiliğinden* «сам по себе, сам собою» — *re'sen* «в силу занимаемой должности, по положению»;

— через образование терминологических словосочетаний с участием арабизмов может происходить конкретизация значения каждого или одного из слов, образующих словосочетание: *icra* «выполнение, исполнение; осуществление», *takip* «следование, преследование, наблю-

дение, проведение» — *icra takibi* «исполнительное производство»; *mahkeme* «суд», *yetki* «полномочие» — *mahkeme yetkisi* «судебная юрисдикция»; *yargı* «относящийся к судебному процессу», *muafiyet* «освобождение, прощение» — *yargı muafiyeti* «юрисдикционный иммунитет».

3) Понятийные ролевые процессы в системе родовидовых отношений

Арабизмы, участвуя в образовании различных комбинаций словосочетаний, могут нести следующую основную и второстепенную понятийную нагрузку:

— комбинированные варианты с турецким понятийным ядром (родовое понятие) и описательной понятийной периферией (видовое понятие), выраженной арабизмом: *evlat edinme* (*evlat* — «дítě»; *edinme* — отглагольное имя от глагола *edinmek* «приобретать») — «усыновление»; *faaliyet alanı* (*faaliyet* — «деятельность»; *alan* — «сфера») — «сфера деятельности»;

— комбинированные варианты с понятийным ядром (родовое понятие), выраженным арабизмом, и описательной понятийной периферией (видовое понятие), выраженной сочетанием арабизмов и слов турецкого происхождения: *çok failli karşılaşma suçu* (*fail* — «действующее лицо, исполнитель»; *karşılaşma* — «встреча»; *suç* — «преступление») — «преступление со сложным соучастием (с распределением ролей)»;

— комбинированные варианты с понятийным ядром (родовое понятие), выраженным арабизмом, и турецкой описательной понятийной периферией (видовое понятие): *bağlayıcı hükümler* (*bağlayıcı* — «привязывающий, обязывающий»; *hüküm* — «положение, вердикт, приговор») — «императивные нормы»; *koruyucu ebeveyn* (*koruyucu* — «защитающий, охраняющий»; *ebeveyn* — «родитель, родители») — «приёмный родитель»; *yüklenen fiil* (*yüklenen* — пассивное причастие от

глагола *yüklemek* — «грузить, возлагать»; *fil* — «действие») — «вменяемое деяние».

4) Словообразовательные процессы

Наряду с тем, что в юридическом дискурсе турецкого языка имеется большое количество однозначных слов-терминов арабского происхождения (например: *zimet* «присвоение, растрата денежных средств, хищение»; *irtikap* «вымогательство»; *mağdur* «потерпевший»; *hırsızlık* — «кража»; *taksir* «неосторожность» и др.), арабизмы активно участвуют в следующих словообразовательных терминологических процессах как лексического, так и грамматического характера:

— производные юридические термины-арабизмы, образованные турецким аффиксальным словообразованием: *zilyet* «владелец недвижимого имущества» + аффикс *-lik* → *zilyetlik* «обладание, владение; право владения недвижимым имуществом»;

— производные с мотивированными лексическими или морфологическими компонентами:

а) *-name*: заимствование из персидского языка, имеющее исходное значение «письмо». Использовано в турецком языке по формату слова-аффикса (аналогично *-hane*) при наименовании официальных документов уведомительного содержания: *kanunname* «кодекс, свод законов», *iddianame* «обвинительный акт, заключение», *ihbarname* «письменное уведомление», *nizamname* «устав, наставление», *kararname* «постановление, декрет, указ», *şikâyetname* «письменная жалоба», *şehadetname* «свидетельство, диплом, сертификат», *vekâletname* «письменная доверенность», *ihtarname* «письменное предупреждение», *vasiyetname* «завещательный акт, письменное завещание»;

б) *bila-*: префиксальная словообразовательная единица арабского происхождения со значением отсутствия того, что названо исходной

основой (частичный аналог турецкого аффикса *-siz*): *bilâ müddet (süresiz)* – «бессрочный; *bilâ sebeber (sebebsiz)*, беспричинный»;

в) *bi-* (перс.): является формой персидского происхождения, частично синонимичной вышеуказанной *bila-* (в некоторых случаях имеет антонимическую форму, образованную персидской морфемой *-dar*): *bihaber (haberdar)* «неосведомлённый»; *bimâna* «абсурдный, бессмысленный»; *bitaraf (tarafdar)* «нейтральный»; *bişuur* «несознательный»;

г) *bil-*: префиксальная словообразовательная единица арабского происхождения, создающая абстрактный семантический компонент совместности: *bilcümle (bütin)* «весь, целый»; *bilfiil (doğrudan; gerçekten)* «в действительности, фактически»; *bilistifade (yararlanarak)* «пользуясь, воспользовавшись»; *bilmukabele (karşılıklı olarak)* «взаимно, на паритетной основе»; *bilmünasebe (sırası ile)* «поочерёдно»; *bilumum (bütin, hep, -ların hepsi)* «всё, все».

Следует отметить, что за рамками юридического дискурса лексические единицы, образованные вышеуказанным способом, в турецком языке практически не встречаются.

— терминологические юридические словосочетания, образованные исключительно арабизмами: *hizmet akdi (hizmet — «служба, услуга»; akit — «акт, соглашение, контракт»)* — «договор возмездного оказания услуг»; *eşya hukuku (eşya — «вещь»; hukuk — «объективное право»)* — «вещное право»; *vesayet makamı (vesayet — «опека, попечительство»; makam — «орган, инстанция»)* — «орган опеки и попечительства»; *şahıs şirketi (şahıs — «лицо»; şirket — «компания, фирма, общество»)* — «компания полного товарищества»; *asayiş suçu (asayiş — «общественный порядок, спокойствие, безопасность»; suç — «преступление»)* — «преступление против общественного порядка и безопасности»; *yeminli mali müşavir (yeminli — «под присягой»; mali — «финансовый»; müşavir*

— «советник, консультант») — «аудитор»; *beraat kararı* (*beraat* — «оправдание»; *karar* — «решение») — «оправдательный приговор»;

– участие арабизма в сложных терминологических словосочетаниях, образованных с участием исконно турецкой лексической единицы: *hukukun üstünlüğü* «верховенство права»; *hukuksal varlık* «правовая сущность»; *ihtiyati önlem* «обеспечительная мера»;

– участие арабизма в сложных терминологических словосочетаниях, образованных с участием не только арабизма и исконно турецкой лексической единицы, но также с участием западного заимствования: *nakdi veya ayni gelir transferleri* (*nakdi* — «денежный»; *ayni* — «вещной»; *gelir* — «доход»; *transfer* — «трансферт, перевод, перечисление денежных средств») — «обеспечение дохода в денежной или натуральной форме»;

– участие арабизма в терминологических словосочетаниях, образованных с участием арабизма и западного заимствования и без участия исконно турецкой лексической единицы: *limited şirket* «общество с ограниченной ответственностью»; *anonim şirket* «акционерное общество».

Таким образом, арабизмы, составляя основной терминологический костяк юридического дискурса турецкого языка, наряду с общими закономерностями функционирования термина, привносят много частных отличительных особенностей, которые в совокупности и формируют уникальность данного дискурса и объективно нуждаются в дальнейшем изучении для формирования цельного системного облика юридического дискурса турецкого языка, как одного из прагматически и функционально востребованных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков А.Н. Современная турецкая юридическая терминология и её лексикографическое оформление // Тюркская лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1971. — С. 236–243.
2. Баталова М.Р., Костюхин А.А. Некоторые тенденции формирования и развития юридической терминологии в турецком языке / А.А. Костюхин, М.Р. Баталова // Право и управление. XXI век. — 2015. — № 3. — С. 136–141.
3. Баталова М.Р., Костюхин А.А. Некоторые проблемы реформирования юридического языка в Турецкой Республике и их учёт при подготовке юристов-международников со знанием турецкого языка / А.А. Костюхин, М.Р. Баталова // Вестник Курган-Тюбинского государственного университета имени Носира Хусрава (научный журнал), 2017, № 1–3 (47). — С. 49–55.
4. Галиакбарова Н.М. Деловой турецкий язык: практикум. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2014.
5. Гениш Э., Букулова М.Г., Рог А.В. Перевод официально-деловых текстов: с турецкого языка на русский; с русского языка на турецкий. Издательство: Ленанд (Урсс), 2020.
6. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочивания иноязычных терминов и терминологических элементов. — М, 1982.
7. Суперанская, А.В. Общая терминология: вопросы теории. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
8. Штанов А.В. Турецкий язык для юристов-международников: международные договоры и соглашения: международное частное право и международный гражданский процесс. / Учебное пособие: книга студента — М.: МГИМО–Университет, 2020.

9. Штанов А.В. Территориальные, возрастные и профессиональные аспекты лексической вариативности в современном турецком языке в свете решения проблемы взаимопонимания в рамках монолингальной коммуникации. // Лингвострановедение: методы анализа, техника обучения. Четвертый межвузовский семинар по лингвострановедению. М.: МГИМО, 2007, с. 232-242.

**Арабское влияние на испанский язык:
история и примеры заимствований**

Явление языковых заимствований возникает в ходе контактов, возникающих между различными народами и этническими группами, что помогает проследить и проанализировать этапы их исторического и культурного развития, особенности менталитета, социального устройства, а также глубже погрузиться в изучаемый язык. Этот процесс охватывает все уровни языка — лексический, фонетический, синтаксический и морфологический, в тех или иных вариациях. Тем не менее наибольшее влияние иностранные заимствования оказывают на лексику языка-реципиента, ведь она представляет собой самый подвижный компонент системы языка. Непрерывная трансформация словарного запаса, в свою очередь, отражает изменения в социальной, экономической и культурной сферах жизни его носителей. Лексические изменения возникают как внутри языковой системы, так и под воздействием иноязычного влияния [2]. Пути проникновения лексических заимствований могут быть как непосредственными — то есть путем контактов носителей языков, будь то торговых, культурных, бытовых и др., так и опосредованными, а именно через какой-либо третий язык, играющий роль посредника между первыми двумя. Кроме того, немаловажным фактором являются книжно-письменные заимствования, в частности из художественных и религиозных произведений на языках, имевших давнюю литературную традицию.

Среди других важных компонентов явления лексического заимствования выделяют адаптацию иноязычной лексики к системе языка-

реципиента через её приспособление на фонетическом и морфологическом уровнях.

В данном исследовании рассматриваются арабские заимствования, которые в Средние века проникли в систему испанского языка и многие из которых остаются в языке по сей день. Арабские заимствования, используемые в другом языке, носят название «арабизмы».

История арабских заимствований в испанском языке

В испанском языке на сегодняшний день насчитывают около 4000 арабизмов (около 5-8% от повседневного высокочастотного словарного запаса носителя языка). Арабский язык занимает почетное второе место (после латыни) среди языков, оказавших влияние на испанский. Примечательно, что из всех языков, распространенных на немусульманских территориях, именно испанский язык обладает наибольшим количеством арабских заимствований. Считается, что современный испанский язык оформился как синтез старокастильского испанского и мосарабского языков. Тем не менее при наличии в нем внушительного количества арабских географических названий, имен собственных практически не встречается заимствований глаголов и наречий. Этот факт указывает на то, что, несмотря на существенное влияние арабского языка на испанский, ему всё же не удалось изменить его коренным образом.

Известно, что с древних времен Ближний Восток оставлял весьма заметные следы в западноевропейской культуре, прямо или косвенно внося вклад в глобальную культуру всех обществ мира. Так, например, культуры Древнего Египта, Месопотамии, Персии оказали влияние на греков и римлян. В Средние века арабская и исламская культуры оказали глубокое влияние на Западную Европу. Заимствования в испанском языке – неотъемлемое доказательство этого явления.

Займствование и адаптация арабских слов к испанскому возникли в результате широкого культурного обмена, имевшего место в прошлом в результате арабской оккупации средневековой Испании. Его начало было положено завоеванием Иберийского полуострова мусульманами в VIII в. н.э., а точнее в 711 году, когда мавры — исповедовавшие ислам арабы и берберы, выходцы из Северо-Западной Африки — установили господство практически на всей территории современной Испании [9].

Арабский язык всегда оказывал влияние на языки народов, куда пришёл ислам, в том числе и потому, что он неразрывно связан с Кораном — священным писанием мусульман, который представляется трудным перевести, не владея специфической лексикой, в основе которой лежат арабизмы. Народы, проживающие на завоеванных мусульманами территориях, столкнулись с необходимостью изучать арабский язык, чтобы поддерживать межнациональные контакты, а принявшие ислам — практиковать обряды мусульманской религии.

Примечательно, что классический арабский язык в период расцвета мусульманской Испании занял ведущие позиции в качестве литературного и научного языка, хотя и являлся родным языком лишь для ограниченного круга лиц — так называемой административной элиты мусульманских государств (не более 5 % населения) [4].

Более широкое народное распространение андалусийский арабский язык получил в Гранадском эмирате позднего периода, а в XII-XIII вв. в южной половине полуострова при сильном влиянии арабского и берберского языков и различных диалектов сформировался мосарабский язык, романский в своей основе. Кастильский же язык некоторое время оставался в стороне от арабских заимствований в силу того, что в его основу лег бургосский (северный) диалект.

Таким образом, арабизмы проникли в литературный испанский язык как в ходе торгово-экономических и военных контактов периода Реконкисты, так и в большей степени через мосарабский язык.

Регион Испании, который был завоёван мусульманами, был переименован в Аль-Андалус. Приход мусульман на Пиренейский полуостров представлял собой радикальное изменение с политической, экономической, социальной, культурной и лингвистической точек зрения, а исламское правление распространилось на большую часть Испании. Стоит упомянуть, что в то время латинский язык и латинская культура были весьма бедными, а арабская цивилизация, напротив, была очень мощной, особенно в IX и XII веках. В свою очередь, арабский язык стал языком культуры, и жители полуострова, находившиеся под властью арабов, должны были выучить арабский язык. Латинский язык, безусловно, никогда не исчезал с Пиренейского полуострова, но с распространением арабского языка началась эра двуязычия. В то время мусульмане доминировали во всех сферах общества: в политике, экономике, сельском хозяйстве, религии, и они превосходили испаноязычное население, особенно благодаря своей высокоразвитой культуре. Христианское население территории, где преобладают мусульмане, было арабизировано. Их называли мосарабами, что в переводе с арабского языка (مستعرب) означает арабизированное христианское население. С другой стороны, то, что характеризует мусульманскую культуру Аль-Андалуса, — это сбор и синтез элементов подчиненных народов, что являлось своего рода мостом для проникновения восточной культуры в Европу. Арабы считали, что через знание они достигают Бога, поэтому они перевели многие философские и научные тексты. Они комментировали и исправляли тексты, трансформировали полученные знания, применяя критический и творческий подходы. Вполне вероятно, что, если

бы не переводы, сделанные в Аль-Андалусе, многие из этих античных произведений исчезли бы навсегда. Основным мыслителем мусульманской Испании был Ибн-Рушд (XII в.), комментатор Аристотеля и основатель школы, отрицавшей противопоставление разума и веры, которую он прочно интуитивно понимал в мысли европейского Возрождения. Во времена халифа Аль-Хакама II Кордова была самым известным городом в мире, известным своим культурным великолепием и атмосферой терпимости. В это время было написано большое количество работ в области литературы, астрономии, математики и т.д. В целом культура и искусство достигли высокого уровня до такой степени, что Аль-Андалус стал примером для остального исламского и европейского мира.

В арабской литературе Средневековья известно, что было два типа композиций: те, которые передавались устно — *jarchas* خرجة («выход» или «конец»), *موشحة amogoso* — короткие стихотворения для пения и культурные произведения, а также *moaxajas* («ожерелье») — стихи, написанные на мосарабском языке, в которые были вставлены тексты из устных композиций *jarchas*. Также в Средние века получил большое распространение метод записи и передачи индоевропейских языков с помощью арабского алфавита, который называется альхамьядо (от испанского *aljamiado* «записывать романскую речь арабскими буквами»).

Чтобы понять роль, которую арабский язык сыграл в формировании и развитии испанского языка, необходимо изучить лингвистические отношения, сформировавшиеся между двумя языками. С 711 г. н.э., когда мусульмане прибыли в Испанию, их язык соприкасается с вульгарной латынью. Лингвистические отношения между арабским и испанским языками обусловлены двумя основными причинами: с одной стороны, это соприкосновение языков, а с другой — культурное влияние. Арабизация Испании — часть мусульманской экспансии в Северной

Африке. Когда арабы и берберы завоевали большую часть территорий, они установили на них арабский язык в качестве официального [1]. Однако в некоторых областях сохранился родной язык. Тем не менее можно сказать, что в Аль-Андалусе сосуществовали несколько лингвистических разновидностей: *классический арабский язык* (язык официальных, литературных и научных документов); *разговорный язык арабов*; *латинский*; *романская или вульгарная латынь*; *иврит* (язык, используемый еврейской общиной).

Действительно, повседневная жизнь того времени, характеризовавшаяся прямым взаимодействием между жителями Аль-Андалуса, допускала ситуацию языкового контакта, которую можно увидеть в испанском и арабском языках сегодня. Появление Аль-Андалуса представило новую социальную реальность — практику двуязычия в повседневной жизни. Тот факт, что испанско-римское население и арабы общались альтернативным способом, используя классический арабский и романский языки, будь то вульгарный арабский или латынь, установил точку соприкосновения между обоими языками. Потребность носителей с обеих сторон в знакомстве с соответствующими языками способствовала возникновению языкового заимствования. В результате двуязычия родилось новое языковое разнообразие: андалузский арабский язык. Столкнувшись с этой реальностью, испанский язык претерпел наибольшее количество лингвистических заимствований.

Так же, как в наши дни английский язык необходим людям, занятым в научной и технической сферах, в период Средневековья насущной необходимостью было знание арабского языка, на котором в то время создавалось подавляющее большинство научных трудов. В одной из 60-ти библиотек Кордовы (Испания) находилось более 600 тыс. томов рукописей арабских ученых и мыслителей.

Кроме того, на основе латинского в этот период возникло множество языков, получивших общее название романских. Они делились на четыре основных диалекта: *месарабский*, на котором говорило христианское население, живущее под властью арабов, и который стал основным каналом заимствования испанским языком арабских лексических единиц; *арагонский*, на котором говорили жители провинции Арагон; *леонский*, язык королевства Леон, который также подвергся значительному арабскому влиянию; *кастильский*, ставший впоследствии национальным языком Испании и самой «чистой» формой испанского языка [10].

В X в. процесс заимствования стал наиболее интенсивным. Богатейший лексический запас арабского языка стал гарантией возможностей развития европейской научной мысли.

Несмотря на то, что после ухода арабов с полуострова испанцы неоднократно пытались искоренить арабские слова в своем языке, в нем до сих пор сохранилось около 4000 слов и более 2000 географических названий арабского происхождения. Примечательно, что даже сам Христофор Колумб в XV в. использовал в своих дневниках мореплавателя арабские и берберские слова [6].

Этапы появления арабизмов в испанском языке

Выделяют три периода распространения арабских заимствований в лексическом составе испанского языка как в устной форме, так и через язык науки и культуры [7].

1-й период охватывает VIII-XI вв. Для арабизмов данного периода характерны следующие особенности: 1) в документах они датированы периодом до 1050 г.; 2) имеют место одновременно в испанском, португальском и каталонском языках; 3) имеют различные фонетические особенности в процессе заимствования. Многие арабизмы этой эпохи вышли из употребления уже к XIII в. По большей части это

названия одежды, тканей, денежных единиц, воинских чинов и т.п. — устаревших предметов и явлений. Сохранившиеся же арабизмы в испанском языке связаны с бытом арабов, например, *mozleto* «мусульманин» (مسلم); с арабскими административными и социальными институтами: *alfoz* «сельская территория» (الحوز), *aldea* «деревня, село» (الضبعة); военной сферой: *alférez* «младший офицерский чин» (الفارس); *atalaya* «высокая башня» (الطلائع); с текстильной промышленностью: *algodón* «хлопок» (القطن), *acítara* «занавеска» (الستارة); с домашним бытом: *taza* «металлическая чаша для питья» (طاسة); *safiz* (мера ёмкости) (قفيز) [7]. Потеря или устаревание лексики 1-го периода связано с тем, что авторами документов того времени или переводчиками часто были арабы, которые ввиду незнания романских лексических эквивалентов пользовались адаптированным арабским вокабуляром. Сохранившаяся же лексика связана с необходимостью передачи соответствующих терминов для межнациональных контактов. Для терминов 1-го периода характерно отсутствие использования артикля -al в заимствованиях, большинство арабизмов являлись народными и были частотно употребляемыми.

2-й период относится к середине XI до начала XIII в. Подавляющее большинство арабизмов этого периода сохранилось, что свидетельствует об усилении влияния арабского на лексический строй испанской речи. Например: *alaules* «жемчуг» (لولؤ); *mancale* (*mesa*) «таблица» (منقلة); *alcailo* (*caballo*) «лошадь» (الكحيل); *yusefi*, *merini* (названия монет). Новые заимствования были тесно связаны с соответствующими социальными структурами и их представителями: *alcalde* «мэр» (القاضي), *alguacil* «шериф» (الوزير); с военной тематикой: *alcazar* «крепость, дворец» (القصر), *alcaude* «надзиратель, смотритель» (القائد); *almófar* «бармица (вид доспехов)» (المفر).

К арабизмам 3-го периода относят те заимствования, которые были впервые письменно упомянуты в источниках, датированных позднее 1200 г. Для этой эпохи характерно стремительное развитие лексики в сфере искусства, науки, техники и технологии. Наблюдается уменьшение доли заимствований из области военной терминологии. Далее приведён список некоторых заимствований третьего периода: *almacén* «склад, хранилище» (المخزن), *argesife* «риф» (الرصيف); *aduana* «таможня» (الديوان); *ataúd* «ящик, комод» (التبوت), *alazan* «рыжеволосый» (الأصهب); *adobe* «глина, кирпич» (الطوب); *alcuza* «специальный сосуд для подачи масла» (الكوزة); *almenara* «маяк» (المنارة); *madraza* «медресе» (مدرسة); названия животных и растений: *algazel* «газель» (الغزال); *zarafa* «жираф» (زرافة); *acelga* «мангольд» (السلقة); *arroz* «рис» (الرز); *aceituna* «оливка» (الزيتونة); шахматные термины: *acedrex* «шахматы» (الشطرنج); *alfil* «слон (шахматная фигура)» (الفيل); *mate* «мат (шахматный)» (مات).

Явление арабских заимствований наблюдалось также в сфере строительства, что связано с расцветом арабской архитектуры Магриба и Испании. В X-XV вв. в таких городах, как Марракеш, Фес, Рабат шло строительство касб (цитаделей) и медин (торгово-ремесленных кварталов). Данные термины заимствованы из арабского языка *قصبة* «цитадель, главный город» и *مدينة* «город».

Отдельно стоит упомянуть термины, относящиеся к средневековой арабской культуре в областях математики, астрономии, философии, медицины и пр., которые пополнили общий фонд европейской и мировой науки и культуры. К таким терминам относятся: *algebra* «алгебра» (الجابر); *cifra* «цифра» (صفر); *azimut* «азимут» (السموت); *almanaque* «альманах» (المناخ); *elixir* «эликсир» (الإكسير); *alcohol* «алкоголь» (الكحول) и т.п.

Арабские заимствования на различных языковых уровнях

1. Лексика.

А) Слова, начинающиеся на -al. В испанском языке подавляющее число слов, начинающихся с «al-», являются арабскими заимствованиями. В этом случае арабские слова перешли в испанский язык не в своей начальной форме, а вместе с определенным артиклем «al-» ال. В арабском языке артикль -al имеет две вариации в зависимости от типа первой буквы слова — «лунной» или «солнечной». Если буква «лунная» — то артикль -al пишется и читается в своем первоначальном виде. Если же буква «солнечная» — то артикль -al пишется, но читается как -a, а затем первая буква слова удваивается. Это правило отразилось и в испанском языке. Примеры слов, начинающихся с «лунной» буквы: alcohol, alfombra, álgebra. Примеры слов, начинающихся в арабском языке с «солнечной» буквы (в испанский язык эти слова перешли без удвоения согласной, но с потерей буквы l): aceituna, aceite, azúcar.

Б) Прямые заимствования. Основную массу заимствований из арабского языка представляют прямые заимствования имен существительных, причем в большинстве случаев при ассимиляции нового слова в языке происходит изменение рода: laca- лак — жен. р., لك — муж. р.; café «кофе» — муж. р., قهوة — жен. р. Необходимо отметить, что слово «Вы» (Usted) — не что иное как искаженное арабское слово أستاذ, означающее «учитель», «наставник», «профессор» Благодаря непосредственному контакту между языками почти все арабские заимствования являются прямыми, т.е. непосредственно перешедшими из арабского языка в испанский, но существует несколько примеров косвенного заимствования, например, слово sultan попало в испанский язык не напрямую из арабского, а через турецкий язык. Многие из этих заим-

ствований впоследствии превратились в интернационализмы: alcohol «алкоголь» (الكحول); zafrán «шафран» (الزعفران) и проч.

В) Экзотизмы. Для испанского языка также характерно употребление экзотизмов и терминов, относящихся к культуре страны, что обусловлено либо тематикой, необходимостью описания обрядов, быта, обычаев народа этой страны, либо степенью владения говорящим иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи.

Вот некоторые примеры: Corán «Коран» (القرآن); harén «гарем» (حريم); islam «ислам» (إسلام); califa «халиф» (خليفة), beduino «бедуин» (بدوى), minarete «минарет» (منارة); molá «мулла» (ملا).

Г) Топонимы. В испанском языке насчитывается большое количество топонимов арабского происхождения. Некоторые из них представляют собой гибридные формы, состоящие одновременно из арабского и латинского корня. Рассмотрим несколько примеров топонимов [5]:

— Algeciras — араб. الجزيرة «остров»;

— Guadalupe — пример гибрида из арабского и латинского корней واد «долина» + lupus «волк»;

— Ахауа́ — восточный регион провинции Малага, Андалусия (название произошло от арабского слова الشرقية, что означает «восточная (область)»);

— Андалусия — происходит от الأندلس, арабского названия Пиренейского полуострова, находящегося под мусульманской оккупацией;

— Альбасете — город и провинция региона Кастилия-Ла-Манча, его название происходит от арабского البسيط «разостланный»;

— Алькала — муниципалитет, расположенный в испанской провинции Мадрид, от арабского القلعة «крепость, цитадель»;

— Гибралтарская скала — название произошло от арабского جبل طارق, что означает «гора Тарика», в память о мусульманском полководце Тарике ибн Зияде;

— Гвадалахара — город и провинция региона Кастилия-Ла-Манча, название происходит от слова وادي الحجارة, что буквально означает «каменный каньон»;

— Гвадалквивир — название реки, происходит от арабского слова الوادي الكبير «великая река».

Д) Имена собственные. На юге Испании популярны арабские имена, например, Мухамед, Ясмина, Зорайма и т.д.

Е) Фразеологические кальки с арабского языка. В современном испанском языке встречается ряд выражений, которые заимствованы из арабского языка путем прямого калькирования. К таким выражениям относятся: *si Dios quiere* «Если Богу угодно» — арабский аналог *إن شاء الله*; *Dios mediante* «Бог с нами» *الله معنا*; *Dios te guarde* «Да хранит тебя Бог»; *Dios te ampare* «Да защитит тебя Бог» *الله يحفظك* [3].

Ж) Семантические дублеты. Явление, при котором для одного и того же понятия существует как романский, так и заимствованный (в нашем случае, из арабского языка) эквивалент. Примеры таких дублетов в испанском языке: *ajonjolí* «кунжут» (الجلجان) — *alegría-sésamo*; *almanaque* «календарь, альманах» (المناخ) — *calendario*; *almohada* «подушка» (المخدة) — *cabecal-haceruelo*; *toronjil* «мелисса» (ترنجان) — *hierba abejera*; *jabalí* «дикий кабан» (جيلي) — *puerco montés* [3].

2. Морфология. Типичен для испанского языка суффикс *-i*, обозначающий принадлежность к месту или роду, который в свою очередь происходит от арабского *ي*, встречающегося на конце всех относительных прилагательных: *marbellí*, *ceutí* «сеутец», *maghrebí* «магрибец»,

zaragocí «сарагоец», andalusí «андадусиец» и не только jabalí, maravedí, muladí, baladí.

3. Фонетика. Сдвиг согласных начала XV в., который привёл к развитию в испанском звука жёсткой фрикации -j-, неизвестному другим романским языкам, а также произношению 'h' в придыхательной форме, связывают с фонетическими особенностями арабского языка ввиду наличия в нём нескольких видов буквы «х».

4. Синтаксис. Что касается синтаксиса, то никакого влияния арабского языка не выявлено. Тем не менее вероятность семитского влияния наблюдается в отношении структуры предложения VSO (сказуемое+подлежащее+дополнение) в испанском языке. Несмотря на то, что, как и все другие романские языки, испанский классифицируется в лингвистической типологии, как язык SVO (подлежащее + сказуемое + дополнение), в 1981 г. испанский филолог Рафаэль Лапеса выдвинул гипотезу, что порядок предложений VSO чаще встречается в испанском и португальском языках, чем в других романских языках, вероятно, из-за семитского (предположительно арабского) влияния.

Что касается влияния арабского языка на испанский с точки зрения грамматики, то в испанском языке встречаются некоторые служебные (предлоги) и особые части речи (междометия) арабского происхождения. Например, предлог hasta «до, даже» образован от арабского слова حتى; междометие hala «надо же, давай» — от هالا, междометие ojalá «лишь бы, дай Бог» — от арабского выражения إن شاء الله.

Тематические группы арабизмов

Классифицируют следующие тематические группы арабизмов [3]:

1. Строительные термины:

alarife «архитектор» (العارف); atalaya «сторожевая башня» (الطليلة); albañil «каменщик» (андалусийский вариант al-banni арабского слова

البناء); adobe «сырцовый кирпич» (الطوب); azulejos «керамическая плитка» (الزليج); tabique «перегородка» (تشييك); alcantarilla «канализационная труба» (القنطرة); alcázar «крепость, дворец» (القصر).

2) Торговые и ремесленные термины:

almacén «склад» (المخزن); aduana «таможня» (الديوان); tarifa «тариф» (تعريفة); zoco «восточный базар» (سوق); azotea «плоская кровля» (السطح); alcabala «налог на торговые сделки в Кастилии» (القبالة).

3) Сельскохозяйственные термины:

aljibe «водоём» (الجب); acequia «оросительный канал» (الساقية); nogia «водокачка» (ناعورية); alberca «резервуар» (البركة); algodón «хлопок» (القطن); azafrán «шафран» (الزعفران); berenjena «баклажан» (باندجان); zanahoria «морковь» (марокканский диалект اسفنارية); alcachofa «артишок» (الخرشوف); naranja «апельсин» (نارنج); jazmín «жасмин» (ياسمين); aceituna «оливки» (الزيتون).

3. Научные термины:

algebra «алгебра» (الجبر); cifra «цифра» (صفر); algoritmo «алгоритм» (название произошло от фамилии математика Аль-Хорезми الخوارزمي); nadir «надир» (направление, совпадающее с направлением действия силы гравитации в этой точке), произошло от نظير «напротив»; alfaqui «факих» (الفقيه).

4. Медицинские термины:

jarope «сироп» (شراب); zaratán «рак (болезнь)» (سرطان); momia «мумия» (مومياء); alquitrán «дёготь» (القطران); jaquesa «головная боль» (شقيقة).

Это далеко не полный список тематических групп арабизмов в испанском языке, однако подобная попытка их классификации представляется полезной для более наглядного изучения явления языковых заимствований.

Ложные друзья переводчика

Известно, что арабский и испанский — два языка, которые во всех смыслах сильно различаются, поскольку принадлежат к двум очень разным языковым и культурным корням. Поэтому в процессе заимствования некоторые смыслы могли исказиться, и, идентифицировав в испанском слове арабизм, не стоит торопиться переводить его в точности, исходя из значения в арабском языке. Далее приведён список арабизмов, значение которых не совпадает с испанским языком и которые необходимо принять во внимание [8].

Арабизм	Толкование слова на испанском языке	Арабское слово	Значение арабского слова
alcalde	председатель городского или муниципального совета	القاضي al- qādī	судья
alfil	шахматная фигура «слон»	الفيل al-fīl	слон (животное)
algorfa	верхняя камера для сбора или хранения зерна	الغرفة al-gurfa	комната
alharaca	демонстрация привязанности, гнева, жалобы или восхищения	الحركة al-ḥaraka	движение
alhaja	драгоценный камень, украшение или драгоценный предмет мебели	الحاجة al-ḥāga	нужда
alacena	ниша в стене с дверцами и полками для хранения вещей.	الخزانة al-ḥizāna	шкаф
almoneda	публичная продажа товаров и мебели	المنادي al-munādi	тот, кто зовет («зывает»)
azahar	цветок апельсинового или лимонного дерева	الأزهار al-azhār	цветы (любые)
escaque	квадраты на шахматной доске	السكك as-sakkāk	тот, кто чеканит монеты
mezquino	жадный или скупой человек	مسكين miskīn	бедный, несчастный
rambla	слой дождевой воды	رملة ramla	песчинка

Арабизм	Толкование слова на испанском языке	Арабское слово	Значение арабского слова
taca	небольшой шкаф	طاقة tâqa	мощность, потенциал
zaratán	рак груди у женщин	سرطان saratân	рак (болезнь)

Таким образом, присутствие арабов в Аль-Андалусе на протяжении восьми веков не только оставило после себя научное, культурное, архитектурное, но и языковое богатство — аспект, который был рассмотрен в этой статье на примере арабских заимствований. Автором была предпринята попытка классифицировать данные арабизмы по периодам и тематическим группам. С лингвистической точки зрения, влияние арабского языка на испанский язык проявилось на всех языковых уровнях — в лексике, фонетике, морфологии, синтаксисе. Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что проникновение арабизмов в испанский язык — это долгий исторический процесс, который внёс значительный вклад в формирование вокабуляра современного испанского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. // Сокр. пер. с исп. Е.А. Вадковской и О.М. Гармсен. — М.: Изд. иностр. лит., 1951, 2 т.
2. Тканко В.Ю. Арабский компонент как составляющая феномена испанской культуры. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2009, №3.
3. Тканко В. Ю. Обогащение словарного запаса изучающих испанский язык за счёт слов арабского происхождения. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2009, №10.
4. Ali Ibrahim Hasan El-Shboul. Los Arabismos en la Historia Lingüística del Español: Una Estrategia para el Aprendizaje del Español y el Árabe Como

- Lenguas Extranjeras – Revista de Filología y Lingüística de la Universidad de Costa Rica. Volumen 44, Número 2, Octubre 2018 – Marzo 2019.
5. Alonso A. Las Correspondencias Árabe-Españolas en Los Sistemas de Sibilantes, RTH, VIII, 1964. p. 12-76
  6. محمد الخطابي. لغة الضاد و مدى تأثيرها في اللغة الإسبانية. [Электронный ресурс] /
Режим доступа: <https://www.raialyoum.com/index.php>
  7. Громова Е.А. Роль арабских заимствований на современном этапе развития испанского языка. [Электронный ресурс] / Режим доступа:
http://esp-centr.sfedu.ru/documents_centra/conf/Gromova.pdf
  8. Khayat I. Algunos aspectos de la influencia del árabe en la lengua española. [Электронный ресурс] / Режим доступа:
https://ddd.uab.cat/pub/tfg/2016/tfg_45415/TFG_2015-16_FTI_Khayat.pdf
  9. فاطمة رضا. تأثيرات اللغة العربية على اللغة الإسبانية [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=627233>
  10. Quilis Morales. A. Introducción a la historia de la lengua española. Madrid, UNED, 2003.
  11. Diccionario Etimológico Castellano En Línea [Электронный ресурс] /
Режим доступа: <http://etimologias.dechile.net>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонова Наталья Геннадьевна — преподаватель кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России.

Бильяк Ирина Евгеньевна — доцент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), кандидат филологических наук, доцент.

Гаджиева Анар Ахметбековна — доцент Военного университета Министерства обороны РФ, кандидат филологических наук, доцент.

Кононок Эжен Владимировна — преподаватель арабского языка, Образовательное частное учреждение высшего образования (ОЧУ ВО) «Институт стран Востока».

Костенко Юрий Ильич — доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России, кандидат исторических наук, доцент.

Крылов Алексей Александрович — доцент кафедры ближневосточных языков Военного университета Министерства обороны РФ, кандидат филологических наук.

Крылов Александр Юльевич — доцент Образовательного частного учреждения высшего образования (ОЧУ ВО) «Институт стран Востока», кандидат филологических наук.

Кухарева Елена Владимировна — доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России, кандидат филологических наук, доцент.

Лебедев Владимир Васильевич — доцент кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук, доцент.

Мамедов Насрулла Наиб — профессор кафедры арабской филологии Бакинского государственного университета, доктор филологических наук, профессор.

Меликян Ара Андраникович — торговый представитель Российской Федерации в ОАЭ, кандидат экономических наук.

Мокрушина Амалия Анатольевна — доцент Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), кандидат филологических наук, доцент.

Онищук Мария Николаевна — преподаватель кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России.

Пантюхин Николай Янович — старший преподаватель кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России.

Попенков Олег Николаевич — преподаватель кафедры ближневосточных языков Военного университета МО РФ, кандидат исторических наук.

Успенская Нина Алексеевна — доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России, кандидат филологических наук, доцент.

Фомина Зинаида Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член-корреспондент РАЕН РФ. Государственное бюджетное учреждение Воронежской области «Воронежский региональный ресурсный центр».

Хана Яфия Юсиф Джамиль — доцент Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), кандидат филологических наук, доцент.

Штанов Андрей Владимирович — заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России, кандидат филологических наук, доцент.

Шуйская Наталья Михайловна — доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России, кандидат филологических наук.

Научное издание

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРАБСКОЙ ФИЛОЛОГИИ»

Сборник научных статей
II Всероссийской научно-практической конференции имени Х.К. Баранова
(15 октября 2020 г.)

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Сборник издается в авторской редакции
в соответствии с оригинал-макетом, представленным в издательство

Компьютерная верстка *Э.В. Яковенко*
Художественное оформление *Е.С. Игнатова*

Подписано в печать 09.09.2021. Формат 60×84^{1/16}.
Усл. печ. л. 19,2. Уч.-изд. л. 13,2. Заказ 900

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76